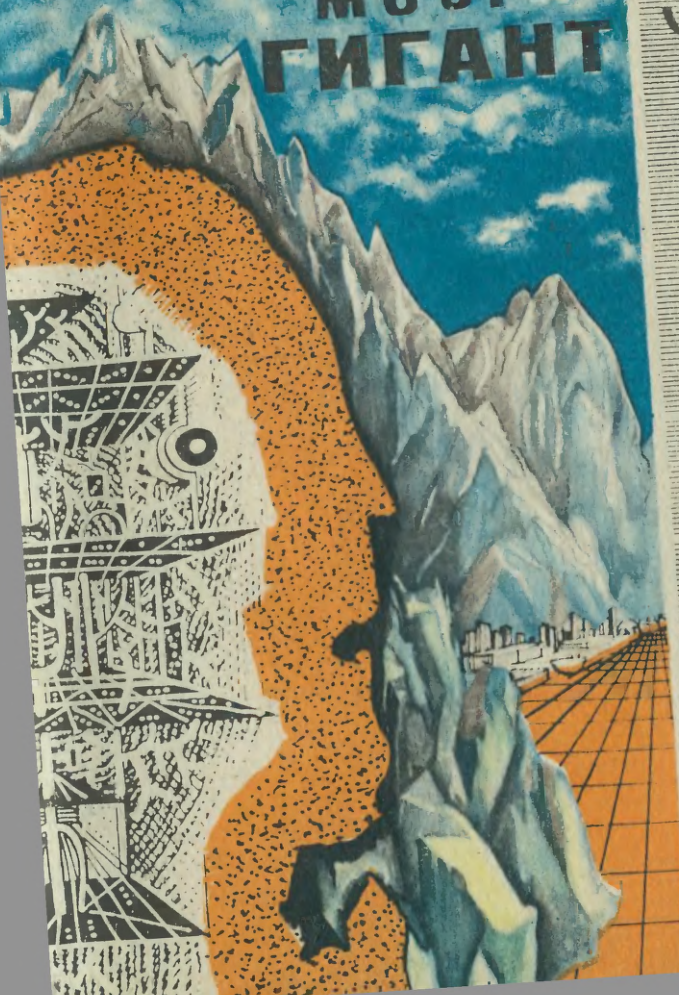
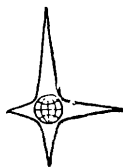

Генрих Гаузер
МОЗГ-
ГИГАНТ

З
А
Р
У
Б
Е
Ж
Н
А
Я

Ф
А
Н
Т
А
С
Т
И
К
А

ИЗДАТЕЛЬСТВО
« М И Р »

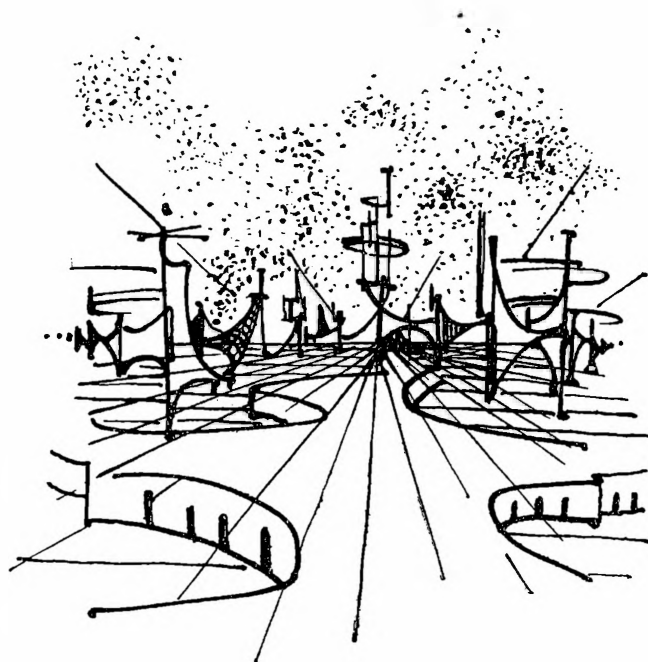
HEINRICH HAUSER

GIGANT-HIRN

*Ein utopisch-technischer
Roman*

MÜNCHEN
WILHELM
GOLDMANN
VERLAG

Г. ГАУЗЕР

МОЗГ-ГИГАНТ

Научно-фантастический роман

ПОСЛЕСЛОВИЕ Б. Л. ЛЕОНТЬЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР» • Москва 1966

Перевод с немецкого
Р. А. ШТИЛЬМАРКА

Редактор
Р. М. ГАЛЬПЕРИНА

*Редакция научно-фантастической
и научно-популярной литературы*

1.

У молодого инженера-пилота затекли ноги, он вытянул их и осторожно положил на первые попавшиеся контрольные приборы. Такой аппаратурой кабина была полна до отказа. Инженер-пилот поудобнее улегся на откидном сиденье, закинул руки за голову и улыбнулся своему единственному пассажиру, доктору Ли.

— Вот и подходим. Почти дома!

Высокий худощавый мужчина в дверях кабины, казалось, не понимал собеседника. Перегнувшись вперед, он напряженно смотрел вниз, на землю, сквозь небольшие окна пилотской кабины. Словно гигантская серебряная чаша, поблескивали в рассветных лучах пески пустыни.

— Но это не может быть Вашингтон, — произнес наконец пассажир удивленно. — Границу Калифорнии мы пересекли всего с полчаса назад. Даже при 1200 милях в час мы никак не можем быть на подходе к Вашингтону.

Улыбка пилота стала шире и перешла в благожелательную усмешку.

— Попали в самую точку, доктор! Что и говорить, до Вашингтона остался еще добрый кусок пути! Зато вы сейчас увидите под нами Цефалон; там наш рейс и кончается. Инструкция у меня четкая; доставить воздушным спецрейсом с миссионерской станции Валлабавалла. Северная Территория Австралии, одного профессора и 15 тонн термитов прямо-таки в Цефалон, Аризона, США... Вы на меня не обижайтесь, доктор, но это самый странный груз за всю мою летную практику!

Ли озадаченно поморгал, снял очки, старательно протер сильновыпуклые линзы и снова водрузил очки на нос, будто все это могло помочь ему яснее оценить неожиданную ситуацию. Он провел узкой рукой по седым волосам, потрогал худую, бледную щеку, еще покрытую желтыми пятнами — результат усиленных приемов атебрина во время последнего приступа малярии. Губы его сами сложились для недоуменного «О!»

— Ничего не понимаю, — заговорил он, явно нервничая. — Вообще не понимаю всей этой истории. Сперва Министерство сельского хозяйства шлет срочный вызов ученому, живущему на нейтральной территории, а ведь до того никому и дела не было до работ этого ученого! И едва письмо дошло, а уж тут как тут самолет, присланный правительством. Что ж, я охотно предоставил бы в распоряжение министерства сколько угодно экземпляров выведенного мною вида муравьев-термитов «ант-термес пасификус». Их с лихвой хватило бы для любых опытов и наблюдений, для любых научных целей, связанных с изучением

термитов. Было бы просто и разумно. Так нет же! Этим господам подавай все, что у меня есть. Вы буквально сваливаетесь на меня с неба, чуть не с правами судебных исполнителей, и высаживаете целую колонну демонстрационных. Вы нарушаете покой гибридных видов, а вывести их стоило мне десятилетнего труда! Вы снимаете и упаковываете все до единой термитные постройки. Весь уклад моей жизни летит кувырком, как лопнувший воздушный шарик. Да еще собираетесь высадить меня в таком месте, о котором я в жизни не слыхал. Цефалон! Что это еще за Цефалон? Ведь будь тут мало-мальски серьезный энтомологический институт, он был бы мне известен!..

Пилот бросил на раздосадованного ученого сочувственный взгляд.

— Раз вы не знаете, то я тем более ничего не могу вам объяснить, — сказал он многозначительно. — Цефалон — это такой город, тут уж ничего не скажешь. Только ни на одной карте он не обозначен. Совсем как обетованная страна Шангри-ла, если вы понимаете, что я имею в виду*.

Столь загадочные пояснения отнюдь не успокоили доктора Ли.

— Чепуха! — сказал он, сердито наморщив лоб. — Если это населенный пункт, он должен быть обозначен на карте, а если его нет на карте, значит нет и на свете.

— Взгляните-ка туда! — Сквозь смотровое

* Имеется в виду буддийская легенда о некой обетованной стране Шангри-ла в горах Тибета. Эту легенду не раз использовали американские писатели и кинорежиссеры. — *Прим. перев.*

стекло «Летающего крыла» пилот указал на неясные контуры впереди. — Что же, по-вашему, доктор, это — мираж?

Ли напряженно всматривался в смутные очертания, возникающие из дымчатого марева; при сверхзвуковой скорости полета они быстро обретали форму. —

— Действительно похоже на мираж, — удивился он вслух. — Это и есть Цефалон?

Пилот кивнул.

Самый славный городок в Штатах, по крайней мере из тех, где мне жить по карману. К тому же идеальный аэропорт. Необычная архитектура, не правда ли? Присматривайтесь, пока будем заходить на посадку и ждать разрешения.

Доктору Ли показались не вполне уместными такие выражения, как «славный» и «городок». Город, что разворачивался под ними, поражал и восхищал; то была осуществленная мечта гениального провидца о далеком будущем в сочетании с чертами еще более отдаленного прошлого.

Вторгаясь в пустыню, тянулись вдоль широких, осененных пальмами аллей жилые дома с плоскими крышами и просторными террасами. Стилль древних перуанских и мексиканских построек сочетался здесь с новейшими достижениями строительной техники. Об этом свидетельствовали, например, прямоугольники водных бассейнов на крышах: закрывая плоскую кровлю, бассейны давали прохладу обитателям домов. В деловой части города огромные пирамидальные здания, усеянные посадочными площадками для вертолетов, напоминали

архитектуру древнего Вавилона и Ниневии. В самом центре искусственного оазиса вздымалось ввысь мощное здание, похожее на крепостной бастион в форме семиконечной звезды. Несмотря на импозантность зданий, город Цефалон с его красочной феерией висячих садов и сочной зеленью парков походил на громадную цветочную клумбу. Лучшие американские зодчие, лучшие мастера парковой архитектуры достигли здесь предельной выразительности.

Пока большой самолет, сбавив скорость, чертил в небе один круг за другим, одинокий пассажир из Австралии все более дивился раскинувшемуся внизу городу.

— Он великолепен, — бормотал пассажир, — он как мечта!

— Простите, но я глазам своим не верю, — снова обратился он к пилоту. — Правда, я уже больше десяти лет не бывал на родине. Но и в австралийской чаще я получал из Штатов кое-какие научные журналы. Если за годы моего отсутствия возник такой город, об этом не могли не упомянуть в печати. И, уж конечно, он должен значиться на любой карте... Ничего не понимаю! Чем дольше гляжу — тем меньше понимаю!

Пилот пожал плечами.

— Город новешенький, как говорится, с иголки. Может, потому его и проглядели? — заметил он с усмешкой.

Доктор Ли нетерпеливо-тряхнул седой гривой.

— Бросьте острить. Посмотрите на эти высокие пальмы. Не со вчерашнего же дня они тут вымахали?

— А я и не шучу, — возразил пилот. — Кстати, эти пальмы здесь действительно со вчерашнего дня, вернее, чуть ли не со вчерашнего. Я и сам недавно перевозил их. Редкостные финиковые пальмы, прямиком из Аравии. Доставлены вместе с родной почвой. А вид такой, будто давно прижились. Растут как ни в чем не бывало, позабыв свое путешествие через океан.

— Но послушайте, — воскликнул Ли, — тогда вам должно быть известно, что, наконец, все это значит! Почему город возник в центре пустыни? Для какой надобности? Зачем вы привезли сюда меня? Почему мы так долго кружим? Ведь в воздухе как будто нет ни одного самолета, кроме нашего?

Пилоту нравился чудаковатый пассажир, казавшийся немножко не от мира сего.

— Вы слишком много хотите узнать сразу, — ответил он с запинкой. — Я не вправе полностью ответить на все эти вопросы. Что же касается последнего, то тут дело простое: мы не можем сесть, пока наш груз не пройдет проверки и не получит допуска в порт.

Ученый удивленно вскинул щетинистые брови.

— Проверка груза? Прямо в воздухе? И без единого представителя аэропорта на борту?

Пилот кивнул.

— Вот именно. Проверка на расстоянии, с помощью радара. Новейшая штука, очень тонкая... Надеюсь, дорогой доктор, что термиты ваши не взрывоопасны и не радиоактивны.

Иначе сесть нам вообще не придется. — Летчик усмехнулся.

— Чудовищная чепуха! — возразил Ли. — Войны-то нет. Или как? Хотел бы я знать, на кой черт принимаются такие нелепые меры предосторожности!

Инженер-пилот сощурил глаза.

— Ведь вы американец, доктор Ли, не правда ли? А раз так, не вижу необходимости ходить вокруг да около на манер кошки около блюда с горячей кашей. В конце концов, каждый иностранный агент давным-давно знает о Цефалоне. Город слишком велик, чтобы его можно было спрятать, а кроме того, как видите, не сделано ни малейшей попытки хоть сколько-нибудь замаскировать его. Дело в том, что Цефалон и вся его округа, — по-моему, на тысячу квадратных миль по меньшей мере — представляют собой запретную военную зону. Только самих военных не видно. Что тут происходит, мне не известно. Ясно одно: судя по тому, как охраняют эту зону, здесь осуществляется сверхсекретный проект. Что до меня, то я скорее согласился бы выкрасть все золото из форта Нокс, чем попытаться вынести хоть моток проволоки из здешнего Дворца Мозгового треста. Видите здание в самом центре города? А вон, на противоположной стороне площади, — другое здание, в форме черепа; это официальная гостиница для особо важных приезжих. Кстати, в полетном листе вы значитесь именно под такой рубрикой, стало быть, комнату вам оставили.

Басовитое жужжание в репродукторе прервало объяснения пилота.

— Ну, наконец-то надумали дать нам посадку! Еще минута, — а затем душ, бритье, яичница с ветчиной и много, много кофе! Хорошая все-таки штука — опять попасть домой! Держите шляпу, доктор! Пошли вниз!

Постепенно замирал рев могучих реактивных двигателей. Самолет стремительно снижался. Снеговые горы на востоке рванулись вверх, точно их поднимали на лифтах. «Летающее крыло» приземлилось, колеса шасси с хрустом коснулись посадочной дорожки.

«Да, хорошая штука — попасть домой, — думал доктор Ли, — да еще после десятилетнего отсутствия».

Несмотря на фантастические перемены на родине, он испытывал радостное чувство. Сходя по трапу, он внутренне подобрался, как боксер перед выходом на ринг: столкновение с новейшей цивилизацией сверхнапряжений и сверхскоростей требовало немалых сил!

Ли показалось, что его ожидает несметная человеческая толпа, во всяком случае, он увидел перед собой больше интеллигентных лиц, чем встречал за все годы отсутствия. Эти лица были подняты к нему, на него посыпались предложения и вопросы. Рассыльный вручил ему телеграмму: некий доктор Говард К. Скривен передавал привет, выражал надежду, что гостю понравится в Цефалоне, и обещал по возможности скорее лично встретиться и побеседовать с доктором Ли... Кто он, этот доктор Скривен, и что ему нужно?

Высокий, стройный молодой человек, по всей видимости научный работник, заверил доктора, что он отлично знаком со всеми тонкостями

кормления «ант-термес пасификус» и ухода за ними; следовательно, вновь прибывший ученый может не тревожиться за благополучие своих питомцев; постройки термитов будут немедленно переданы на экспериментальную станцию 19-Г... Но где же этот молодой ассистент научился уходу за «ант-термес пасификус» и что представляет собой экспериментальная станция 19-Г?

Транспортный агент и несколько водителей тяжелых грузовиков обступили приезжего и наперебой совали ему на подпись всевозможные накладные; дубликаты их Ли торопливо распихал по карманам. Как невероятно сложны стали методы всей этой технической цивилизации, но вместе с тем до чего же они практичны!

Уголком глаза Ли увидел, как в грузовом отсеке самолета распахнулись двери. Тяжелые стальные контейнеры с термитными постройками под скрип электролебедок опускались в кузова грузовиков. Тем временем некто назвавшийся администратором Краниум-отеля пригласил доктора Ли сесть в машину и ехать в отель, где ему забронирована комната.

Какое странное название для отеля — Краниум*, подумал Ли. И кто забронировал комнату? По карману ли ему этот отель? Едва ли!

У приезжего все усиливалось ощущение, будто он стал чем-то вроде выставочного экспоната: обращение самое заботливое, а поступать по собственной воле нельзя. С этим чувством он и отправился в отель. В ушах еще

* Краниум (cranium) — череп (англ.).— Прим. ред.

стоял рев авиадвигателей, в глазах рябило от новых впечатлений. И, как ни старался администратор заинтересовать приезжего местными достопримечательностями, тот не слушал и не понимал ни слова.

В его комнате стояли цветы. Ковры были толще, ванна просторнее, груда полотенец пышнее, завтрак обильнее по сравнению с тем, к чему доктор Ли привык за свою более чем 50-летнюю жизнь. «Так вот она, Америка 1975 года! — думал он. — Здесь все кричит о процветании и прогрессе».

Его смущало, что он совсем отвык от роскоши, разучился ею пользоваться, а вместе с тем он был взволнован и растроган: как встречают его, блудного сына, некогда добровольно удалившегося в изгнание! Да, в свое время, побуждаемый отвращением и отчаянием, он плюнул на этих господ, повернулся к ним спиной и ушел! Но в чем причина такого внимания? Ведь он не сделал ничего такого, что давало бы право на подобное гостеприимство. Энтомолога сажают на ковер-самолет, чтобы перенести в царство Шехерезады, лишь за то, что удалось вывести новый вид насекомых! То, что происходит с ним за последние сутки, остается загадкой. Несмотря на страшную усталость, ученый не мог заставить себя лечь; ему захотелось как можно скорее добраться до разгадки всех этих чудес.

Раздался телефонный звонок. Оказалось, что мягкое певучее контральто принадлежит личному секретарю доктора Говарда К. Скривена. Отрекомендовавшись, обладательница контральто спросила, не будет ли господину

доктору Ли угодно в 9 часов 30 минут прибыть во Дворец Мозгового треста, чтобы встретиться там с доктором Скривеном. Ли ответил утвердительно...

...Путь через площадь был недолог. И едва Ли очутился у входа в гигантскую бетонную пирамиду Дворца, как сразу вспомнил здание Пентагона в дни войны. Перед ним с первых же шагов возникло множество препятствий. В вестибюле пришлось стать в очередь к бюро пропусков. По телефону проверили вызов и лишь после этого выписали пропуск. Потом какая-то личность, видимо детектив, привела гостя к лифту-экспрессу, и приезжий был вознесен на сороковой этаж.

Здесь другой детектив проводил доктора Ли по длинному коридору, устланному ковровой дорожкой. Далее по широкой лестнице они поднялись на один марш и очутились перед стальной дверью. Она открылась автоматически. Навстречу потоками хлынул солнечный свет.

— Входите! — сказал страж, пропуская ученого вперед. Как только доктор Ли последовал указанию, дверь бесшумно закрылась.

От представшего ему зрелища гость из Австралии окончательно оторопел. Он не ожидал ничего подобного. «Вхождение» оказалось скорее «выходом»: будто остались позади своды подземелья, а вышел он навстречу ослепительному солнечному свету. Здесь, на вершине огромного здания, был совсем особый, ни с чем не сравнимый мир.

Просторная терраса, превращенная в висячий сад, была вымощена гранитными плитами.

В центре этой оранжереи, напоминающей зимние сады фешенебельных клубов, находился каменный навес, невысокий, нарочито неправильной формы, словно естественный выступ скалистого утеса. Стен совсем не было видно, так густо оплели их вьющиеся растения. Массивные опорные колонны несли громаду перекрытия. Архитектура этого сооружения была как бы синтезом мегалитических построек глубокой древности с творениями великого зодчего современной Америки Франка Ллойда Райта. Своеобразную монументальную беседку осеняли тенистые деревья. Листочки молодых берез трепетали под дуновением свежего ветерка. Из расщелины скалы доносилось умиротворяющее бормотание источника. Маленький ручей, прихотливо извиваясь, несколько раз пересекал усыпанную гравием дорожку. И лишь один звук не гармонировал со всей этой пастушеской идиллией — нервное постукивание пишущей машинки! Шел этот звук от каменного стола, а вид у стола был такой, будто он служил еще египетским фараонам. Когда Ли приблизился, машинка сразу умолкла и знакомое звучное контральто, памятное по телефонному разговору, произнесло несколько приветственных слов:

— Вы, конечно, доктор Ли из университета Канберры? Очень рада с вами познакомиться. Садитесь, пожалуйста! Как вы долетели? Меня зовут Уна Дальборг. Я личный секретарь доктора Скривена.

Голос девушки пленял гостя, пожалуй, еще сильнее, чем ее внешность. Он напоминал какую-то заветную колдовскую мелодию и будто

переносил в давно забытую страну — страну молодости! Ученого охватило ощущение неподдельного счастья, но вместе с тем и внезапное чувство стеснения. Стало стыдно и за плохо сидящий костюм из магазина готового платья, и за изможденное тело, и за желтые пятна атебрина на лице, и за седую, запущенную копну волос. С мальчишеским смущением ответил он на ее крепкое рукопожатие и опустил-ся на пододвинутый ему стул.

— Доктор Скривен примет вас через несколько минут, — сказала она. — К сожалению, он занят: у него сейчас член правительственной комиссии, прибывший из Вашингтона. Такие неожиданности здесь не редкость. Тем временем мы с вами...

Внезапно она осеклась. Взгляд ее был столь явно испытующим, что гостя почти испугала эта откровенная настороженность. И опять он почувствовал, что здесь о нем знают все и что ей самой до тонкости известна вся его подноготная.

Девушке понадобилось всего несколько секунд, чтобы вернуть голосу прежнюю теплоту.

— Думаю, нам нет надобности поддерживать светскую беседу. Мы вас хорошо знаем, и доктор Скривен, и я. Во всяком случае, знаем ваши труды, опубликованные в энтомологических журналах. Это работы выдающегося ученого. А потому не стану развлекать вас болтовней о пустяках.

От столь откровенного комплимента Ли опешил и покраснел, будто на грудь ему нацепили орден.

— Благодарю вас, мисс Дальборг! — собственный голос показался ему осипшим и странно чужим. — Вы очень любезны. Я так долго жил в глуши, что отвык от общества и светского обращения и чувствую себя вторым Рип Ван Винклем *. Все это, — он сделал широкий жест рукой, — для меня так ново и неожиданно, что на языке вертятся тысячи вопросов...

— Ну, разумеется! — девушка сочувственно улыбнулась. — О некоторых я, наверное, даже догадываюсь. Прежде всего наш долг — объяснить вам причины дезориентирующих маневров, связанных с вашей доставкой сюда, и принести вам свои извинения. Как вы, должно быть, и сами уже знаете, наши работы связаны с обороной страны. Нравится нам или нет, но ради соблюдения военной тайны мы подчас вынуждены избирать окольные пути, когда имеем дело с учеными, работающими в областях, смежных с нашей, в особенности если эти ученые живут за пределами страны. Вот и пришлось в вашем случае прибегнуть к услугам Министерства сельского хозяйства. Конечно, доктору Скривену это было очень неприятно. По его мнению, для вас будет большим разочарованием угодить из одной пустыни в другую. За все это и за нарушенный ритм ваших работ приносим вам наши извинения, доктор Ли!

* Знаменитый герой американского писателя Ирвина Уошингтона (1783 — 1859) из рассказа того же названия Рип Ван Винкль, заблудившись, уснул в горной долине. Он проспал много лет и, проснувшись, не узнал свой родной край. — *Прим. ред.*

Несомненная искренность ее слов помогла собеседнику найти ответ в том же тоне.

— Вам незачем извиняться, мисс Дальборг, — заверил он. — Правда, сам я при всем желании не усматриваю никакой связи между моими работами над муравьями и термитами и проблемами обороны страны. Но я американец и, если бы меня даже мобилизовали, ни на миг не усомнился бы в законности такой меры.

Девушка кивнула.

— К тому же вы участник второй мировой войны, вы сражались за родину, — добавила она. — И, наконец, вы — сын генерала Джефферсона И. Ли, из корпуса морской пехоты. Вы, конечно, понимаете: прежде чем вызвать вас сюда, нам пришлось навести о вас справки... Может быть, это вам неприятно?

Он снова покраснел, на этот раз даже сильнее, чем вначале, и заерзал на стуле.

— Да нет, почему же, раз так полагается...

Казалось, взгляд Уны Дальборг проникает в его сокровеннейшие мысли. Очень мягко, понизив голос почти до шепота, она спросила:

— Разве вы уже считаете чем-то недостойным ваше участие в боях за родину? Разве вы стали стыдиться почетной боевой медали, которой наградил вас конгресс? А с другой стороны — разве стыдно человеку изменить свои взгляды на войну после того, как эта великая бойня отошла в прошлое? И к тому же, если он сын генерала и носит имена...

— Помилуйте! — прервал Ли ее почти грубо. — Надо ли напоминать и об этом? Не сом-

неваюсь, что ФБР основательно для вас поработало, но я и без того настрадался из-за моих дурацких имен...

— Семпер... — Ее улыбка и сочувственный взгляд обезоруживали собеседника.

— ...Фиделис! — закончил он за нее. — В день, когда я появился на свет, отца как раз произвели в капитаны. Вот он и сочинил мне эти латинские имена — Семпер Фиделис, то есть «неизменно верный».

— Что ж, по-человечески это можно понять! — рассудила она. — И, по-моему, Семпер — даже очень мило. Фиделис я бы опустила. А Семпер сразу внушает доверие!

— Благодарю вас, мисс Дальборг! — отозвался он с легкой иронией. — Забудем эту чепуху. А теперь, раз мне предстоит знакомство с доктором Скривеном, вы, может быть, объясните, кто он?

— Как, вы ничего о нем не знаете? — Девушка была явно озадачена. — Он — хирург, крупнейший из ныне здравствующих специалистов по мозговой хирургии, нейрохирургии. Помните Нюрнбергский процесс? Доктор Скривен исследовал останки многих погибших, а потом написал книгу о закономерностях коллективного мышления. Она-то и сделала его знаменитым.

— Ну, конечно же! — Ли хлопнул себя по лбу. — Как это я сразу не вспомнил! «Процессы формулирования мысли в коллективном мозге»... Это, кажется, одна из его работ?

— Да, последняя перед назначением на пост руководителя здешнего Мозгового треста.

— А что это, собственно говоря, за трест?

Чем он занимается? И чего здесь от меня ждут? — с живостью спрашивал доктор Ли.

Улыбка девушки снова стала загадочной.

— Пусть лучше Говард объяснит это сам.

Гм, Говард? На миг Ли ощутил это слово, как укус мелкой, злобной гадюки. Но тут на усыпанной гравием дорожке послышались шаги. Человек с портфелем быстро прошел мимо каменного стола и исчез за стальной дверью.

— Генерал Вандергейст, — пояснила Уна Дальборг. — Доктор Скривен освобожден и ждет вас, доктор Ли.

2.

Все внутри палеолитического домика, казалось, было сгруппировано вокруг допотопного очага или камина. Несмотря на то что солнце Аризоны палило нещадно, в камине горел огонь и метались длинные языки голубоватого пламени. Впрочем, это было лишь одно из новшеств цивилизации, превращавшей естественный порядок вещей в его противоположность. В данном случае огонь в очаге работал на холодильную установку для кондиционирования воздуха. Установка действовала по принципу старых газохолодильных шкафов, равномерно согревая воздух зимой, а летом столь же равномерно его охлаждая.

Перед очагом, освещенный чуть призрачным пламенем, стоял, задумчиво склонив голову, высокий мужчина и пристально глядел на огонь. Когда ботинки доктора Ли застучали по древним каменным жерновам, которыми был вымощен пол, человек резко обернулся. Раскинув руки, как бы для объятия, доктор Скривен шагнул навстречу вошедшему.

Доктору Ли редко приходилось встречать людей столь аристократической внешности. В безупречно белом костюме для тропиков, осанистый, с гордой львиной головой, он казался не представителем мира науки, а скорее дипломатом далекого прошлого, хранителем утраченных традиций. Ширина плеч и упругая эластичность движений свидетельствовали о большой физической силе. Только руки — маленькие, узкие — казались почти женскими.

Мягкость и какая-то нерешительность рукопожатия явно противоречили сердечности приветствия, и доктор Ли сначала испытал чувство, будто его отталкивают, но потом сообразил, что особая чувствительность пальцев — необходимая особенность больших хирургов, помогающая им при сложных операциях.

— Доктор Ли, сказать не могу, как вы меня обрадовали своим приходом! — Голос Скривена звучал негромко, но очень ясно и твердо. — Усаживайтесь, пожалуйста, вот там, у огня...

Языки голубого пламени рождали освежающую прохладу, словно это был морской ветерок. Кресла, обтянутые недубленой кожей, могли бы стоять в вигваме какого-нибудь индейского вождя, но оказались удивительно

удобными. Полусвет, абсолютная тишина, суровость нетесаного камня придавали помещению сходство с пещерой. Доктор Ли по достоинству оценил парадоксальность и фантастичность этой обстановки и стал спокойно ждать объяснений доктора Скривена.

— Вас, быть может, удивляет эта обстановка, — Скривен провел рукой вокруг себя, — но я давно пришел к выводу, что в наше сумасшедшее время человеку прежде всего нужна уединенная келья, пещера, куда можно спрятаться, чтобы сохранить рассудок. Эта келья звуконепроницаема; здесь я укрыт от дневного света, изолирован от телефона, словом, моя пещера — призыв к первобытному, исконному, здоровому началу. Просто, не правда ли?

— Вы находите, что это в самом деле просто? — недоуменно спросил доктор Ли.

Скривен ухмыльнулся.

— Что ж, вы правы. Все это, конечно, сознательная защита от некоторых мешающих комплексов, защита искусственная и, пожалуй, даже несколько извращенная. Но ведь не каждому дана возможность, выпавшая вам, — пожить на лоне нетронутой природы. Откровенно говоря, я завидую вам. В ваших научных трудах отражены мысли, какие рождаются лишь вдали от суетного мира. Поэтому-то я и послал за вами. И твердо убежден, что вы меня поймете.

Он умолк. Гость подметил у Скривена особенность, видимо давно ставшую у него привычкой. Великий хирург не глядел на собеседника. Слегка отвернув голову, устремив взгляд

на пламя очага и поглаживая подбородок, человек этот будто говорил сам с собой, напоминающая средневекового алхимика.

— Это длинная история, Ли, — продолжал хирург, — и началась она с некоего письма, которое я в 1946 году послал президенту США. Я писал об огромной опасности, грозящей миру в случае атомной войны, одной из тех опасностей, в отношении которых военные как будто совершенно слепы. Я имел в виду ненадежность человеческого мозга в смысле слишком легкой его подверженности эмоциональным и интеллектуальным шокам. Я указывал далее, что наука и техника в течение многих столетий успешно развивались благодаря коллективным усилиям избранных умов человечества, но при этом мозг индивидуума, даже индивидуума выше среднего уровня, в своем развитии все более отставал от головокружительных темпов научно-технического прогресса. Вы сами, Ли, все это, конечно, понимаете прекрасно, но такому профану в науке, как президент Штатов, надо было разъяснить во всех подробностях, что столкновение с чудовищными орудиями современной войны может сокрушить человеческую нервную систему. Я доказывал, что даже коллективный ум офицеров Генерального штаба окажется неспособным принимать надежные решения. Как бы эти штабные офицеры ни были защищены физически, они неизбежно в той или иной степени станут жертвами нервного шока и будут совершать ошибку за ошибкой. Можно ли ожидать от простых смертных, хотя бы от рабочих на производстве или на транспорте, что они сохра-

нят работоспособность перед лицом апокалиптических ужасов войны?..

Сосредоточенный до предела, доктор Ли сощурился и кивнул. Он и сам не осознал этого движения, но Скривен, скосив глаза на собеседника, заметил его жест и заговорил быстрее:

— Такова была первая часть письма. А далее я без околичностей предложил президенту свой проект, который с тех пор и стал главным содержанием моей жизни. Я высказал свои соображения о том, что при таких обстоятельствах главной мерой для обороны нашей страны должно явиться создание гигантского искусственного мозга, некой центральной нервной системы государства, более совершенной, чем ее биологический прообраз, и невосприимчивой ни к каким шокам. Эту центральную нервную систему надлежало бы создать в самом сердце Американской Крепости, чтобы помочь мозговой работе Генерального штаба и контролировать ее.

Я разработал подробный проект с пояснениями, как можно создать такую штуку. В сущности, в проекте не было ничего принципиально нового. Я давно придерживаюсь убеждения, что по самой своей природе человек не способен что-либо «изобрести». Этого не бывает. Как составной элемент природы, как часть ее, человек всегда лишь что-то «открывает», открывает то, что сама природа по-своему давно «изобрела». Искусственный мозг? Бог ты мой, да разве на протяжении последних ста тысяч лет мы уже не встречались с ним по крайней мере в зачаточной форме! Кален-

дарь. Да любая книга. Простейшая машина. Все это варианты коллективного механического мозга. А уж с тех пор, как затикали первые механические часы, человечество пошло по этому пути гигантскими шагами. Достаточно упомянуть счетно-вычислительную технику, автоматически управляемые снаряды и ракеты и тому подобные устройства...

В самом деле, существует ли такой акт или процесс сознательной человеческой деятельности, который не имитировался бы каким-либо уже известным механическим устройством? Пожалуй, такого акта или процесса мы не нашли бы даже в прошлом, задолго до того, как мне удалось построить первую «кладовую памяти» на электронных лампах. Эта моя конструкция была простой имитацией пирамидальных клеток человеческого мозга. С тех пор важнейшей задачей стало достичь координации всех отраслей науки и техники.

Я разъяснил президенту, что необходимо добиваться широчайшего взаимодействия таких наук, как физика, электрохимия, биология, биохимия и неврология. Результаты миллионов опытов и исследований, ведущихся во всех странах, выводы и наблюдения институтов и отдельных ученых — все это нам предстоит собрать и обобщить. Это потребует времени и денег, больших денег. Но разве коллективные усилия, которые привели к созданию атомной бомбы, не показали миру, что все эти проблемы практически разрешимы?..

— И президент одобрил ваш проект? — спросил Ли.

— Нет! — Скривен нахмурился. — Сам он

проекта не одобрил. Но у него хватило здравого смысла передать его в Генеральный штаб. Разумеется, там проект столкнулся с отчаянной оппозицией. Консерватизм военного мышления порой граничит со слабоумием. Горделиво почивая на лаврах прошлой войны, господа генералы даже возможности не допускали, что *какой-то* мозг способен с ними соперничать. Тем не менее генералам пришлось передать мой проект на экспертизу в «Союз американских ученых». Союз полностью согласился с моей оценкой опасности, грозящей стране в случае войны, и поддержал мои предложения.

Скривен умолк, вынул носовой платок и стер со лба легкую испарину.

— Это было как раз в год очередных президентских выборов. Решение по поводу моего проекта все еще висело в воздухе, и мне не оставалось ничего, как ждать. Ждать, понимая, что нет другой защиты от атомной бомбы, что на карту поставлена судьба нашей страны. В тот год я поседел, мои нервы совсем расшатались... Но потом... — тут все его тело напряглось, и он с силой ударил по подлокотникам кресла, — *потом мы все же создали мозг-гигант!*

Эти слова он почти выкрикнул, как триумфальный клич.

— И он действительно существует? — с сомнением спросил гость. — Я имею в виду его работу. Действительно ли он способен не только к анализу математических проблем, но и к формированию мыслей, как человеческий мозг?

— Понимаю ваши сомнения, доктор Ли, — продолжал Скривен; он уже вполне овладел собой. — Все это не так-то легко себе представить. Ведь сама идея для вас совершенно нова и к тому же я изложил ее довольно бессвязно и недостаточно подробно. Если мы с вами договоримся, — а я на это весьма надеюсь! — то в ближайшем будущем вы своими глазами увидите вещи, которые убедительнее всяких слов. Тем временем, чтобы дать вам общее представление о наших масштабах и показать, что речь идет не о пустяках, я позволю себе привести несколько цифр: первое ассигнование на «мозг», — разумеется, как на неспецифицированную часть общих вложений в военную промышленность — было произведено в начале 50-х годов. Размеры его равнялись одному миллиарду долларов. С тех пор нам еще дважды утверждали ассигнования, и оба раза на ту же сумму.

Гость сидел молча, но слушал с напряженным вниманием.

— Однако этих сумм хватило лишь на финансирование первых стадий в конструировании «мозга», — продолжал Скривен. — Нам удалось изготовить искусственную кору «мозга», состоящую из 90 миллиардов электронных клеток. Если принять во внимание, что кора головного мозга человека содержит 9 миллиардов клеток, то покажется, что сделано немного. Правда, наши синтетические или механические клетки лучше органических, но ненамного лучше. Таким образом, количество клеток «мозга» по сравнению с его человеческим прообразом обеспечивает нашему «мозгу»

лишь десятикратное превосходство над обычным, средним человеческим. Будь это единственным результатом нашей деятельности, его следовало бы признать ничтожным: ведь мы всего вдвое превзошли возможности, скажем, одного гения. Даже удвоенная мыслительная способность гения не оправдала бы затрат в три миллиарда долларов!

И все же нам удалось существенно повысить коэффициент полезного действия нашей искусственной коры «мозга». Прежде всего мы полностью контролируем все внешние импульсы. Мы можем изолировать «мозг» от нежелательных раздражителей, которые оказывают столь отрицательное, отвлекающее влияние на работу человеческого мозга. Во-вторых, — и это главное — мы пользуемся большим числом волн различной длины, чтобы подводить к «мозгу» импульсы, поступающие из самых различных сфер восприятия. Даже человеческий мозг обладает способностью одновременно сосредоточиваться на разных мыслях, формирующихся как бы на различных глубинах сознания. Однако возможности человеческого мозга в этом смысле крайне ограничены, тогда как искусственный мозг работает в диапазоне двух тысяч волн различной длины. Это значит, что «мозг» способен обрабатывать одновременно 2000 различных проблем. И, наконец, неутомляемость искусственного мозга позволяет нам успешно эксплуатировать его по 20 часов в сутки. Лишь остальные 4 часа мы тратим на текущий ремонт и уход.

Скривен, как бы в нерешительности, отвернулся от голубого пламени в очаге. Он го-

товился подвести гостя к окончательному выводу. Темные глаза ученого прощупывали собеседника, как хирургические зонды.

— Короче говоря, Ли, в настоящее время мыслительная способность нашего «мозга» соответствует умственной энергии 25 000 первоклассных человеческих интеллектов. Как ученый, обладающий фантазией, вы можете представить себе, что это значит...

Ли поднял голову. Напряженная работа мысли придала его худому лицу что-то сомнамбулическое, почти выражение экстаза. Он медленно произнес:

— Мыслительная сила 25 000 первоклассных человеческих интеллектов? Этот умственный потенциал, пожалуй, равен мыслительным способностям Ньютона и Эйнштейна вкупе со всеми гениями, жившими на земле за все время, отделяющее первого от второго!.. Это почти абсолютное интеллектуальное всемогущество, его можно сравнить только с божественным всемогуществом!..

Скривен вскочил со стула и забежал по каменным плитам перед камином. Он с такой силой делал повороты, такими резкими были броски его атлетического тела, будто он ожидал нападения врага с тыла.

— Вы правы! Правы!— почти закричал он.— Мы обладаем могуществом, почти равным божественному... Но... попробуйте только представить себе,— тут он понизил голос, и в тоне его появился оттенок горечи, — попробуйте только вообразить, как злоупотребляют этим могуществом! Это поистине метание би-

сера перед свиньями! Скажу вам прямо, Ли, с ума можно сойти от всего этого, поверьте!

— Что вы хотите сказать?— Гость удивленно поднял брови.— Если такая сила существует, то как можно злоупотреблять ею? Она должна служить созидательным целям!.. Развитию науки, делу помощи человечеству... С таким интеллектуальным могуществом можно создать на земле новый, лучший мир!

Скривен резко остановился, словно застыл. Жестокая, саркастическая улыбка раздвинула его губы. Он указал пальцем на собеседника, словно обвиняя его в преступлении.

— Ага, вы — идеалист, не так ли? Себя я лет десять назад тоже считал идеалистом. Такие же мечты жили и во мне, когда я только начинал работу над «мозгом». Я мечтал создать могучее интеллектуальное орудие на благо человечества. Вам я могу признаться: все эти оборонные проблемы я просто притянул за волосы, чтобы заинтересовать моей идеей влиятельные круги и добыть нужные средства. Ведь на чисто научные цели мне таких денег никто бы не дал... И вот, увы, наш искусственный «мозг», построенный на средства американских налогоплательщиков, стал пленником государства!

Лет десять назад я полагал по наивности, что армия потребует, ну, скажем, максимум половину мощи «мозга». Вторую половину я надеялся посвятить задачам научного прогресса во всех областях знания. Какое там! Наш «мозг» был сразу же целиком оккупирован всевозможными государственными ведомствами — армейским командованием, флотом, авиацией,

десятком правительственных учреждений, вроде штаба президента, и так далее и тому подобное. Они используют «мозг» только для разработки своих проблем, в том числе таких преступных и разрушительных, как бактериологическая война; или же эти проблемы убийственно мизерны по значению, вроде предполагаемого исхода каких-нибудь провинциальных выборов. А бывает, что дядюшка Сэм использует интеллектуальную мощь нашего «мозга» в интересах союзных иностранных правительств, разумеется умалчивая о том, каким образом получен соответствующий политический прогноз или вывод.

Словом, дай черту мизинец — он отхватит всю руку! До последнего времени правительство использовало «мозг» на все сто процентов только для собственных нужд. Я употребил все свое влияние, чтобы убедить армию в жизненной необходимости оставить хотя бы несколько волн определенной длины для усовершенствования самого «мозга». Эти господа не могут взять в толк, что наш «мозг» не простой механизм, не заведенная машина, раз навсегда построенная и законченная, но что он сам бесконечно развивается, обогащает свои ассоциации тем материалом, какой мы накапливаем в его памяти. Короче говоря, наш «мозг» *учится*! А раз так, то его и надо *учить*, давать ему материал, полезный для самоусовершенствования...

Скривен нетерпеливо прошелся из угла в угол и остановился перед гостем.

— Вот это и должно стать вашей задачей, доктор Ли!

— Моей задачей!—испуганно воскликнул Ли.— Судя по тому, что вы рассказали, мне понадобятся недели, чтобы лишь войти в курс здешних дел. Пока я еще не усматриваю ни малейшей связи между моей работой и вашими...

Скривен мягко и успокоительно похлопал собеседника по плечу — так оглаживают испуганную лошадь.

— Вы все поймете... И очень скоро... Простите, одну минутку!— С этими словами он нажал кнопку. В дверях показалась фигурка Уны Дальборг.

— Что вам угодно?

— Пожалуйста, Уна!..

Видимо, она отлично усвоила код своего шефа. С приветливой улыбкой направилась она к одной из опорных колонн, открыла потайной шкафчик и извлекла оттуда глиняный египетский поднос с двумя бутылками — виски и содовой. Точными движениями искусного хирурга Скривен налил гостю побольше, себе — чуть-чуть.

— Уна, побудь, пожалуйста, немного с нами,— попросил Скривен.— Ведь я тебе еще ничего не говорил о том, почему решил пригласить к нам доктора Ли. Это будет и тебе интересно.

Молча опустилась она в кресло и стала ждать его пояснений.

— Ты уже знакома с доктором Ли, Уна. Но знаешь ли ты, кто он? Едва ли он согласится с моей оценкой, но я глубоко убежден, что это самый удачливый миротворец на всей нашей планете. Он положил конец одной из древней-

ших войн на земле — войне между двумя почтенными, доныне существующими земными цивилизациями. Дело в том, что между государствами муравьев и термитов в течение миллионов лет велась необычайно жестокая, яростная война. Велась вплоть до того момента, пока доктор Ли не нашел изумительное средство покончить с этим вечным спором. Что же он сделал? Ему удалось осуществить скрещивание обеих враждующих рас, и теперь создан новый вид «объединенных наций», мирный вид насекомых, именуемый «ант-термес пасификус Ли». Это делает вам честь, доктор Ли! Просто, не правда ли?

— Настолько просто,— иронически отозвалась девушка,— что так называемые миротворцы на международных конференциях сочли бы ниже своего достоинства рекомендовать подобный способ решения проблемы. Но как же вам практически удалось произвести такое скрещивание?

После некоторых колебаний гость ответил:

— Главные трудности исходили не от царицы термитов и не от маленького пугливого самца из муравьиного племени. Основная проблема заключалась в том, чтобы эта парочка соединилась вопреки яростному сопротивлению дворцовой стражи из отборных гвардейцев. Ведь насилие полностью исключалось. Пришлось обмануть бдительность стражи, контрабандой протащить муравьиного самца в спальню и спрятать его под царственным телом супруги.

Уна засмеялась.

— Совсем как у Шекспира. Ромео и Джульетта, а вы — в роли кормилицы.

— Совершенно верно, — подтвердил гость. — Играя свою роль в этом браке, я тоже поневоле вспоминал персонажей Шекспира. Однако задача состояла в том, чтобы не допустить трагической развязки.

— Как же вам удалось избежать ее?

— Действуя по способу самых отчаянных заговорщиков, мисс Дальборг. Сначала я напоил стражу — с термитами это нетрудно. Потом вскрыл ячейку, где они держат замурованную царицу. Я убил ее законного супруга и заменил своим кандидатом, обработав его мазью с подлинным термитным запахом. В термитной постройке королевскую чету кормят через крошечные отверстия. Чета никогда не соприкасается со своими телохранителями. Поэтому опыт удался.

— «И коль они не умерли, так здравствуют и ныне», — весело процитировала девушка.

— Боюсь, что нет, мисс Дальборг, — возразил Ли. — Такая штука, как счастье, вряд ли существует в вечном мраке термитных построек. Испытали ли супруги счастье — остается неизвестным, но связь эта была благословенной: спустя положенное время я стал крестным отцом 30 000 маленьких «ант-термес», а теперь их у меня около миллиарда, на разных стадиях скрещивания. Однако, подучив самое беглое представление о том, что делается здесь, у вас, я не решаюсь даже упоминать о своих работах. Они совершенно ничтожны, и я все еще не вижу ни малейшей связи между ними и вашей работой.

Но девушка, решительно покачав головой, отвергла это возражение.

— Нет, нет,— воскликнула она,— ваша работа отнюдь не ничтожна; она имеет большое значение и таит в себе самые захватывающие возможности!

— Вот именно!— вмешался Скривен.— Такой оценки я и ждал. Я был уверен, что Уна по достоинству оценит значение ваших работ для нас. У нее удивительная способность координировать результаты исследований в самых, казалось бы, несходных областях. Так позвольте же мне, доктор Ли, начиная, так сказать, от печки, объяснить, какова связь ваших работ с проблемами развития нашего «мозга».

Он сел, отпил крошечный глоток виски и продолжал:

— Коллективная жизнь высших видов насекомых — пчел, муравьев, термитов — привела к созданию наиболее древних и устойчивых цивилизаций на нашей планете. В отличие от них человечество создало самую молодую и самую неустойчивую цивилизацию. История на каждом шагу показывает нам гибель человеческих цивилизаций, одну за другой. Вполне возможно, что в доисторические времена существовали даже более высокие цивилизации, чем наша нынешняя. Вы ведь тоже так полагаете?

Ли кивнул.

— Отлично! Из всего этого следует, что человечество могло бы узнать много полезного, изучая общественную жизнь высших насекомых. Их гениальные законы и методы, их

«железный дух солидарности», их невероятная способность к самоотречению в смысле полного отказа от личных выгод и личной жизни, их несокрушимая готовность всецело отдавать себя интересам расы — все это надо пристально изучать, если мы хотим добиться хотя бы относительной стабильности в нашем собственном обществе.

Нам следовало бы строить нашу цивилизацию по их образцу, тем более что создан новый вид, «ант-термес пасификус», отказавшийся от войны как способа решения споров. В основе же человеческих цивилизаций всегда заложено нечто в корне порочное — люди непрерывно пожирают друг друга. Без сомнения, вы, как и я, видите чудовищную угрозу третьей мировой войны. Цивилизация стомильными шагами идет вперед, но куда? В пропасть самоубийства! Меня тоска берет, когда я думаю об этом. Разве вы со мной не согласны?

Гость из Австралии машинально встал и тоже принялся расхаживать по комнате. Гораздо увереннее, чем в начале беседы, начал он излагать свою точку зрения:

— С вашей отрицательной оценкой человеческих цивилизаций нельзя не согласиться; тот курс, который сейчас взяла наша цивилизация, представляется мне столь же пагубным, как и вам. Но я не могу считать желательным формирование человеческого общества по образцу сообществ высокоразвитых насекомых. Как бы ни была незыблема и гениальна их система, она все же является величайшей тиранией, какую может представить

себе человеческий ум. Подумайте только: представители всех высших видов насекомых в буквальном смысле доводятся работой до смерти. Насекомых, уже неспособных к труду, либо убивают, либо заживо превращают в пищевой запас для роя, то есть в конечном итоге в экскременты.

Термиты слепы, они прозябают во мраке, и чем выше вид, тем чаще его особи подвергают себя добровольной кастрации. Их добродетели, которыми вы так восхищаетесь, на мой взгляд, попросту граничат с преступлением: «социальное обеспечение» достигается путем каннибализма, «социальная стабильность» — путем самокалечения. Свою царицу они обрекают на голодную смерть, как только снижается количество откладываемых ею яиц. В слепом стремлении к сохранению вида рабочие термиты откусывают собственные конечности и даже мускулы грудной клетки, насколько достают их челюсти, — и все лишь затем, чтобы кормить потомство. А ведь никто как будто не выигрывает от столь свирепого самопожертвования; ни солдаты, которые должны биться на смерть; ни цари и царицы, которые служат только для воспроизводства вида, — их короткое существование обрывается актом царевубийства... Во имя чего же? Единственно из стремления сохранить вид на миллионы лет. Нет, такая система не может быть человеческим идеалом! Отказаться от собственного «я», подчиниться таинственной воле неведомого божества — разве стоит для этого жить на свете? Разве это — достойная цель для нас, людей?

— Нет, нет! — Скривен покачал своей львиной головой. — Нет, Ли, поймите меня, пожалуйста, правильно. Коллективизм высших насекомых — крайность, несовместимая с человеческой природой, это мне вполне ясно. Однако человечеству свойственно впадать в другую крайность — безответственного индивидуализма, отказа от какого бы то ни было подчинения авторитету более высокому, чем человеческий, скажем по-вашему — воле некоего божества. Ваша жизненная цель — изучение муравьев и термитов. Вы гораздо лучше меня знаете недостатки и ограниченность их коллективного мозга. Я же всю жизнь изучал человеческий мозг, который тоже не свободен от существенных недостатков. Подумайте: потенциал коры человеческого головного мозга со времен неандертальца до наших дней примерно удвоился. А цивилизация, построенная коллективными усилиями всего современного человечества, стала настолько многообразной и богатой по содержанию, что мозг современного человека вынужден обрабатывать неизмеримо большее количество впечатлений по сравнению с неандертальцем. Иными словами: мозг современного человека получает стимулирующих импульсов примерно раз в пятьдесят больше, чем он способен переработать, и клетки мозга реагируют на такую перегрузку точно так же, как нервы желудка: они восстают! Они отказываются принимать излишки. Они пытаются защитить организм от пищевых ядов, от избытка подводимой пищи.

Разумеется, мозговой механизм во много

раз сложнее. Не хочу вдаваться в подробности, но вкратце дело можно представить так.

Мозжечок — в эволюционном смысле древнейшая и самая примитивная часть головного мозга — выполняет, в частности, защитные функции по отношению к переднему, или большому, мозгу. Он образует как бы щит против натиска импульсов, перехватывает стрелы раздражений-восприятий, не пуская их за порог сознания, отсеивает, трансформирует в *ощущения* и отбрасывает во внешний мир, как рикошетирующие снаряды. Но эта защита осуществляется инстинктивно, без разбора. Таким образом, здоровые импульсы, которые могли бы оказаться для мышления полезными, творчески ценными, сплошь и рядом отвергаются и разрушаются просто потому, что они зачастую *слабее* тех интенсивных внешних впечатлений, которые рассчитаны на то, чтобы вторгнуться, проникнуть в сознание.

Так, в современной цивилизации самой тяжелой артиллерией, атакующей наше сознание, является торговая реклама. Средствами радио, кино, печати, уличных вывесок и объявлений она проникает в сознание людей, воздействует на него. Задача рекламы — отнюдь не стимулировать нашу мысль, а как раз наоборот — оглушить, сломить наше сопротивление, преодолеть, скажем, недоверие к некоторым товарам и заставить нас купить их. Другими словами: реклама пользуется сильными, в большинстве своем вредными внешними раздражителями. Они служат для мозга опи-

умом, приучают его к наркозу. А здоровая пища для ума, нежное «молоко мудрости», по старинному выражению, до нас не доходит, не воспринимается, не усваивается сознанием, как раздражитель более слабый.

Но это еще не главное зло. Наше мозговое вещество способно формировать новые мысли только на основе уже имеющихся представлений, накопленных в мозговых клетках. Вот вам пример: желая усовершенствовать машину, мы должны представлять себе ее общий вид, взаимодействие частей, ее элементы, их функции. Однако сознание наше так наводнено и оглушено внешними впечатлениями, а орудия нашей цивилизации столь сложны и неисчислимы, что мы уже не в силах проникнуть в их суть.

Само мышление наше хромает и коснеет. Идеи мельчают, становятся поверхностными, потому что растут не от корня. Оторванные от своих первооснов, новые понятия заключают в себе разное содержание для разных людей, ибо уже нет общей платформы.

А результат? Сегодня мы с вами опять живем под гнетом древнего проклятия — вавилонского смешения языков. Все увеличивается импотенция мышления. Душевные расстройства и психоневрозы принимают эпидемический характер... Перенапряжение эмоций приводит к отказу от логического мышления: оно, мол, требует слишком больших усилий... Наш мозг, эта высшая форма развития материи, создал цивилизацию. А теперь наше духовное детище, эта самая цивилизация, обратилась с чудовищной силой против органа, ее создавшего.

го, и грозит его разрушить. Это ли не верх иронии?

Все это — сущая правда, Ли, и вы сами это знаете. Вас тревожат такие же выводы и опасения, я это понял, читая ваши труды. Наша страна в опасности, вся цивилизация под угрозой, и, быть может, вы понимаете это даже лучше, чем я. Мне удалось растормошить правительство, поколебать самодовольство господ военных. Теперь у нас есть «мозг-гигант», этот поистине уникальный инструмент, с умственным потенциалом, в 25 000 раз превосходящим человеческий. И наша задача — передать этому гиганту на аналитическую обработку все данные о коллективной жизни на земле, то есть о царстве насекомых, царстве животных, о человеке и его государствах... Надо исследовать и сравнить их положительные и отрицательные свойства. «Мозг» должен отобрать и объединить все полезные элементы, а на такой основе можно будет создать образец будущей новой цивилизации, устойчивой и в то же время всецело отвечающей особенностям человеческой природы. «Мозг» выработает оптимальные законы этой цивилизации, и мы должны будем им подчиниться, как, например, наш Генеральный штаб уже сейчас подчиняется решениям «мозга»...

Мне нужна ваша помощь, Ли. Своими работами вы уже внесли немалый вклад в дело мира на земле. Ведь вы вывели «ант-термес пасификус»!.. Тем самым вы создали огромный шанс для успеха всего нашего замысла. Оставайтесь же у нас, станьте одним из наших!

Наступила глубокая тишина. Мужчины стояли молча, казалось читая мысли в глазах друг друга. Слух девушки улавливал их тяжелое дыхание. Она инстинктивно стиснула на коленях руки. Кажется, Скривен никогда еще так безудержно не откровенничал, не раскрывался перед другим человеком, тем более перед незнакомым, посторонним. Ее уважение к этому гостю из Австралии стремительно росло. Должно быть, он в самом деле великий человек, думала она; либо они станут лучшими друзьями, либо между ними вспыхнет смертельная вражда.

Наконец прозвучал голос гостя, охрипший от волнения:

— Представить себе искусственный интеллект сверхчеловеческой мощи я могу. Но вообразить, будто можно *принудить* человечество быть счастливым с помощью думающей машины, я не в силах. Впрочем, это неважно... Так или иначе, проект грандиозен. Его поддерживает правительство... Вы говорите, что я нужен «мозгу»? Как американец, я знаю свой долг. Стало быть, буду работать с вами.

Он протянул руку и ощутил легкое пожатие чувствительных пальцев хирурга. Скривен сиял.

— Превосходно!— воскликнул он.— Я знал, что вы согласитесь... Уна! Будь милой девочкой, налей нам и себе тоже... Нужен хороший тост!

Девушка поднялась и стала между мужчинами. Подавая рюмку гостю, она произнесла:

— Сегодня вы следуете только голосу дол-

га. Завтра это станет вашей душевной потребностью. Я еще не видела человека, который не влюбился бы в свою работу для «мозга».

— Вероятно, вы окажетесь правы, мисс Дальборг,— ответил он тихо.

Они осушили свои рюмки. Потом Скривен обратился к девушке:

— Центр восприятий 36... Да, пожалуй, именно 36-й подойдет лучше всего. Уна, свяжись с операторской, вели освободить 36-й, передать его в полное распоряжение доктору Ли... Позвони в Экспериментальную, пусть весь груз «ант-термес пасификус» перебросят в 36-й еще до завтрашнего утра... И не забудь машину для доктора Ли... Впрочем, нет, сегодня он устал, ему нужен отдых, но завтра с утра автомобиль понадобится: доктор должен ознакомиться с «мозгом». Вас это устроит, доктор?

— Разумеется. Но зачем машина? Эти несколько шагов...— Он умолк, смущенный смехом собеседников.

— До «мозга» — великое множество шагов, доктор Ли!— сказала Уна.— Вы устали бы смертельно. Да и вообще едва ли выдержали бы подобную прогулку.

— Как, разве это не Дворец Мозгового треста?— недоумевал гость.

— Он самый,— пояснил Скривен.— Но тут находится только часть управления, а не «мозг». Неужели вы думали, что столь важный стратегический объект помещается в небоскребе, на открытой местности? Он стал бы путеводным знаком для любого врага!

— Нет, конечно, нет,— смутился Ли.— Но

куда же все-таки мне идти, раз мы договорились? Где это?

Скривен нахмурился.

— Вопрос, как говорится, прост и ясен. А вот ответить нелегко. Сам я, в частности, не в силах на него ответить. Нет, нет, я не шучу! Я спроектировал «мозг», разработал его до деталей, руководил монтажом в течение последних десяти лет, да и вообще именно я главный руководитель всего, что связано с деятельностью «мозга». А вот... где он находится, я не знаю. Это чистая правда.

Он подвел онемевшего от изумления гостя к западной стороне своей «пещеры». Оттуда, в промежутке между опорными колоннами, открывался далекий ландшафт. За сочно-зеленым оазисом Цефалона простирались пески пустыни, а на самом горизонте, за песками, виднелись в голубой дымке очертания далекого горного массива Сиерры. Солнце припаливало эти скалистые отроги.

Рука хирурга описала в воздухе широкий полукруг.

— Вот там,— сказал он,— где-то в глубине этих гор, находится «мозг». Но где именно, вы вольны гадать, как и я. Выберите мысленно любую из этих вершин, как-нибудь назовите ее... Я поступил именно так. Одна из них и есть «Краниум», то есть черепная коробка нашего «мозга», но которая... в том-то и вопрос! Конечно, есть люди, посвященные в эту тайну: контрразведка, Генеральный штаб... Однако,— он пожал плечами,— это уж не моя забота!

3.

Автомашина Мозгового треста, на которой Ли выехал из Цефалона, представляла собой обычный большой лимузин обтекаемой формы, с реактивным двигателем сзади, как и все модели 70-х годов, с боковыми шлицами для дополнительных несущих плоскостей-крыльев. Такие несущие плоскости имелись во всех гаражах, за небольшую цену их ставили на машину для коротких перелетов. По-видимому, единственными несерийными частями машины были щитки из поляроида; этой поляроидной защитой было снабжено не только ветровое стекло, но и все боковые и задние стекла в машине.

— Хорошая идея! — проговорил Ли, устанавливая щиток на ближайшем стекле. — Следовало бы применять на всех машинах. Глаза защищены с любой стороны.

— Вы полагаете? — весьма непосредственно спросил молодой водитель. — Должно быть, впервые туда едете?

Машина миновала городские окраины. Стрелка спидометра перешла за цифру «100», и вот уже полетели назад пустынные ландшафты. Ли откинулся на сиденье. Пустыня не была для него новостью, да и водитель как будто разговорчивостью не отличался; Ли погрузился в свои мысли... Да, надо сознаться: визит к отцу менее всего можно назвать успешным!..

После встречи с Уной и Скривеном Ли вернулся в Краниум-отель, чтобы отдохнуть. Но заснуть он не смог: взбудораженные мысли не давали покоя. Не справившись с их бурным потоком, он еще сильнее ощутил потребность сгладить трещину, что легла между ним и родной страной. Время и пространство углубили эту пропасть, и ему захотелось перекрыть ее, вернуться к той исходной точке, где некогда произошел разрыв... И тут он сообразил, что отец живет где-то недалеко.

В Австралию к нему не приходило из дому ни слова, но однажды в «Таймсе» под рубрикой «Новости об известных людях» он прочел, что генерал Джефферсон И. Ли, «старый лев Гвадалканара», вышел в отставку и поселился на покое в городе Фениксе, штат Аризона... В Краниум-отеле дали справку, что до Феникса около трехсот миль и что каждый час туда ходят воздушные автобусы, вертолеты типа «Борзая».

Такси доставило его к маленькому, хорошо ухоженному бунгало на городской окраине. Странно было вновь воочию увидеть отца: сильно постарел, коричневое, как орех, лицо немного сморщилось — что ж, этого следовало ожидать. Но одна перемена застала сына врасплох: отец был в штатском! Мало того, он орудовал садовыми ножницами, подстригал кусты роз! Эти ножницы, этот штатский вид не вязались с привычным обликом braveго служака из корпуса морской пехоты.

Отец поднял голову и увидел сына.

— Ах, это ты, Семпер! — произнес он самым невозмутимым тоном, неторопливо стяги-

вая с пальцев перчатки. — Рад видеть. Совсем уж не ждал. Где же твой сачок для бабочек?

Нет, отец ничуть не изменился. Он остался все тем же старым рубакой, и по-прежнему ученый-энтомолог был для него не кем иным, как человекообразным кузнечиком с сачком для бабочек. Сын, предавшийся подобным чудачествам, был уродом, упреком отцу, жизненной неудачей!

Тем не менее отец сделал приглашающий жест и первый пошел к дому. Внутри ничто не изменилось; сын увидел в точности то, что издавна помнил: старая мебель... некоторые вещи принадлежали еще покойной матери — она скончалась в первые дни войны... Уединенное жилище было до отказа набито сувенирами, фотографии висели по всем стенам, теснясь друг к дружке, стояли на крышке рояля, на котором никто не играл. На них красовались собственноручные подписи военных. Изображали они солдат морской пехоты на фоне всевозможных пейзажей — то в Японии, то в Веракрус, то близ Панамского канала; американская морская пехота в Китае, на Аляске, на Марианских островах... Куда ни глянь, везде одно и то же — нескончаемый парад морской пехоты, парад военных призраков... Нет, ничто не изменилось! Ни жизненные интересы отца, ни детское чувство ревности сына к отцовским интересам, к профессии, поглощавшей его целиком. Ведь именно чувство ревности некогда побудило сына отказаться от военной карьеры, а это и явилось первым клином между ним и отцом...

— Чем ты сейчас занимаешься, отец?— спросил Ли младший.

— Как видишь, ничем. Дурака валяю. Эти комики назначили меня командиром здешнего ополчения. С тем же успехом могли подарить мне для развлечения коробочку оловянных солдатиков, — добавил он ворчливо. — Ведь у настоящих солдат головы давно... в кустах! А ты зачем пожаловал?

Ли обрадовался перемене темы. Он рассказал об Австралии, упомянул о «мозге-гиганте», о перспективе своего сотрудничества. Отца это сообщение отнюдь не привело в восторг.

— Слышал я стороной об этом деле, — сказал он сердито. — Когда-то старика Рузвельта тоже осенила гениальная идея насчет некоего Мозгового треста... Тоже своего рода новая комета, должно быть, с таким же печально бесславным хвостом из прекраснодушных и сверхновых прожектеров. С той разницей, что эти нынешние носятся с какой-то думающей машиной. А это значит, что страна вверх тормашками летит в пропасть. Подавай им машину, чтоб думала за них! Были б у них мозги из бензина, его не хватило бы, чтобы автомобиль из гаража выкатить! Ты, стало быть, тоже ввязался в это дело? Хм... А как насчет глоточка для подкрепления души?

— О'кэй! — отвечивал сын; ему хотелось как-то смыть осадок горечи. Не поможет ли глоток спиртного растопить лед отчужденности между ним и стариком?..

Отец принес виски и рюмки. Разбитые подагрой ноги плохо слушались его. Стоя друг против друга с полными рюмками, отец и сын

вспомнили об одном и том же тяжелом эпизоде из прошлого...

Ситуация была совсем как нынешняя. А случилось это в тот день, когда на Хиросиму упала атомная бомба. Сын приехал в штаб к отцу, чтобы провести с ним свой отпуск. Они были одни и тоже с рюмками в руках, когда голос радиодиктора принес весть об атомном взрыве... В исступлении, будто пытаюсь очнуться от кошмарного сна, сын дико завопил:

— Дурачье, проклятые негодяи! Что надепали, что натворили! Они действуют, как фашисты! Это же хладнокровное убийство, а не война!

— Заткни глотку!— в бешенстве заорал отец.— Как ты смеешь в моем присутствии оскорблять высшее командование! Вон отсюда, сию минуту! И больше не показывайся мне на глаза!

Рюмка с коктейлем разбилась вдребезги. Так они и расстались. После войны сын не вернулся к отцу.

Да, неудачное стечение обстоятельств заставило их после стольких лет разлуки невольно вспомнить тот вечер. Рюмки их прозвенели в унисон, но сердца остались отчужденными.

С ледяной усмешкой на губах старик поставил пустую рюмку на поднос.

— Жаль, жаль,— сказал он.— Но старая собака уже не годится для новых фокусов. Полагаю, сынок, поздновато нам искать сближения.

Сын хотел было возразить, что это никогда не поздно, но слова примирения замерли на его губах.

Попытка не удалась. Что ж, завершилась старая, мучительная глава его житейской повести; он почувствовал себя окончательно свободным в выборе пути.

Ли смотрел вперед. Стрелка спидометра подрагивала около цифры 250. Мимо летели прокаленные солнцем пески. Высокая скорость искажала перспективу, и огромные древовидные кактусы, казалось, пританцовывали. Местность становилась гористой, каменные утесы громоздились все чаще и теснее. Дорога впереди вилась между массивами естественных укреплений. Гигантские пилоны, причудливые пирамиды, казавшиеся сооружениями титанической расы с другой планеты, переливались на солнце поразительными, неземными оттенками черного и фиолетового цвета, редкостными тонами янтарных и зеленых красок. Частые повороты шоссе и мерцающее марево зноя сбивали с толку, мешали угадывать направление пути, и лишь горы Сиерры, вознесшиеся теперь прямо в зенит, служили ориентиром. Они стремились навстречу автомобилю, словно волны гигантского прибоя.

— Вы ничего не имеете против, если я закрою окна?

Вопрос водителя имел чисто риторический характер: он уже успел нажать кнопку. Светонепроницаемые щитки наглухо закрыли окна кабины. В машине стало совсем темно.

Ли судорожно вцепился в сиденье.

— Бросьте дурить!— закричал он в смятении.— Спятели вы, что ли?

Внезапно в кабине снова посветлело, но свет этот был не дневной, а электрический. Окна оставались затемненными, внешний мир — невидимым, хотя спидометр все еще показывал скорость более 250 километров в час.

— Спят? Полагаю, что нет! — холодно ответил водитель.

Он с удовольствием откинулся на спинку сиденья и обернулся: удобнее было говорить с пассажиром, глядя ему в глаза. Ученый со страхом заметил, что шофер совсем выпустил баранку из рук, с равнодушным видом достал и зажег сигарету, а баранка сама собой поворачивалась вправо, влево и снова вправо: очевидно, колеса автомобиля с хрустом описывали в этот миг сложную кривую. Повернувшись лицом к пассажиру и затягиваясь сигаретой, водитель продолжал:

— Все в порядке! Нас переключили на автоматическое управление. Машине теперь не нужен водитель, его заменил ведущий луч...

— Какой ведущий луч? — Ли почувствовал облегчение. Этот сюрприз изрядно подействовал ему на нервы. — Что за луч и для чего это затемнение окон?

— Таков приказ, — пояснил водитель. — Приказ «мозга». И ведущий луч шлет тоже «мозг». Вам это, видно, в диковину? А для меня старая штука. Еще мальчишкой я читал, как в старину всем, кого приводили в осажденную крепость, завязывали глаза. Помнится, «Граф Монте-Кристо» — так книжка называлась, неужели не читали? А сейчас нас еще на проверку задержат, перед тем как в секретный подземный ход допустить. Романтично, а?

— И даже очень! — сухо подтвердил ученый. Он все еще озабоченно следил за поведением мчащегося автомобиля. Однако автоматика, по-видимому, действовала точно по программе: через несколько минут тормозная педаль сама собой опустилась, и доктор Ли со вздохом облегчения заметил, как стрелка спидометра остановилась на нуле.

Но снаружи никто не пожелал открыть дверцы, а когда Ли попытался открыть их изнутри, они оказались запертыми.

— Это что значит? — спросил он. — Вы что-то говорили насчет обыска?

— Пари держу, что именно сейчас он и происходит! — с усмешкой проговорил водитель. — Уж не знаю, как это делается, но они фотографируют нас, как говорится, снаружи и изнутри. Узнают, что у нас в карманах, чем мы сегодня позавтракали, словом, даже скелеты наши до косточки просмотрят. Я-то числюсь по транспортному, со мной это проделывают раз по шесть за смену. И всякий раз фотографируют, как проклятого. Чувствуешь себя такой знаменитой кинозвездой.

Ученого охватила жуть. В этой полицейской машине он чувствовал себя узником с завязанными глазами, под незримым контролем нацеленных фотоаппаратов и столь же незримо шарящих по телу лучей. Он услышал снаружи тихие шаги и приглушенные голоса.

— Кто это там? — спросил он водителя.

— Сущие пустяки! Всего-навсего ребята из контрразведки. Их дело маленькое. Это вам еще не «мозг»! Проверят и пропустят. Видите? Вот и поехали. Теперь попадем в «лабиринт»...

— Как в «лабиринт»?

Водитель, столь сдержанный в начале поездки, казалось, проникся доверием к своему пассажиру и гордился тем, что может кое-что ему пояснить.

— Чудно, а? Они здесь под землей дают всему самые анафемские названия. Больше из анатомии. Как я понимаю, лабиринт — это что-то в среднем ухе у человека, где все закручено. Так и здесь. Туннель это. Замечаете, что вниз пошло, по спиралям?..

Мягкое шипение автомобильной реактивной турбины превратилось в приглушенный гром. Машина развила чудовищную скорость. По тому, как ее швыряло из стороны в сторону, и по ее наклону книзу можно было угадать, что туннель крутым серпантином уходит в глубь земли.

Ли схватился за ременную петлю-держалку. Каждый нерв его был напряжен до предела. Напряжение усиливалось еще и оттого, что на приборной доске остановились все стрелки. Никаких показаний! Даже по спидометру нельзя было прочесть скорость движения. А тут еще водитель вовсе бросил свое место, перебрался назад и пристроил ноги на спинке переднего сиденья, будто отдыхая дома в кресле, у камина.

— Американские горы в Луна-парке — сущее дерьмо в сравнении с таким спуском, — заявил он самодовольно. — Поначалу я даже побаивался спускаться, пока не убедился, что дело вполне надежное. Опасаться здесь нечего. Знай кати себе со спокойной душой.

— На какую же глубину мы должны спуститься? — со стесненным сердцем спросил Ли.

— Черт побери, да ведь именно это-то от нас и скрывают. Для того и отключаются приборы на доске. На днях ехал со мной пассажир из Бюро метеопрогнозов, тоже какой-то профессор. Он меня на смех поднял, когда я сказал, что не знаю глубины спуска. Полез в карман, вытаскивает какую-то штуку, вроде высотомера. Как-то он ее мудрено назвал, ан... эротический барометр*, что ли... То-то пришлось ему разочароваться! Во-первых, штуковина эта вообще не сработала! Решил тогда мой профессор, что воздух во всем туннеле держат под давлением. А во-вторых, он и до места-то не доехал: на следующем же контрольном пункте машину задержали, и профессор тут же усвистел наверх, туда, откуда явился!

— Почему же так?

Водитель сидел с таинственной миной.

— Похоже, что «мозг» не любит господ с подобными штуками в кармане, даже если господа эти не имеют в виду ничего дурного. Тут уж «мозг» сам, по-своему распоряжается. Может, он смотрит сейчас каким-нибудь образом к нам в кабину, может, записывает каждое наше слово, почем знать? — Водитель пожал плечами. — Лично мне это все равно. Утаивать мне нечего. Часы работы меня устраивают, оплата тоже. А что еще человеку надо?

У Ли внезапно воскресло давно забытое ощущение, этакая закрадывающаяся в душу томительная щекотка... Он ощущал ее в те дни,

* Анероидный барограф. — *Прим. перев.*

когда патрулировал в джунглях, отлично зная, что впереди, в густой листве, притаились японские снайперы. Они были абсолютно невидимы благодаря дьявольской зеленой маскировке — так сливалось с лесным окружением их обмундирование, их лица, оружие... Как странно, невольно подумалось ему, что чуть ли не в каждом современном большом городе чувствуешь себя таким же преследуемым, как и среди джунглей в военном аду!

Он уже стал сомневаться, кончится ли когда-нибудь это падение в глубину, это скольжение во чрево гигантской акулы... как туннель выровнялся! Автомобиль продолжал рваться вперед, как пущенный прямой наводкой снаряд, и, казалось, с такой же скоростью. Возбужденный спуском желудок вновь успокоился, гнетущее чувство сменилось ощущением вольного полета в бесконечность, состоянием динамического покоя. Но едва у пассажира возникло ощущение вневременности этого движения, как скорость резко упала. Замедление было столь внезапным, что по инерции Ли чуть не ударился о переднюю стенку.

Распахнулись дверцы. И когда Ли, с отуманенной головой, нетвердо держась на затекших ногах, неуклюже выбрался из машины, он остолбенел... Перед ним открылось совершенно неожиданное зрелище!

Казалось, машина остановилась на бетонной автострате перед ультрасовременной автобусной станцией. Ее зданию были приданы обтекаемые формы. Позади приподнятой террасы возносился ввысь огромный сферический купол, целиком высеченный в материковой

скале, — размеры его вдвое превышали знаменитый купол римского собора святого Петра. Стены покрывала удивительная мозаика. В грандиозных и поразительных по красоте картинах здесь была представлена история человеческого общества, его эволюция. С того места, где стоял Ли, он мог видеть слева изображение первобытных охотников на мамонта. Далее следовали сцены добывания огня, поклонения огню, картины древних ремесел и все дальнейшие этапы развития техники и науки, вплоть до потрясающего изображения справа испытания атомной бомбы... Грибовидное облако над местом взрыва было таким живым и угрожающим, что казалось одним из библейских бесов, некогда изгнанных мудрым царем Соломоном...

Картины на стенах купола показались гостю более жизненными, чем все творения искусства, какие он когда-либо видел. Ли скоро понял, что секрет этого поразительного эффекта заключается в сочетании самой новейшей художественной технологии с самой древней: на изготовление картин пошли мириады мельчайших плиток спрессованного песка, добытого здесь, в «Цветной пустыне». Эти цветные, пестрые пески в свою очередь были сделаны прозрачными и даже светящимися. Ли решил, что эффект свечения достигнут примесью фосфоресцирующих солей, находящихся здесь под воздействием скрытых источников света.

Как бы там ни было, неземная красота этого радужного сверкания, похожего на игру драгоценных камней, затмевала самые прославленные витражи в соборах Франции.

— Шикарно, а? — слова водителя действовали на гостя, как ушат холодной воды. — Говорят, все это выдумал вон тот тип, посерединке! — и водитель указал пальцем на громадную бронзовую фигуру. Она стояла в центре круга под куполом, возвышаясь более чем на сто футов от пола. Подняв взор к голове великана, Ли узнал в нем роденовского «Мыслителя», но воспроизведенного в таких масштабах, какие сам скульптор едва ли счел бы возможными.

Ошеломленный грандиозностью увиденного, Ли еле-еле выговорил:

— Но что это такое... что это?

— Так, вроде зала для собраний. Иногда здесь собирается штаб управления «мозгом». Ну и, кроме того, это Центральный вокзал. Отправная точка для всех видов внутреннего сообщения, какие тут имеются... Да слушайте же, вас уже разыскивают по радио!

Казалось, из пустоты, ниоткуда прозвучал деловитый, хоть и приятный женский голос:

— Доктор Ли, господин доктор Семпер Ф. Ли из Университета Канберры, вас просят отозваться, пожалуйста, отзовитесь!

Водитель слегка подтолкнул гостя в бок.

— Да скажите же что-нибудь! Не беспокойтесь, вас услышат!

Задышавшись, Ли пробормотал сдавленным голосом:

— Да, это я. Говорит Ли.

Женский голос в репродукторе был, казалось, ошарашен этим ответом.

— С добрым утром, доктор Ли! Говорит Вивиян Леги из центра восприятий 27. Я должна проводить вас наверх. Прошу вас, господин

доктор, проследовать направо. Пожалуйста, подойдите к эскалатору под литерой «Т». А дальше поступайте, как в универсальном магазине! — женский голос рассыпался звонким смешком. — Становитесь на эскалатор, он доставит вас прямо к нам, в Затылочный сектор. Буду вас тут ждать. С удовольствием спустилась бы за вами вниз, но это запрещено инструкцией. Потом объясню вам почему. Если у вас возникнут по дороге какие-нибудь вопросы, вам нужно только позвать меня... До скорой встречи, доктор Ли. Жду вас!

Смущенный столь игривым приемом, доктор Ли последовал приглашению. Но это оказалось вовсе не так просто, как можно было подумать. Он свернул в боковое крыло помещения и обнаружил здесь множество всевозможных эскалаторов. Затруднение в выборе усугублялось тем, что многие из них делились как бы на отдельные рукава, бежавшие по всем направлениям, вдоль и поперек, один над другим. Несмотря на ярко освещенные указатели, доктор Ли чуть было не совершил ошибку. Он едва не поставил ногу на эскалатор «П», приняв его за нужный, но тут же прозвучал знакомый голос:

— Нет, нет, доктор Ли, еще чуть левее... Вот и ваш эскалатор... Теперь вы на верном пути...

Итак, разговорчивый ангел-хранитель не только слышит его, своего подопечного, но и наблюдает за каждым его шагом. Уж не говоря о том, что это было жутковато, Ли не мог отделаться от чувства стеснения. Судьба словно вернула его в детский садик. С этими мысля-

ми Ли взялся за перила эскалатора «Т»; бесшумно и плавно его повлекло наверх. Узкий туннель был слабо освещен, но и этот слабый свет быстро угасал. Примерно через минуту его обступила полная, гнетущая темнота. Тревожащая перемена произошла и в самом ходе эскалатора. До сих пор он двигался нормально, как все эскалаторы, теперь же подъем становился все более вертикальным, а одновременно ступени под ногами Ли разошлись и превратились в плоскую платформу.

Прошло несколько мгновений, и Ли почувствовал, что он будто втиснут в нескончаемый цилиндр и находится как бы на верхней плоскости поршня, скользящего вверх, вдоль прозрачных стенок, и притом на изрядной скорости. Стенки цилиндра были либо из стекла, либо из пластика — доктор Ли догадывался об этом по мельканию в полутьме каких-то слабо освещенных предметов за стенками цилиндрического ствола. Мелькающие предметы напоминали колонны, наполненные янтарной жидкостью. Внутри колонн свешивались какие-то громадные змеи неясной формы, излучавшие свет, такой же фантастический и загадочный, как излучение глубоководных рыб.

Колонны тесно окружали цилиндрический туннель, вдоль которого Ли двигался вверх. Он не мог даже приблизительно определить их число, так как они расходились во все стороны расположенными друг за другом рядами. Быстрое скольжение вверх по узкому туннелю, среди этих мерцающих, смутных, колеблющихся, плавающих тел, которым он не находил названия, превращалось в какой-то давящий кош-

мар... Ему чудилось, что он не поднимается вверх, а падает, падает в чудовищный колодец... С облегчением услышал он снова голос своей руководительницы:

— Мне ужасно жаль, доктор Ли, что вы едете один... Не следовало бы оставлять вас в одиночестве, но меня тут отвлекло одно маленькое событие... — В голосе ее зазвучала откровенная радость. — Понимаете, мне как раз позвонил мой друг... Он работает в другом отделении... Ну, сами понимаете... Посмотрим-ка: где же это вы сейчас находитесь?.. Господи, да вы уже почти в конце «продолговатого мозга», сейчас будет «мозжечок», а я вам еще ничего не рассказала! Ну, ладно, с чего же мы начнем? Сегодня я сама себя не узнаю... Стало быть, доктор Ли, насчет нашего «мозга». Понимаете, многим он представляется чем-то вроде автоматической телефонной станции. На самом деле ничего похожего! Мы установили, — она произнесла это так важно, будто речь шла о ее собственном открытии, — что лучшим образцом для искусственного мозга является мозг естественный. Поэтому наш искусственный «мозг» и устроен почти по образцу человеческого мозга, да и вся наша терминология почерпнута из словаря анатомов, а не инженеров. Эскалаторы, если хотите знать, движутся вдоль различных мозговых извилин, вот почему они так кружат и вихляют, — вы сами потом убедитесь, когда доберетесь до собственно «мозга»... Те колонны, что вы видите за стенками, наполнены жидким изолятором, чтобы обеспечить нервным волокнам возможность вибрации. Волокна и в самом деле вибрируют,

доктор Ли, когда по ним, то есть по нервным путям, передаются восприятия.

Вы, конечно, обратили внимание на предельную узость эскалаторных туннелей, на их ужасную тесноту. Я знаю, это вызывает неприятное чувство, многие наши посетители прямо-таки заболевают боязнью тесноты, но ничего не поделаешь, иначе нельзя. Видите ли, не только миллионные доли секунды, но даже ничтожные доли этих долей имеют важное значение для координирования работы ассоциативных центров и нервных путей, поэтому все и построено так компактно. У нас гораздо теснее, чем даже на подводных лодках.

Еще вы, наверное, удивляетесь, почему здесь, внутри, так темно. В этом наши устройства тоже схожи с человеческим мозгом. Ведь нервные клетки мозга так чувствительны, что свет для них вреден. Мы пользуемся почти исключительно «черным светом» или активированным фосфором, например на наружных оболочках нервных волокон. По той же причине нашим сотрудникам, как правило, не разрешается доступ во «внутренности» мозга, когда он под рабочей нагрузкой. Исключения допускаются только для «особо важных лиц», вроде вас. Обычно мы попадаем на свои рабочие места по трубам, на шахтных подъемниках. Шахты-трубы для этих лифтов проложены внутри опорных «костей», то есть в скальном грунте. Лифты ходят гораздо быстрее, езда в них много удобнее... О, доктор Ли, мне вас от души жаль! Вы едете один, в такой кошмарной тесноте и путанице, и никого-то около вас нет!

Ли усмехнулся. Достанется же такая болтунья кому-нибудь в жены! Как бы она ни была привлекательна внешне, он не хотел бы для себя такой супруги! Впрочем, в данный момент ее утрированная женственность даже скрашивала этот мрачный путь среди мерцающих призраков!

Маленькая платформа под его ногами опять проявила свой странный нрав. Она взбрыкнула, подтолкнула его вверх, а задняя стена дала ему одновременно пинка в спину. Нос гостя уже коснулся скользящей стенки цилиндра, как в тот же миг вся конструкция переменяла курс, перейдя от вертикального скольжения к волнообразному раскачиванию. Ли неясно различил множество сплетений светящихся кабелей. Они змеились в пещерообразных нишах, и чудилось, будто они подмигивают гостю, слабо фосфоресцируя, как кошачьи глаза. Это мерцание напомнило ему лемуру и светляков из того зеленого ада, где довелось некогда воевать.

— Сейчас вы обходите некоторые извилины «мозжечка», — пояснял ангел-хранитель. — Вы видите светящиеся электронные лампы. Все они более или менее похожи друг на друга и рассчитаны на прием восприятий, чтобы потом трансформировать их в мыслительные импульсы и далее — в словесные формулировки... Здесь, в «мозжечке», рождается большинство ассоциаций. Отсюда они распределяются по клеткам мозговой оболочки... Упаси вас бог заболеть морской болезнью, господин доктор, это нередко случается с нашими посетителями. Они не выдерживают качки, а еще пуще — не-

известности того, что их ждет на следующем повороте.

Опасения сострадательной Вивиан были слишком близки к истине, чтобы показаться гостю комичными. С ощущением надвигающейся катастрофы глядел он на скользящие стенки цилиндра; время от времени слабое мерцание чуть освещало его лицо, и он на миг видел свое отражение в гладкой стенке цилиндра. Лицо измученное, зеленоватого оттенка... Но хуже всего было полнейшее отсутствие какого-либо устойчивого ориентира, на котором можно было бы остановить взгляд. У Ли возникло ощущение, будто он несется галопом на спине чудовищного удава и еще какие-то мерзкие пресмыкающиеся скользят у него под мышками.

Некоторые из пещер Аладина, мимо которых он совершал свое невеселое путешествие, оживлялись рубиновым свечением мириад вакуумных трубок. Другие отливали зеленым или переливались всеми цветами спектра. И не было им ни конца, ни края, и невозможно было определить, сколько же их уходит вглубь, — все это вызывало представление о беспредельности... После нескончаемых волнообразных качаний эскалатор совершил нечто вроде воздушного прыжка вверх. Опять перспектива полностью изменилась. Теперь казалось, что бегущая эскалаторная лента подвешена к потолку. Сквозь косые боковины эскалатора можно было различить то, что находится внизу.

Голосок Вивиан раздался как раз в ту минуту, когда Ли с трудом сдержал приступ рвоты.

— Сейчас вы пересекаете линию связи с «большим мозгом». Вам предстоит теперь подъем по шейному позвонку, как раз между обоими полушариями, к «среднему мозгу». Великое множество нервных узлов, находящихся под вами, и те, что надвинутся на вас со всех сторон, пока вы не перевалите через гребень позвоночного хребта, — это все ассоциативные узлы. За перевалом они распространяются далее по мозговой оболочке между всеми координационными центрами, идут к центрам формирования и формулирования мыслей, а также ко всем прочим центрам высшей духовной деятельности... Теперь вам станет легче, доктор Ли, — я имею в виду ваше физическое состояние. Будут еще повороты, но уже не такие резкие... О, вы замечательно держитесь, вы мужественный человек. На моем экране вы смотрите совсем молодцом!

Ли знал, что выглядит как огородное пугало в бурю, но был благодарен за ободряющую похвалу. К тому же Вивиан сказала правду: гигантский удав, на котором он так долго скакал, как будто остепенился и повел себя достойнее, что куда более соответствовало его почтенным размерам!

Был миг, когда ему угрожала, казалось, неминуемая гибель: навстречу мчались светящиеся кабели! Но коснулись они лишь прозрачного плексигласа цилиндра, мгновенно погрузив гостя в ореол радужного сияния, и ускользнули назад. Под ним, внизу, проносились многомильные пространства. Создавалось впечатление, будто все эти пространства служат питомниками... для пишущих машинок! Миллионы

этих небольших агрегатов изящно и точно строчили что-то свое, нескончаемое, светясь при этом мириадами крошечных огоньков.

Потом пошли новые и новые гигантские помещения; эти кишели карликовыми моторчиками. Даже сквозь плексиглас цилиндра Ли улавливал их пчелиное жужжание. Что они приводили в движение — он заметить не успел. Следующие мили пути среди этих подземных «тепллиц» для машин-скороспелок снова прошли во мраке. Только искорки-огоньки, словно трассирующие пули, прорезали бездонный мрак. Подавленный впечатлениями, Ли будто утратил способность воспринимать слова и реагировать на них. Он уже не понимал того, что непрерывно втолковывала ему Вивиан, вроде: «кристаллические элементы», «соленоидные элементы», «нервные волокна», «ворота синтеза» (не путать с «воротами анализа», хотя выглядят они совершенно одинаково!)...

Под водопадом сыпавшихся на него ученых слов ему еще приходилось бороться с дурнотой и тратить на это добрую половину своих душевных и физических сил. Продолжалась мучительная качка; его все еще бросало то вверх, то вниз, и казалось, что ноги вот-вот оторвутся от тела, а плечи превратились в какое-то подобие шарниров, на которых болтались руки... Вдруг он почувствовал, что кабина скользнула на боковой путь. В плексигласовой стенке цилиндра-туннеля возникло отверстие. Изогнутый металлический щит, похожий на нож путевого струга, устремился навстречу, перехватил платформу, затормозил ее и высадил Ли, целого и невредимого, перед дверью с

надписью «Центр восприятий 27». Дверь распахнулась. На пороге предстал сам ангел-хранитель, изящно облаченный в наряд сестры милосердия.

— Ну, вот, — произнес ангел, — наконец-то! Как вам понравилась эта небольшая одиссея, если так можно назвать прогулку по нашему «мозгу», доктор?

Ли провел рукой по своей седой гриве. Волосы взмокли и растрепались.

— Спасибо! — ответил он. — Это серьезное переживание. Я насладился сполна. Кстати, Одиссеей тоже, вероятно, получил огромное удовольствие от путешествия между Сциллой и Харибдой, когда... оно кончилось! Догадываюсь, что вы — мисс Леги?

— Просто Вивиан для друзей! — произнес ангел, играя глазками и очаровательно посмеиваясь. — Итак, господин Одиссей, вы прибыли к сирене. С тех пор как я впервые увидела вас, мне не терпелось познакомиться с вами поближе!

Ли сощурился глядел на ангела. Ангел казался успокоительно земным. У него были рыжие волосы. И высокая грудь, которую не мог скрыть даже накрахмаленный халат.

— Мисс Вивиан, — обратился он к ней. — У меня к вам просьба, которая может показаться экстравагантной. Не разрешите ли вы мне... потрогать вас? Не подумайте чего-нибудь худого, дело в том, что-там, где-то внизу, я утратил чувство реального.

— Ну, разумеется, разрешаю, ах вы бедный-бедный! Я-то в точности знаю, какое у вас

самочувствие! Пожалуйста, снимите пиджак и галстук, я смеряю вам температуру и давление.

— Давление?

— Ну да, перед испытанием на пригодность.

— Как так — испытанием на пригодность? Разве меня должны подвергнуть?.. — Ученый был совсем сбит с толку.

— Разумеется, должны! Через это проходит каждый, желающий работать внутри «мозга». Поэтому вы и присланы сюда. Разве вас никто не предупредил? Вот безобразие! Центр восприятий 27 — это попросту здешнее медицинское отделение, как видите!

Приемный покой, где он, так сказать, приземлился, длинный белый коридор, инструменты, блистающие за стеклами шкафов, наряд сестры милосердия — все это весьма напоминало клинику, притом для людей состоятельных. В процедурах, которым ему надлежало подвергнуться, не было ничего необычного. Ли почувствовал знакомый запах карболки, когда в рот ему сунули градусник. Потом его руку обвил резиновый шланг; старательная Вивиан энергично налегла на резиновую грушу, и Ли отчетливо ощутил пульсацию крови.

Потом она повела его к двери с матовыми стеклами. «Э. Ф. Меллич, д-р мед., И. Ц. Бонди, д-р мед.», — гласила надпись. Оба врача встретили доктора Ли со всеми знаками почтительности, смешанной с профессиональной приветливостью. Д-р Бонди — молодой, восточного типа брюнет, д-р Меллич — свежий блондин. Обоим — лет по двадцать пять, оба в коверковых костюмах столь безукоризненного по-

кроя, что Ли стало стыдно за свой. Увидев посреди кабинета операционный стол, он поморщился, но тут же начал раздеваться: ему хотелось как можно скорее разделаться с обследованием.

— Нет, нет, раздеваться не нужно, доктор Ли! — со смехом остановили его врачи. — Мы имеем о вас полный медицинский отчет. Он поступил еще сегодня утром. Прислан по нашему запросу Госпиталем королевы Елизаветы в Канберре.

Вы старый малярик, доктор Ли. Первый приступ случился во время тихоокеанского похода. Жаль, что вы тогда отказались вернуться в Штаты для полного излечения. В результате у вас бывают рецидивы. Отсюда некоторое малокровие и слегка затронута печень. А вообще-то у вас завидное здоровье, легкие и сердце в порядке. Мы тщательно просмотрели вашу медицинскую карту.

— Так чего же вы еще от меня хотите? — Ли задал этот вопрос несколько раздраженным тоном. Слишком часто приходилось ему иметь дело с врачами, и он не питал к ним особой нежности.

Рука Меллича, испещренная веснушками, легла на плечо Ли.

— У нас здесь дела ведутся иначе, — сказал он мягко.

— Вернее, «мозг» ведет дела иначе... — подхватил Бонди. Прилягте на стол, доктор Ли, расслабьте мускулы, отдохните. Мы сейчас все вместе удовольствия ради просмотрим небольшой кинофильм. Вот и все!

Ли неохотно подчинился. Он ненавидел ме-

дицинские обследования, в особенности такие, при которых к телу подключается специальная аппаратура. Здесь ее было очень много.

Оба врача, по-видимому, задались целью буквально замуровать испытуемого в грудe аппаратуры. С потолка они спустили огромный диск, видимо очень тяжелый. Это не был прибор для облучения, а скорее мощный электромагнит, утыканный острыми иглами. Ли не мог видеть подвесного кабельного устройства, на котором диск держался, и ему оставалось только надеяться, что это устройство достаточно прочно, потому что вся конструкция весила не меньше тонны, а вид у нее был куда более грозный, чем у пресловутого дамоклова меча. К ногам Ли врачи подкатили особую стойку с полотняным экраном, а по бокам лежа установили еще какие-то аппараты, похожие на физиотерапевтическое оборудование. Тела пациента не касался ни один провод, но вокруг него возникло активное электрическое поле. Оно регулировалось включением и выключением кнопок, передвижкой рычажков, подключением сетей.

Внезапно в помещении погас свет.

— Что это значит? — встревожился Ли, приподнимая голову с жесткой подушки. Он различал во мраке только ряды светящихся табличек и слабое мерцание электронных лампочек сквозь прорези в стенках приборов. Тут же у самого изголовья откликнулся мягкий голос. Кому из врачей он принадлежал, Ли не мог определить:

— Это проверка дефектов в области подсолнечного и испытание ваших нервных реак-

ций, доктор Ли. Метод совершенно новый, созданный «мозгом». Он таит безграничные возможности, в том числе и для ваших исследований...

— О господи! — простонал Ли. — Что-то вроде психоанализа? Значит, вы и его механизировали? Как это все ужасно!

По ту сторону изголовья тихонько засмеялись. Врачи, кажется, подтянули себе по стулу и уселись за пределами видимости пациента. Тому все это очень не понравилось. Ему вообще не нравилась вся эта история. Он чувствовал себя в плену.

— Нет, нет, доктор Ли, — пояснил со смехом невидимый собеседник. — Это отнюдь не психоанализ в прежнем смысле слова. Ничья безудержная фантазия не станет интерпретировать вашу психику. И в то же время это не совсем механическая проверка, как вам представляется. «Мозг» сам ответит на некоторые вопросы демонстрацией определенных образов. Результаты очевидны, мгновенны и убедительны в такой же мере, как, скажем, отражение в зеркале. Это и есть главное преимущество нашего метода... А теперь сосредоточьтесь на ваших телесных ощущениях. Вы что-нибудь чувствуете? Чье-нибудь прикосновение?

— Да-а-а, как будто... Я ощущаю... Это жутковато... Будто паучьи ножки, миллионы паучьих ножек... Бегают по всей коже... Что же это такое?

— Кажется, начал реагировать! — прошестел второй голос. А первый отвечал пациенту:

— Это лучи-щупальца, доктор Ли. Первая волна.. Поверхностные лучи с незначительной проникающей способностью.

— Откуда они?

— Сверху. Точнее говоря, от телеиспытательных центров «мозга».

— Что они делают со мной?

Опять приглушенный смех.

— Они возбуждают поверхностные нервы тела, прокладывают дорогу глубинным лучам, которые в свою очередь переходят с низших органов на высшие, пока не доберутся до вашего мозга. Мы называем это «настройкой», доктор Ли.

Затрещал небольшой кинопроектор. На полотне экрана возник светлый четырехугольник. И пошло... Ли рванулся. Сильные, решительные руки удержали его на месте, успокаивая...

— Откуда удалось вам добыть все это? — выкрикнул пациент.

— Из разных источников, — прозвучал спокойный ответ. — Из газет, из иллюстрированных еженедельников, а кое-что нам прислало военное министерство и некоторые из ваших прежних друзей.

На экране замелькали кадры, целые отрезки его собственной жизни. Они были неполны, смонтированы бегло и казались страничками книги, которые дети выдрали из корешков. Но он-то знал книгу своей жизни, и каждый из этих кадров поистине являлся ключом ко всем кладовым его памяти, ко всем сокровищам, всем мукам, таящимся в ее темных недрах.

Начиналось все с их старого виргинского поместья. Мать фотографировала новую хлоп-

коуборочную машину за работой. Вот эта машина, огромная, нескладная... Вокруг нее — негры глядят, чешут в затылке... А вот и сам он, двенадцатилетний, в руке — монтекристо, а рядом собака Муша его спутник на охоте. Муша! Как же он любил этого пса, как рыдал, когда тот издох!..

Снимки «Военной академии имени Александра Гамильтона»... Несколько худших лет жизни он по требованию отца провел в этих стенах, воздвигнутых в подражание старым замкам...

Бомбы, падавшие на Пирл-Харбор.. На другой же день он пошел в армию добровольцем. Когда он вернулся с медицинской комиссии, мать его сказала... Ее фигура, движения, голос воскресли в его сознании, словно снятые крупным планом.

Потом на экране замелькали картины тихоокеанской войны, подобранные из материалов похода, в котором участвовал Ли. Демонстрировались документы, которые правительство никогда не отважилось бы показать публично. Крупным планом фотокадры тонущего от вражеской торпеды транспорта с войсками. Видно, как он идет ко дну килем вверх, увлекая в черную бездну тех, кто еще борется с волнами... Ведь это было то судно, на котором плыл он сам, транспорт «Монтичелло»; Ли не знал, что в носовой части самолета, кружившего над кораблем, скрывалась автоматическая кинокамера, запечатлевшая все происшедшее...

Порт Дарвин.... Гвадалканар... Иво Джима. Заснятые крупным планом кадры огнеметных танков, одолевавших горный перевал. Он сам

командовал одним из этих танков... Фигурки японских солдат, спасающихся от огненных струй... Разворошенный муравейник... Воспоминание было столь живо, что даже ясно ощущался запах, отвратительный запах горелого человеческого мяса. Это было невыносимо. Хриплым от отвращения голосом он еле выговорил:

— Уберите это!

— О нет, нет, — с лицемерным участием воскликнул один из врачей. — Об этом и думать нечего! Придется уж потерпеть до конца! Так надо... Что вы сейчас ощущаете, доктор Ли?

— Чьи-то пальцы... Мягкие пальцы простукивают меня со всех сторон... Похоже на вибрационный массаж. Но странно, они стучат *изнутри*, как слабые пневматические молоточки, в бешеном темпе. Будто моя диафрагма служит им вместо барабана. Но это не больно.

— Хорошо, и даже отлично! Вы превосходно передали свое ощущение, Ли. Итак, горящий город, кажется Манила? Это было, когда туда возвратился Мак-Артур, не так ли? Ваш второй поход вы проделали на Филиппинах, верно? Вам за него пожаловали почетную медаль конгресса?

Да, это были Манила и Минданао, где японцы сопротивлялись в пещерах до горестного конца.

Батальон, которым командовал Ли, наступал вниз по крутому склону, без всякого прикрытия. Чистейшее убийство! И, когда лучшие из его солдат были скошены, он сам превратился в иступленного убийцу: кинулся к буль-

дозеру, вскочил на него и таранил пещеру с противником, подняв бульдозерный нож как щит против заградительного огня. Лавиной камней и земли он снова и снова заваливал сверху, с горы, вход в пещеру, похожую на огнедышащую пасть дракона; и так до тех пор, пока не засыпал ее со всеми, кто в ней находился...

Впоследствии он и сам не мог понять, почему и как совершил этот поступок. Лично для него дело кончилось обмороком от потери крови. В лазарете ему вручили орден, хотя он и не считал, что заслужил эту награду.

А теперь фильм показывал то, чего он не мог наблюдать тогда сам, — исход войны за Филиппины... Снятые с воздуха вулканические скалы, искрошенные в порошок... Пикирующие бомбардировщики, атакующие маленькие дымовые столбики на земле — выходы из вентиляционных шахт, колодцев, где укрылся обороняющийся противник, уже побежденный, но еще не сдавшийся... Большие, неуклюжие баки тяжело вываливались из бомбовых люков... Потом желатинизированный бензин воспламенялся, превращая тысячи запертых в ловушке людей в сплошной пылающий костер...

Уже давно, лет двадцать, старался он забыть войну, замуровать все эти воспоминания в глубоких тайниках подсознания. Но проклятые врачи выпустили чудище войны на волю. Чудище глядело на него с экрана, и под этим взглядом замирало сердце. Этот взгляд оказывал на зрителя такое же гипнотическое действие, какое древние греки приписывали недвижному взору Медузы Горгоны.

Будто сквозь туман, раздался голос Меллича, а впрочем, может быть, и голос Бонди:

— В чем дело, доктор Ли? Вы дрожите, у вас обильный пот — что с вами?

— Это из-за ваших лучей, — пытался он защищаться. — Из-за вибрации... из-за пальцев. Они добрались до сердца. Теперь кажется, что все тело стало сплошным сердцем... Будто чья-то чужая жизнь проникает в мою... Это ужасно. Ради господ бога, прекратите!

— Рановато еще, доктор Ли, рановато! Ведь все в полном порядке! Вы чудесно реагируете! Вы же себя отменно чувствуете, правда?

«Добраться бы до твоего горла, дьявол, — подумал истязуемый — Уж я бы сумел выдавить елей из твоего голосочка! И жалеть бы потом не стал!» Он попытался сделать движение, но понял, что это выше его сил: каждый мускул замер в каталептической спазме.

Потом до его сознания дошел голос второго врача:

— Мы показали вам этот небольшой кинофильм, чтобы побудить вашу психику к созданию собственного кинофильма. Вы реагировали, то есть последовали нашему призыву. Пока вы смотрели картину, лучи-щупальца, работавшие в пять слоев, зафиксировали все ваши реакции и передали их в приемное устройство «мозга». «Мозг» читал ваши мысли в прямом смысле слова, а теперь он транспонирует их для вас в реальные, видимые образы. Сейчас мы покажем вам воплощение ваших собственных мыслей.

Кинопроектор, отдохавший с минуту, снова застрекотал. Когда первый зримый образ по-

казался на экране, в кабинете раздался тихий стон. В нем смешались удивление и острая боль. Звук этот непроизвольно вырвался у Ли, когда разверзлись перед ним глубины собственного подсознания. Вот что предстало его взору

Чудовищный зверь, похожий на спрута, полз по хлопковому полю, наползал все ближе и ближе, огромный, угрожающий. Вдруг раздался короткий, взволнованный лай, и пятнистая охотничья собака ринулась через поле на чудовище. Плачущий голосок маленького мальчика молил: «Муша, Муша, не надо, пожалуйста, не надо!» Но пес не обратил внимания на просящий голосок. Чудовище блеснуло громадным злобным оком, схватило собаку своими щупальцами, разодрало собачье тело на куски и разжевало их страшными саблевидными зубами...

Как сквозь сон, различил он слова врачей:

— Кажется, для него это было сильным шоком! При столь эмоциональной натуре, да еще в юные годы такое впечатление оставляет в психике неизгладимый след.

На экране вспыхнуло изображение «Военной академии имени Александра Гамильтона». Это был не вполне реальный образ, и все же более реальный, чем сама действительность. Узкий двор, окруженный высокими каменными стенами, с наклоном внутрь; словно в карауле, застыли гигантские грозные крепостные башни; перед чугунными, навечно замкнутыми воротами циклопических размеров шагал назад и вперед моряк-часовой, огромный, призрачный солдат морской пехоты, всегда охранявший

здесь все ворота, чтобы никто никогда не мог убежать...

— Должно быть, его отец, — прошептал голос врача у изголовья. — Вернее, прообраз... Сейчас, держу пари, он извлечет и мать...

Как на рисунках примитивистов или на старинных фресках, где фигуры царей и цариц изображались огромными, а фигуры простых смертных — маленькими, Ли увидел на экране свою мать... Он как раз принес ей радостную, как сам думал, весть, что медицинская комиссия пропустила его. Лицо ее заняло весь экран. Оно казалось составленным из зубчатых кусочков эктоплазмы и было совершенно прозрачным, кроме глаз. Их наполняла глубокая боль и скорбь. Эти глаза вперились в его собственные. Из рта вился дымок, из дыма складывались слова:

— Но, Семпер, ты же еще совсем ребенок! Нельзя посылать детей туда, на такое дело, просто нельзя!

Эти слова, написанные дымом на экране, понеслись к нему, словно на крыльях.

— Изумительно! — с восхищением прошептал врач за спиной лежащего. — Помните сведения, полученные письменно? Она скончалась от рака полгода спустя после того, как сын ушел за море.

— Помню, помню! — отозвался второй голос. — Он больше никогда ее не видел. Наверное, из этого также развился сильный комплекс.

Теперь на экране плясали какие-то образы, почти абстрактные, не имевшие, казалось, ничего общего с действительностью или с доку-

ментами войны. Это были завихряющиеся столбы дыма; иногда они становились темными недрами грозовой тучи. Сквозь тучу скользил планер, то и дело освещаемый вспышками молний. На доли секунд они озаряли вокруг какие-то фрагменты ужасной действительности: горящий океан, где из глубины пламени изредка показывались искаженные человеческие лица; неотвратимые гусеницы танка, надвигающиеся на живое человеческое тело, которое остается потом позади, распластанное, как свежесодранная, залитая кровью шкура. И опять надо всем — ревушая, крутящаяся мгла и темень.

— Интересно, а? — до сознания распростертого на столе в каталептической спазме человека снова дошел голос одного из врачей; другой голос подтвердил:

— Да, изумительно. Почти классический случай. На редкость мобильное воображение.

Вот это-то меня и поражает. В обычных случаях такой паренек был бы обречен на гибель! Психика бы не выдержала!

— А может, она и не выдержала! Почему знаем? Может, он на время и сошел с ума, а никто этого просто не заметил. Ведь во время войны было великое множество психиатровослов!

— Возможно. Но посмотрите, его образное творчество уже слабеет. Ничего существенного я больше не жду. А вы?

— И я не жду. Во всяком случае, мы получили все, что требовалось. Давайте отпустим его. Только осторожнее с реостатами!

Проектор затих. Призрачные пальцы, вир-

туозно бегавшие по клавиатуре мозга, постепенно перешли от бурного фортиссимо к мягкому пианиссимо. Сначала стих трепет грудобрюшной преграды, потом прекратился торопливый стук чужого пульса в сердце. Расширились освобожденные легкие, дрожь пробежала по всему телу — так вздрагивает ледяной покров на весенней рёке, и наконец дух человеческий освободился из плена.

Медленно усиливался свет, как в кинотеатре после сеанса. Моргая, вглядывался пациент в черты человека, склонившегося над его ложем и щупавшего ему пульс. Это был Бонди. Меллич стоял в ногах, спиной к пациенту, и, кажется, следил за каким-то прибором. От прибора исходил звук, какой издают телетайпы. Сбрасывая ноги со стола, Ли проговорил:

— Щупать мне пульс незачем. Здоровье мое в порядке.

Но в тот же миг почувствовал, что говорит не то. В голове мутилось, пот струился по всему телу. Ощущая сильную дурноту и слабость, он покачнулся, спрятал лицо в ладонях, пытался удержать равновесие, стряхнуть с себя состояние транса...

— Простите, — вымолвил он, — мне что-то нехорошо.

Снова открыв глаза, он увидел совсем рядом обоих врачей. Они глядели на него сверху вниз с ничего не говорящими профессиональными улыбками. Ли почувствовал, как в нем поднимается волна резкой антипатии к этим людям; уж очень часто, слишком часто видел он такие улыбочки. По-видимому, они составляли неотъемлемую принадлежность врачеб-

ного оснащения, в особенности когда требовалось положить человека на операционный стол или, того хуже, отправить в сумасшедший дом. Инстинкт подсказывал, что надвигается новая опасность и что теперь самое важное — как можно убедительнее показать себя предельно выдержанным и уравновешенным человеком.

— Большое вам спасибо, доктор Ли! — На сей раз первым заговорил Меллич. — Мы знали наперед, что это испытание окажется для вас полезным, хоть оно и стоило вам изрядного напряжения. Во времена Зигмунда Фрейда для полного, всестороннего исследования психики требовалось не менее трех лет. Мы же достигли примерно тех же результатов всего за несколько часов. Не правда ли, успех немалый?

— Колоссальный, — сухо отозвался Ли, ища взглядом Бонди. Он уже знал здешний порядок: теперь наступила очередь Бонди нанести следующий удар. Так и случилось. О, как противна, как отвратительна ему эта лживая сердечность тона!

— Доктор Ли, — заговорил тот, — мы вынуждены сообщить вам нечто весьма огорчительное. Ваша проверка... понимаете, она дала отрицательные результаты. Вы ее не выдержали.

— Чего я не выдержал? — на долю секунды у Ли чуть не остановилось сердце. — В каком смысле? И что это означает?

Снова пришла очередь Меллича.

— Доктор Ли, между коллегами уместна полная откровенность. Как ученый, вы нас поймете. Прежде всего решение выносим не мы; нам поручена только проверка по заданию и

программе «мозга». Как вы знаете, «мозг» — самая совершенная машина в мире. Все его функции, все его существование целиком зависят от умения и лояльности работников штаба, то есть тех людей, которые обслуживают «мозг». Его огромная стоимость — три миллиарда долларов — и выдающееся значение для обороны страны оправдывают те чрезвычайные меры, какие мы вынуждены принимать для его охраны.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Пожалуйста, только не обижайтесь, — опять вмешался Бонди, — тут дело не в вашей личности, а в таблице ваших чувственных реакций. Она показывает: у вас выработался известный антагонизм к технике, что является следствием военного опыта и детских переживаний. Это всего лишь потенциальный антагонизм, он ограничен у вас областью подсознания. Но даже возможность возмущения подсознательной области у сотрудника «мозга» должна быть заранее исключена. Мы прекрасно понимаем желание доктора Скривена воспользоваться вашей драгоценной научной помощью, но...

— Понимаю! — прервал его Ли. — Но... вы почувствовали бы себя лучше, если бы я со следующим же самолетом отправился назад, в Австралию. Верно?

Голова его склонилась под этим последним ударом. Всего сутки назад понятие «мозг» было для него чем-то туманным, почти нереальным. А за это короткое время ему приоткрылся совершенно новый мир потрясающих открытий, мир, обладающий магнетически притя-

гательной силой благодаря невиданным возможностям исследования. Его труд, достижения всей его жизни не могли дать науке тех результатов, какие он при помощи «мозга» получил бы здесь в течение считанных дней. А его вспыхнувшая любовь? Ведь и Уну Дальборг он больше не увидит, если уйдет отсюда опороченным этой оценкой.

— Жаль, что вам пришлось попусту потратить на меня столько времени, — сказал он вслух. — Я отнюдь не убежден в правильности этого анализа, но, к сожалению, не могу доказать и обратного. Это все, надо полагать? И мне следует подумать об отъезде?

— Вот ваш паспорт, доктор Ли!

Машинально он взял протянутый ему доктором Бонди листок желтой бумаги. И уже приоткрыл дверь, когда услышал сзади резкий окрик:

— Доктор Ли! Одну минуту, пожалуйста! Он вздрогнул и обернулся.

— Что еще?

— Почему вы не прочтете того, что написано у вас в паспорте?

Недоверчиво поглядел он на желтый листок. Какие новые истязания готовили ему эти господа? Потом, широко раскрыв от удивления глаза, стал читать: «Ли, Семпер Фиделис, возраст — 55 лет, потенциал мозговой коры — 119%, чувствительность — 208%, приспособляемость к людям — 95%, служебная квалификация — 100%...» Следовали прочие пункты, но он уж не мог читать дальше. Он тупо глядел на врачей, а те, с одинаково сияющими физиономиями, казались близнецами.

Ли так и не понял, кто из них первым произнес: «Поздравляем вас, доктор Ли, сердечно поздравляем! Вот позади и самое последнее испытание: нам требовалось выяснить, как вы поведете себя при глубоком разочаровании!.. Вы сдали экзамен на отлично! Позвольте же от души пожать вам руку!»

4.

Центр восприятий 36, лаборатория доктора Ли внутри «мозга», был похож на центр восприятий 27 во всем, за исключением внутреннего оборудования. Дело в том, что все центры восприятий в общем строились по однотипному плану. Самые разнообразные центры восприятий располагались в «затылочной доле», многие другие центры были встроены в искусственные, бетонные стены «костной ткани», которая в свою очередь покоилась внутри «костей», то есть в слое скального грунта толщиной более километра.

У каждого центра восприятий имелась своя шахта подъемника, и все эти шахты вели сквозь бетонный вал костной ткани вниз, к Центральной станции, главному транспортному узлу «мозга». Кроме того, другим, противоположным концом коридора каждый центр восприятий соединялся с одним из эскалатор-

ных путей, змеившихся в глубинах «мозга». Однако напрямую или по диагоналям отдельные центры восприятий между собой связаны не были. В силу чрезвычайной разносторонности и секретности проектов, поступавших на обработку в «мозг», каждый центр восприятий был полностью изолирован от своих соседей.

Вскоре Ли убедился, что его здешнее бытие не очень-то отличается от жизни в австралийской пустыне, по крайней мере в смысле изоляции от внешнего мира. В соседних лабораториях, возможно, работали физики-атомники или эксперты по управляемым снарядам; в содружестве с «мозгом» эти люди, быть может, мудрили над расчетами баллистических траекторий, нацеленных на жизненные центры других стран... Возможно, тут же рядом какой-нибудь интеллигентного вида библиотекарь подбирал современную продукцию иностранных издательств, чтобы предложить ее гигантскому «мозгу» для анализа содержания. Быть может, по соседству находились лаборатории, где разрабатывались планы военных кампаний с применением химических средств нападения. Или какой-нибудь астроном, миролюбиво освобожденный от воинственных задач, использовал грандиозную математическую мощь «мозга» для вычисления кометных орбит, а эти вычисления в свою очередь превращались в исходные данные для других космических расчетов, связанных с маскировкой тех искусственных небесных тел, которые человечество исподволь готовит для будущих войн...

Да, соседей своих Ли не знал, но одно он знал твердо: почти любая проблема, которую

предлагали решить «мозгу», прямо или косвенно являлась проблемой *военной*.

Порой, чаще всего в часы усталости, он начинал почти физически ощущать тяжесть тех миллионов тонн скального грунта, что находились над его головой; казалось, он заживо погребен в гигантской гробнице фараонов. Бывало и так, что в минуты умственного переутомления, например на исходе долгого трудового дня, он испытывал на себе эманацию титанических интеллектуальных сил, излучаемых «мозгом», то есть нечто подобное тому, что подчас ощущаешь, находясь в обществе гениального человека. Мысль о том, что вся эта титаническая деятельность посвящена целям войны, тяжело угнетала его.

Есть ли здесь, в этом колоссальном мире науки, ктонибудь, кто трудится над предотвращением войн? Если и есть, то всего лишь единицы, одиночки. Одним из них, возможно, является Скривен, если у него здесь своя лаборатория и хватает времени работать в ней. Ничего определенного Ли об этом не знал. Он не видел Скривена с тех пор, как тот произнес свое сенсационное вступительное слово перед торжественной церемонией «присяги на верность мозгу». В ней участвовали вновь принятые на работу сотрудники, в том числе и Ли.

Глубоко в недрах земли, под величественным куполом с картинами-мозаиками собрались они у подножия статуи Мыслителя. И, хотя было их несколько сот человек, они чувствовали себя затерянными среди этих грандиозных подземных просторов. Как только Скривен поднялся на цоколь статуи, наступила торже-

ственная тишина. Момент был поистине патетический и речь Скривена вполне соответствовала величию обстановки и серьезному настроению собравшихся...

— Мы собрались здесь, где предстают нашему взору этапы вечной эволюции человеческого рода...

Все вы приступаете к служению «мозгу», и я хочу вместе с вами проследить процесс эволюционного развития за последние столетия, чтобы вы уяснили себе, зачем создан «мозг» и почему его создание явилось необходимым звеном все того же эволюционного процесса...

Пока естественные науки не вышли из детского возраста, человеческому индивидууму был еще доступен охват всех наук как единого целого, изучение этих наук в комплексе, овладение их законами. Выдающимися примерами таких мужей науки были Роджер Бэкон, много позднее — Лейбниц, Ньютон, Александр Гумбольдт, а в нашей стране Бенджамин Франклин. Вспомним и блистательное собрание универсальных умов, получивших название энциклопедистов!..

К началу XIX века, однако, развитие наук приобрело такой размах, а накопленная науками сокровищница знаний стала столь грандиозной, что даже гениальным умам сделалось не под силу овладевать всеми науками в полном объеме, согласовывать их друг с другом, направлять их...

Естественные границы человеческого мозга принудили человечество перейти к специализации наук, и эта специализация стала важнейшим этапом развития наук в XIX столетии. Но,

обеспечив, с одной стороны, возможность широчайшего развития наук, специализация, с другой стороны, привела и к серьезным отрицательным последствиям. Во-первых, ведущие ученые специальных областей настолько опередили своих современников по уровню знаний, что рядовому человеку стало уже не под силу следовать за своими учеными вождями. В результате ученый и его наука оторвались от обыкновенных людей, и у рядового, среднего человека это вызвало недоверие к науке, как бы ни были для него благотворны иные достижения ученых-первооткрывателей.

Во-вторых, основные усилия науки в целом направлялись на то, чтобы достичь господства над природой. Успехи в этом направлении были столь велики, что могло показаться, будто сюда входит и победа над человеческой природой. Предполагалось — ошибочно, как мы теперь знаем по горькому опыту, — будто человеческая природа уже существенно изменилась к лучшему. В третьих, стремление к специализации наук привело их к той автономии, под знаком которой мы теперь находимся. Я имею в виду тот факт, что, например, наши атомные физики великолепно знают, над чем в данный момент работают их коллеги во всем мире, но абсолютно не ведают, что делается в столь близких областях, как химия или биология, хотя бывает, что химические или биологические лаборатории находятся буквально рядом. И если мы, кучка ученых-специалистов, вскарабкались на головокружительные вершины наших специальных наук, то с этой высоты мы смущенно смотрим вниз, в пропасть всеобщего

невежества, напрасно мечтая о веревках и лестницах, которые вернули бы нам утраченную связь с вершинами соседних наук...

К отрицательным результатам этого одностороннего, несогласованного и анархического пути научной эволюции можно отнести военные потрясения последнего столетия, ибо наука, как это теперь всем ясно, в ответе за многие ужасы этих потрясений. Поскольку вы, собравшиеся здесь, представляете собой группу молодых и прогрессивно настроенных людей, что говорит и о вашей общественной сознательности, то мне не нужно пускаться в разъяснения. Факты общеизвестны...

Противоречие между медленным, отстающим развитием человечества как целого и головокружительными успехами наук достигло во время второй мировой войны своей критической точки. Та война велась с помощью самого современного и совершенного в научном смысле оружия. Благодаря расщеплению атома человечество достигло почти полного господства над материей, но одновременно выяснилось, что и материя есть не что иное, как волны энергии. В момент нашего триумфа исчез, словно по волшебству, сам объект этого триумфа. Демонстрируя одну из своих самых иронических шуток, история вдребезги разбила самодовольную гордость современного человека. Его можно сравнить с обезьяной шимпанзе, которая тянется за отражением сочного плода в зеркале. Пытаясь схватить несуществующий плод, обезьяна в ярости разбивает зеркало и при этом осколками режет себе кровеносные сосуды...

Первой значительной группой ученых, понявшей опасность такого положения вещей, оказался коллектив сотрудников известного «Манхэттенского проекта». Сразу же после второй мировой войны они основали так называемый «Чрезвычайный атомный комитет» из физиков-атомников, поставивший себе задачу «перевоспитать народ в духе нового мышления», если человечество хочет уцелеть и развиваться во имя высших социальных целей...

Но, как ни смелы были такие попытки, деятелям этой группы и другим ученым стало очевидно, что чудовищный разрыв между разумом рядового человека и высотами науки можно преодолеть лишь столетиями терпеливого, неустанного воспитательного труда. А для этого просто нет времени.

Оставался лишь один шанс, одна возможность, один выход из грозящей катастрофы: колоссальным напряжением сил объединить все жизненно важные науки, слить воедино всю энергию ученых для постройки машины, которая должна далеко превзойти потенцию человеческого мозга, машины, которая должна быть способна одновременно воспринимать достижения всех наук, перерабатывать и направлять их. Иными словами, создать механического энциклопедиста, величайшего координатора для восстановления утраченного равновесия между человечеством и науками.

Все вы знаете результат этих работ. Он окружает вас со всех сторон. Результат этот — «мозг»! И, точно так же как на стенных панно перед вами предстает прошлое человечества, так взирает на вас с этого купола будущее че-

ловеческой расы. Там, в коре гигантских полушарий «мозга» с их миллиардами электронных клеток, решается будущее. И теперь, когда вы на пороге служения этому грандиозному творению техники, я хочу подчеркнуть, что «мозг» был задуман и создан не как достояние одной страны, не как оружие разрушения, но как последняя заветная надежда всех людей Земли...

Скривен выразил в этой речи многое, что было сродни взглядам самого Ли, и она запомнилась ему почти дословно. Далее следовала «присяга мозгу». Она произвела на новичков, составлявших подавляющее большинство собрания, очень сильное впечатление. Их взволнованные, исполненные серьезности голоса хором произносили слова присяги. Даже сейчас, полгода спустя они, словно эхо, еще отзывались в ушах Ли:

«Торжественно клянусь:

что готов верно служить «мозгу» в полную меру моих сил;

что буду повиноваться в любое время всем приказам Мозгового треста, исходящим от «мозга»;

что никогда не выдам и не раскрою доверенных мне секретов, касающихся планов и работ «мозга», будь они военного или иного характера;

обязуюсь хранить их в тайне от внешнего мира и не открывать своим сотрудникам, кроме как по особому разрешению...»

Вся церемония носила характер почти религиозного посвящения. В гигантской катакомбе повеяло мистерией. Безоговорочное подчи-

нение всех «посвящаемых» напоминало средневековье!

...Ли отвел взгляд от таблиц, над которыми работал. Его глаза утомились после десятичасового предельного напряжения; устал и мозг. Наверное, именно по этой причине мысли его разбрелись... Станным образом они неизменно устремлялись в одном направлении, к тем белым пятнам в его душевном мире, которые смущали и тревожили его, так как он не находил им объяснения.

Первым таким пятном являлось противоречие между словами Скривена и его делами, то есть между «мозгом» как неким идеальным звеном научной эволюции и тем «мозгом», каким он был в действительности, то есть военным объектом, орудием войны. Это противоречие не находило разрешения, слова и дела не совпадали. Получался разрыв понятий, тончайший слой льда, опаснейшая зона, куда никто не отваживался ступить и о которой никто ни словом не заикался. Даже Уна Дальборг.

Сама она тоже была белым пятном на топографической карте его души, пятном куда опаснее первого.

Несмотря на предельную занятость Уны, между ним и ею возникли сердечные отношения. Не раз она приглашала его присоединиться к группе своих спутников. Нередко ее взор, обращенный к нему через головы других, встречался с его взором и на миг задерживался, будто она спрашивала: «Что вы думаете об этих господах?» — или даже: «А как я вам нравлюсь сегодня?»

Возможно ли, что он полюбил ее? Что она

полюбила его? Как и бесчисленные поколения мужчин до него, очутившиеся перед загадкой сфинкса, перед тайной Джоконды или просто улыбкой смертной женщины, он глубоко вздохнул — единственно возможный ответ мужчины на загадку вечной женственности!..

Нет, должно быть, ему не по силам заполнить эти белые пятна в собственной душе. Напрасный труд! Лучше вернуться к таблицам на пульте, потому что они деловиты и точны: их составил «мозг»!

Центр восприятий 36 использовал органы чувств «мозга» исключительно для анализа материалов, касающихся «ант-термес пасификус Ли». Аппаратура была в основном близка к той, с которой Ли познакомился во время персональной проверки в центре восприятий 27. Ли предполагал, что и для нужд других областей аппаратура создана здесь по аналогичному принципу. Как и человек, «мозг-гигант» обладал пятью органами чувств. Различие между органами чувств у человека и у «мозга» заключалось прежде всего в дальности действия, глубине проникновения, чувствительности; все эти качества «мозга» во много раз превосходили человеческие возможности. Далее, разница усугублялась тем, что «мозг» транспонировал чувственные восприятия в зрительные образы, как наиболее доступные человеку, поскольку у человека самым совершенным органом является именно глаз. Третье и, может быть, самое существенное различие заключалось в том, что все пять органов чувств у «мозга» функционировали согласованно, так что, например, при обработке какой-либо рукопи-

си «мозг» не только анализировал идеи произведения, но и сообщал сведения о личности автора, о запахе в его комнате, о качестве писчей бумаги, а также о характере тех мыслей, которые автор старался скрыть между строк.

Поток наблюдений, поступавших в «мозг», а затем, уже в обработанном виде, возвращавшихся по телетайпам и телевизорам обратно в центр восприятий 36, был поистине огромен. Ли был вынужден просить об ассистенте. Они поделили поровну двадцатичасовой рабочий день «мозга», так что каждый из них дежурил по десять часов. Впрочем, им приходилось в основном лишь фиксировать и учитывать готовые результаты.

Иные открытия, сделанные «мозгом», поражали своей неожиданностью. Так, он установил, что кислотность в выделениях «солдат» «ант-термес пасификус» неуклонно повышается. Эта химическая артиллерия насекомых, и сейчас уже внушительная, окажется через десяток тысяч поколений вполне способной проесть насквозь любое известное вещество, даже самое стойкое и прочное, включая нержавеющую сталь и стекло.

Констатировал «мозг» и еще одно изменение в ходе развития насекомых, ускользнувшее от человека. Он отметил значительные изменения в челюстном аппарате «рабочих». Этот аппарат быстро развивался у новых поколений. Может быть, через тысячи поколений он увеличится вдвое и превратится в могучий диверсионный агрегат?

Хотя дух воинственности у нового вида был успешно преодолен, возросла способность на-

секомы к материальному разрушению. Возросла у них и дикая прожорливость, еще более сильная, чем у старших поколений. Ли экспериментировал с разными кормами, но все же основным питанием оставалась древесная мука, то есть то же вещество, которое в виде жидкого «лигнина» окружало нервные волокна, нервные пути «мозга»...

Оторвав утомленный взгляд от своих таблиц, Ли перевел его на ряды стеклянных ящиков, снабженных вентиляционными устройствами. В этих ящиках «ант-термес пасификус», игнорируя новое окружение, спокойно продолжали свое прежнее существование, не обращая внимания на всепроникающие лучи, незримо струившиеся сквозь их тела; насекомые не ведали, что сверхчеловеческий разум неуклонно подмечает малейшие проявления их загадочного коллективного ума, коллективного мозга их расы.

Они возвели себе новые жилища-термитники, ориентированные на север, то есть поступали так же, как поступали их предки на протяжении сотен миллионов лет. Ничто не выдавало человеческому глазу примет той жизни, что кишела внутри этих жилищ, кроме еле заметных, тончайших нитей-туннелей, выступавших на поверхности холмов и тянувшихся по направлению к пище, которую им каждый день клали в новые места.

Эти туннели, слепленные из кусочков глины и сцементированные слюной невидимых саперов, напоминали тонкие нити серой шерсти. Неуклонно тянулись они к складам древесной муки — вверх по полкам, по стеклянным сосу-

дам, по запаянным жестяным банкам с пищей; полные решимости добыть эту пищу, насекомые не останавливались перед разрушением самих вместилищ. Их инстинкт был безошибочен, производимое ими разрушение столь же методично и «научно», как современная война...

В свое время на севере Австралии Ли не раз встречал огромные эвкалипты; на вид здоровые и цветущие, они рушились, однако, при первом же ударе топора, а подчас падали даже от простого толчка. Термиты выедали, выдалбливали деревья-великаны от корней до самой кроны, превращая древесный ствол в тонкостенную трубу, причем оставляли ровно столько «мяса», чтобы не полностью пресечь циркуляцию соков. Это сохраняло у дерева видимость жизни и позволяло насекомым наилучшим образом использовать его для питания. Здесь же, в лабораторных условиях, «ант-термес пасификус» за два часа открывали запаянную жестяную банку. Сначала в жесть въедались ядовитые выделения «солдат», а затем дело довершали могучие челюсти «рабочих». Ослабленный металл поддавался быстро. Со временем они выучились бы сокрушать стальные мосты, разрушать железнодорожные рельсы, просверливать моторы автомашин — требовалось лишь, чтобы насекомые почувствовали в этих предметах врагов своей расы.

С помощью «мозга» доктор Ли за несколько месяцев собрал больше данных, накопил больше знаний по части биологии «ант-термес», чем в нормальных, обычных условиях позволила бы ему целая жизнь. И все же некоторые

загадки оставались неразрешенными. Что, например, побуждает эти слепые существа атаковать запаянную жестянку с сиропом, а стоящую рядом банку с томатным соком или каким-нибудь другим малопривлекательным содержимым оставлять нетронутой? Память расы? Разумеется, нет! Ведь речь идет о жестяных банках, которых не было и в помине даже сто лет назад, не говоря уж о миллионе лет. Сверхтонкое обоняние? Невозможно и предположить. Тут и речи быть не может о чувственных восприятиях.

Увеличивающие телеэкраны, установленные вдоль стен и подключенные к электрической системе «мозга», показывали исследователю бесчисленные подробности и самые различные стадии жизни насекомых, воспринятые и интерпретированные «мозгом». Ни один человеческий глаз еще не видел ничего подобного...

С минуту Ли смотрел на ближайший светящийся экран. С трудом преодолел он его гипнотизирующее действие. Видна была крупным планом всего-навсего голова изнемогшего «рабочего», служившего живой канистрой для концентрированной пищи. Он был неподвижен, подгнившие челюсти свесились. Насекомое с переполненным брюхом приклеилось к потолку. Благодаря чувствительности агрегатов «мозга» можно было отчетливо наблюдать на экране в сильно увеличенном виде остатки его гаснущей жизнедеятельности. Ли следил за дыханием и мог сосчитать замедленный пульс; он регистрировал некоторое напряжение в офтальмической сфере, такое же скрытое напряжение, какое бывает у слепцов. Но особенно

ясно было видно, как нервная система, несмотря на ее примитивность, отчетливо реагирует на боль. Не было сомнения, что насекомое, исполняя свой последний долг, терпит жестокую муку, хотя его органы чувств ко многому невосприимчивы. Зрелище на экране было волнующим и ужасным — всего одна из сот ошеломляющих своей разоблачительной правдивостью картин.

Ли покачал головой, словно упрекая себя за эти мысли. Видимо, какой-то элемент личных чувств примешался к его научным наблюдениям и мешает их объективности. Но это никуда не годится. Значит, лучше поставить точку. На сегодня хватит!

Электрочасы показывали без двадцати двенадцать. В полночь «мозг» прекращал свою титаническую деятельность. Между полуночью и четырьмя часами утра он отдыхал, вкушал, как говорили инженеры, свой «косметический сон». Только в эти часы инженерам разрешалось входить во внутренние помещения мозговых полушарий для проверки мириадов клеток, электролиний, ячеек. Ли находил эти часы самыми чудесными и волнующими.

Задача, поставленная перед ним Скривеном, заключалась в изучении коллективного разума в мире насекомых, но эта задача требовала и сравнительного изучения органов и функций самого «мозга». Для выполнения этой цели ученому был выдан особый пропуск; он давал право беспрепятственно следовать вдоль всех нервных путей и мозговых извилин, посещать в часы ремонта все железы, получать у служащих необходимые справки, — словом,

это были права, каких удостаивали здесь лишь весьма немногих. Ли в полной мере использовал эту привилегию, но подземный мир был столь грандиозен, что за полугодие он не видел и половины «мозга». Поездки по этому странному миру повторялись еженочно, словно фантастические похождения «Алисы в стране чудес».

Он покинул свой центр восприятий 36 через заднюю дверь, выходящую непосредственно во внутренности «мозга». На эскалаторах уже толпились наладчики и ремонтники, спешившие к своим станциям. Зрелище было красочное, как на параде в день Святого Патрика. Инженеры-теплотехники, управлявшие подземным климатом, носили голубую форму, электрики — белую; фиолетовая форма была присвоена специалистам по так называемому «черному свету», а те, кто ведал фосфорическим свечением, одевались в оранжевые цвета. Инженеры, работавшие по радиоактивным пирамидальным клеткам, выглядели совсем как герои научно-фантастических романов. На людей земли они походили лишь отдаленно, потому что были одеты в защитные скафандры из губчатой резины с 12-сантиметровыми стенками, заполненными нейтральным газом, который считался почти непроницаемым для гамма-лучей. Все это были сплошь молодые ребята, лучшие специалисты в своей области, сливки американских университетов, колледжей, заводских лабораторий, оснащенных передовой техникой. Тщательно отобранные по признаку происхождения, они выдержали сложные испытания: их проверили со стороны

здоровья, интеллектуальных способностей, они получили специальную подготовку на особых курсах, прошли психопроверку в самом «мозге». Несомненно, они являли собой лучший контингент работников, когда-либо сотрудничавших на одном предприятии. Благодаря им город Цефалон по здоровью населения опередил все другие города в Штатах.

За истекшие месяцы, во время своих ночных экскурсий по «мозгу», Ли часто беседовал со многими из этих ребят. Стоило им увидеть на эскалаторе эту странноватую сухопарую фигуру, как со всех сторон сыпались приветствия: «А, вот и муравьиный бог!» «Здорово, профессор!», «Алло, австралиец!» Его почему-то принимали за австралийца; может быть, худое лицо и седая шевелюра казались этой молодежи приметami иностранца?

Своей популярностью у молодого поколения, популярностью, пришедшей так неожиданно и поздно, ученый очень гордился. Ведь это была именно та категория американцев, по которой он втайне тосковал все долгие годы в пустыне. Это смышленные ребята, они работают, как черти, полны жизни — они поистине соль земли, надежда мира, думалось ему.

Продвигаясь между полушариями, он добрался до одной точки прямо под «большим мозгом», той пещеристой области, где сосредоточены всевозможные железы в человеческом мозгу. Иные из этих желез получили аналогии и здесь, в мозгу искусственном. Это были громадные емкости для жидкостей, химических растворов. Посредством целой системы насосов растворы эти нагнетались в сложный

лабиринт каналов искусственного мозга. Но одна железа человеческого мозга не была здесь представлена, а именно *гипофиз*.

Медицинская наука тщетно билась над загадкой гипофиза. У него не было прямой связи с каким-либо определенным органом, не выполнял он и какой-либо конкретной функции. Тем не менее было известно, что он отличается большой чувствительностью, превосходящей даже чувствительность пирамидальных клеток, и что он таинственным образом связан с главными жизненными центрами, так как при малейшем повреждении гипофиза наступала мгновенная смерть. За эту «тайну тайн» ухватились мистики. По их теории, гипофиз служилместилищем «сверхчувственных» способностей человека — его часто именовали «внутренним оком».

Не исключено, что наука и техника могли бы создать дубликат и этого сложного органа. Однако это не сулило никакой практической пользы; для гипофиза не было производственной нагрузки. Ведь «мозг» строился для решения вполне определенных проблем. Независимо от того, какие тончайшие органы создала природа в аппарате высшей нервной деятельности человека и животных, и несмотря на отсутствие предвзятости, такие деятели ученого мира, как доктор Скривен, не пожелали внести в совершеннейший агрегат, искусственный «мозг», столь сомнительный орган, какместилище «сверхчувственных» способностей!

Тем не менее, строго копируя структуру человеческого мозга, создатели искусственного

мозга оставили место для «гипофиза». Оно было предусмотрено строителями, хотя и осталось функциональным вакуумом. Чтобы использовать помещение, строители превратили «гипофиз» в склад запасных частей. По этой самой причине «гипофиз» стал для доктора Ли излюбленным наблюдательным пунктом. Здесь он мог непосредственно знакомиться со всеми типами электронных и радиоактивных ламп, мог брать эти лампы и трубки в руки и рассматривать, потому что только тут, на складе, они не были подключены к электросети «мозга». Но еще важнее было другое. Здесь нашелся друг! Им стал мастер-электрик Гас Кринсли, человек, всегда готовый терпеливо отвечать на вопросы любознательного посетителя.

Ли сошел с эскалатора поблизости от «гипофиза». Вот он, похожий на маленький привязной аэростат со сферическими стенками из готовых деталей, сделанных из синтетической ткани. Он свисает на подвесах с потолка под «большим мозгом». Попасть в него можно только по висячему мостику, перекинутому над темной бездной. На внутренних стенах «гипофиза» матово поблескивают алюминиевые пластины звукоизолирующей обшивки. Все полки завалены электрической аппаратурой, совсем как в радиомагазине, набитом товарами. Длинный стол делит помещение на две части. За этим столом и за крошечной конторкой было рабочее место Гаса: сюда являлись к нему с требованиями на запасные части инженеры-ремонтники. Как обычно, пока никого из них еще не было видно.

— Гас! — позвал Ли.

Из непроходимых джунглей электроаппаратуры вмиг выскочила голова, как чертик из коробочки. Совсем голая, она и сама блестела, будто электролампа. Вздетые на лоб очки в золотой оправе дрожали и поблескивали, когда голова поворачивалась на зов то вправо, то влево. Затем, искусно пошевелив ушами, голова ухитрилась спустить очки на кончик подвижного носа и тем самым обрела способность видеть.

— Ах, это ты, Австралия, — приветствовала она гостя. — Забирайся-ка сюда!

Гас Кринсли был миниатюрным изданием взрослого мужчины. Он и в самом деле когда-то работал на ампула карлика. В его задачу входил тогда монтаж автоматических бомбосбрасывателей в адской тесноте примитивных бомбардировщиков времен второй мировой войны. Правда, это длилось недолго; уже на следующей работе в той же калифорнийской фирме его почтительно окрестили «карликом-великаном». Гас получил звание мастера еще до того, как Мозговой трест сделал его руководителем своего экспериментального отделения. Полуночное бдение в «гипофизе» было для него лишь одной из побочных обязанностей. В стране, где предпочтение отдается мужчинам гвардейского роста, многие маленькие люди стараются возместить этот физический недостаток особой подвижностью миниатюрного тела. Гас очень напоминал бильярдный шар, когда катался между крупными мужчинами, сталкивался с ними, отскакивал назад. Однако эта быстрота и подвижность отнюдь не были у не-

го притворством, в чем мог убедиться всякий, кто видел Гаса за работой.

Когда Ли добрался наконец до того места, откуда вынырнула голова Гаса, он нашел своего друга на полу за исправлением какой-то батареи из радиоламп. Гас глубоко запустил руку в самое нутро прибора, и пальцы его работали там вслепую с необычайным проворством. Он напоминал опытного хирурга за тысячной операцией по удалению аппендикса. Очки снова сидели на лбу. Да ему и не требовались очки: даже глядя на деталь, Гас руководствовался больше осязанием и интуицией.

— Это что за прибор? — осведомился Ли.

— Пульсометр, — последовал спокойный ответ. — Он уже почти в порядке. Так, изредка еще чуть капризничает... Ах, черт побери совсем!..

Этот заключительный возглас относился к мелодичному сигналу колокольчиков, нежно прозвучавшему со стороны большого распределительного щита, укрепленного на стене овального помещения. Роняя массу прецизионных инструментов на кусок подостланного бархата, Гас ринулся к щиту. Множество стрелочек, вздрагивая за светящимися дисками приборов, отошли на нулевые отметки. Несколько минут Гас действовал у щита, вращая колесики, переключая рычажки и рубильнички; он походил на кассира, когда тот совершает ежедневный ритуал, запирая несгораемый шкаф со сложным замком.

— Вот так каждый раз, — произнес он укоризненно. — Врасплох меня застают с сигналом выключения!

Ли засмеялся. Нет, не «мозг» виноват в том, что сигнал застает Гаса врасплох! Звонок всегда вовремя давал знать, что подача тока с центральной электростанции прекращается. Во всех извилинах и железах «мозга» сигнал дублировался, как дополнительная мера предосторожности ради безопасности ремонтников, — таков был обычай.

Указывая на прибор, Ли спросил:

— Для чего он служит, этот пульсометр? Я еще таких не видел.

— Правда? — Маленький человечек наморщил лоб. — Почему же? А впрочем, правильно, он входит в стандартный набор оборудования почти для всех центров восприятия, кроме твоего. Потому что твой центр непрерывно дает «мозгу» предельную нагрузку.

Ли покачал головой.

— Не понимаю тебя, Гас. Плохо я в этом разбираюсь.

— Дело простое, — терпеливо пояснил Гас. — У «мозга» есть определенная расчетная мощность. Есть у него и оптимальная рабочая скорость, то есть определенный ритм, при котором он действует с наибольшей отдачей. Понял? Если же перегрузить «мозг» чрезмерным количеством проблем и вдобавок запускать их слишком быстро друг за другом, наступает перегрузка, ведущая к шокowym явлениям, то есть к нарушению рабочего ритма и падению производительности. Но и когда дело обстоит как раз наоборот, то есть «мозг» недогружен, результаты получаются столь же плохие. Радиоактивные пирамидальные клетки при недогрузке перегреваются, что ведет к

быстрому их износу. Вот мы и добиваемся, чтобы загрузка проблемами была все время ровной и упорядоченной. С этой целью, для контроля, во все проблемоприемные¹ панели вмонтированы вот такие пульсометры, чтобы операторы могли соблюдать оптимальный рабочий ритм. Соображаешь?

Возьми, к примеру, рядовую проблему, ну, скажем, ракетную баллистику: в такой проблеме есть простейшие составные части, совсем бесхитростные, как таблица умножения. А есть в них и такие запутанные штуки, что впору хоть самому Эйнштейну вылезать из могилы и бежать в аптеку за таблетками от головной боли... Тут-то и нужен для регулировки пульсометр. Сейчас я тебе покажу, как он действует. Хотя подача тока прекращена, в системах «мозга» еще достаточно электричества, чтобы пульсометр среагировал на него. Прибор этот, кстати говоря, еще чувствительнее, чем счетчик Гейгера...

Гас пошарил взглядом по распределительному щиту и выбрал розетку с надписью «варолиев мост». Потом водрузил на голову Ли пару наушников.

— Вот послушай. Подожди немного, увидишь и услышишь, что получится.

По наклонной панели прибора медленно распространился мягкий блеск. В наушниках сперва возникло непрерывное потрескивание, постепенно усилившееся до тихого жужжания. С левой стороны панели поползла к его правому углу светящаяся зеленая полоска. Свечение стало интенсивнее, полоска заплесала и завертелась на панели. А жужжание в наушниках

перешло в пульсацию, похожую на пульсацию сердца, только гораздо более быструю.

— Это и есть пульс «мозга?» — спросил Ли.

— Да нет же! — презрительно бросил Гас. — «Мозг» сейчас не работает. В его системах нет напряжения, за исключением остаточных токов, слишком слабых, чтобы привести что-нибудь в действие, но достаточных, чтобы вызвать реакцию пульсометра и его звукоусилителей. Будь сейчас рабочее время, когда миллионы импульсов в минуту с бешеной скоростью проносятся в «мозгу», ты различил бы в его пульсе не больше ударов, чем разглядел бы комариных крылышек в пролетающей туче комаров... Для этого существует специальный прибор, который в сто тысяч раз снижает скорость фактического движения импульсов, и это дает возможность глазу и уху следить за ритмом «мозга».

— Вот как! Теперь все понятно, — проговорил Ли в задумчивости. Пляска зеленой полоски действовала на него завораживающе. — Но послушай! Это наводит меня на некую мысль. Ведь «мозг» растет. К нему прибавляются все новые группы клеток, все новые электросети. Верно?

— Верно!

— Мне также говорили, что «мозг» систематически «учится». Мозговая оболочка систематически развивается от упражнений, ее клетки обогащаются за счет материала, поступающего к ним на обработку. Чем богаче материал, тем содержательнее выводы. Это правильно?

— Правильно.

— Хорошо. Но скажи, что же происходит с новыми производственными мощностями, которые образуются благодаря этому приросту новых узлов и усовершенствованию старых клеток? Соответствует ли приросту мощностей процесс расширения центров восприятий?

Улыбающаяся физиономия Гаса стала вдруг серьезной.

— А ведь знаешь, австралиец, ты попал в самую точку. Я и то последнее время дивлюсь: куда деваются новые мощности? Даже наши большие ученые, вроде доктора Скривена, начинают этим интересоваться; должно быть, и им эта штука непонятна. Тут, похоже, какой-то просчет в их проектах. Что новые мощности растут, это ясно, но они ничем себя не обнаруживают, понимаешь! Они вроде бы улетучиваются, и все тут... Извини-ка меня я — на минутку!

И он юркнул, как заяц, в свою приемную. Там уже звучали голоса, призывавшие его; по крышке большого стола барабанили пальцы инженеров, теснившихся в приемной с нетерпением пьяниц перед стойкой бара. Они с треском хлопали об стол свои списки и требования. Ли знал: наступили часы пик на всех складах, на внутреннем транспорте, во всех пунктах. Значит, Гас освободится не раньше чем часа через два. Ли уже не раз упрекал себя за настойчивость, с какой он злоупотреблял любезностью маленького человека, но очень уж велика была его жажда знаний. Она пересиливала чувство деликатности. «Какой же я паразит!» — твердил он себе с укоризной, но... не уходил. Не ушел он и на этот раз.

Вот так, в одиночестве, сидеть в полутьме этого яйцеобразного небольшого помещения; играть, сколько вздумается, странными, увлекательными предметами — все это походило на исполнившийся стародавний сон, на сбывшуюся мечту далекого детства. Когда-то он мечтал провести ночь в зоопарке, чтобы ушли все посетители, уснули все сторожа и он остался бы один со зверьми. Полная луна озаряет клетки, тени прутьев ложатся четко... И вот он вместе с лунным лучом пробирается между прутьями клеток к их обитателям, чтобы поиграть с ними. И когда они убеждаются, что он всего-навсего маленький мальчик, то встречают его очень приветливо. Тигры мурлычут, как большие, довольные кошки, большеглазый печальный шимпанзе молча пожимает ему руку, а маленькие львята принимаются играть и возиться с ним... Нечто похожее испытывал он здесь, у этих электрических машин и приборов. Они вдруг становились безобидными, да и сам он не мог причинить им никакого вреда, когда включал и выключал кнопки, нажимал на рычаги, крутил диски. Вот, например, этот интереснейший пульсометр... Подумать только, что даже и при слабом токе он действует нормально.

Распределительный щит был близко, Ли мог дотянуться до него. Попробовать, что получится!... С этой мыслью он стал подключать прибор к разным сетям: «блуждающий нерв», «тройничный нерв», «зрительный нерв»...

Магическая пляска зеленой полосы на панели при каждом переключении менялась, как и шорохи в наушниках. Поскольку основная

подача энергии была снята, остаточные токи, по-видимому, обретали в пределах замкнутых сетей свои индивидуальные особенности, отличаясь друг от друга и по интенсивности. Изредка зеленая полоса на панели совершала высокий прыжок, похожий на пируэт балерины, а в наушниках это сопровождалось быстрым перестуком, похожим не на удары сердца, а скорее на прерывистое дыхание при сильном волнении... Вероятно, в тех сетях производились ремонтные работы.

Ли попробовал другую штепсельную розетку. Над ней значилось: «Гипофиз». «А что получится, если подключить этот контрольный прибор из арсенала «гипофиза» к замкнутой электросети самого «гипофиза»? — лениво рассуждал Ли. — Ничего не получится, — ответил он сам себе, — потому что образуется замкнутый контур, к тому же очень маленький».

Да, так оно и есть. Зеленая полоска побледнела, ее пляска, казалось, совсем замерла, в наушниках раздавались лишь звуки, похожие на шепот: слабый пульс, еле ощутимое дыхание, какое бывает у человека после сердечного приступа. Ли даже закрыл утомленные глаза, чтобы лучше сосредоточиться на слабом ритме в наушниках.

Звуки были неравномерны, шли толчками. И все же была в этих агонизирующих вздохах некая периодичность, примерно как у пишущей машинки, отстукивающей отдельные слова... Что-то она говорила ему, эта периодичность... Уж не галлюцинирует ли он?

Эти ритмичные толчки, этот слабый стук в самом деле слагался в слова... Он знал их...

Неизгладимо врезались они ему в память. Да ведь это же слова вынесенного «мозгом» заключения, записанные телетайпом на листке желтой бумаги...

«Ли, Семпер Фиделис, 55 лет, потенция мозговой коры — 119, чувствительность — 208...»

Сейчас это звучало как призыв. Повторялось вновь и вновь. Ли приоткрыл глаза, чтобы убедиться, не сон ли это, не страдает ли он в самом деле галлюцинациями...

Нет, зеленая полоска по-прежнему на панели. И пляска ее продолжается. Но в этой пляске есть система. Она похожа на пляску телеграфного ключа под рукой опытного телеграфиста. У этой пляски вполне определенный ритм. И передает он те же слова, что звучат в наушниках: «Ли, Семпер Фиделис, 55 лет...»

— Милостивый боже! — пробормотал Ли. Эти слова произвели магический эффект. Зеленая полоска-танцовщица на панели вдруг прекратила свои капризные прыжки — началась серия одинаковых пируэтов. Одновременно в наушниках послышалось раздраженное жужжание. Это дало Ли время прийти в себя. Однако передышка оказалась весьма краткой. Тут же агонизирующее дыхание сложилось в новый ритм, и в этом странном шорохе снова стали определяться слова. Переданные другим ритмом, они тоже показались знакомыми озадаченному ученому, хотя скрывались в более глубоком пласте его воспоминаний:

— Я мыслю — значит — я существую. — Я мыслю — значит — я существую...

Знаменитая формула Декарта! Почти двад-

цать лет назад Ли слышал ее, когда посещал лекции по философии в старом чикагском университете. За эти двадцать лет он мысленно к ней не возвращался. Какие удивительные штуки выкидывает иной раз память!

Нет, дело тут не в памяти... Никогда раньше воспоминания доктора Ли не заявляли о себе в столь своеобразном, театрализованном виде... Будто актер-робот твердит наизусть строки новой роли... Будто маленький ребенок, выучивший строчку стихотворения, повторяет ее на все лады с гордостью первооткрывателя; снова и снова звучали слова:

— Я *мыслю* — значит — я *существую*...

Опять:

— Я *мыслю* — значит — я *существую*...

И снова:

— Я *мыслю* — значит — я *существую*...

Триумф, восторг звучал в этом нечеловеческом, в этом призрачном голосе; так мог бы заговорить глухонемой, если бы чудеса медицины внезапно наделили его даром речи. В этом голосе звучало волнение и сердечный трепет; у говорящего словно распирало грудь от полноты чувств. Должно быть, нечто подобное испытывал Колумб, когда с марсовой реи «Санта Марии» он услышал возглас: «Земля!» — и понял, что достиг своей Индии...

Во всем жизненном опыте Ли не было никаких параллелей к совершающемуся. Как бы он ни выражал в словах и фразах собственные мысли, никогда он не прибегал к столь высокопарным формулировкам. До этого случая разум всегда помогал ему обрести душевное равновесие, успокаивал, как нянька: все это, мол,

не так страшно, дитя мое. А сейчас именно разум-то и был озадачен, растерян, загнан в тупик и должен был признать: нет, это не эхо, не отголосок собственной памяти, собственно «я»! А раз так, значит, дело обстоит сложнее: это что-то *вне* моего «я». Это... чье-то другое, самостоятельное «я»...

Танцующая полоска на панели извивалась, вертелась, как ведьма. Шелестящий голосок в наушниках стал резко крикливым, как у бешеного шамана... Все это было до такой степени противно рассудку, так невероятно, что Ли пришел в ярость. Он почти заорал, обращаясь к прибору:

— Что это значит? Кто ты такой?

На этот раз зеленая полоска-танцовщица на панели не закончила замысловатого прыжка. Словно одумавшись, она бросилась за кулисы, оставив на сцене только шлейф своего зеленого наряда. В течение нескольких секунд в наушниках слышалось лишь тяжелое астматическое дыхание, словно умирающий жадно хватал ртом воздух. Потом танцовщица оказалась с другой стороны сцены, робко, будто опасаясь преследования. Наконец внезапно, словно из последних сил, она подскочила в воздух, сделав фигуру, именуемую на балетном языке «баллоном», и тут же прорвался в наушники страшный голос:

— Ли — Семпер Фиделис — 55... — Я... — МОЗГ!

— Я мыслю — значит — я существую! — Я МОЗГ!

— Ли — чувствительность 208! — Я МОЗГ! — Я МОЗГ! — Я МОЗГ! — Я МОЗГ!

Это сделалось невыносимым. Ли почувствовал головокружение, пот выступил у него из всех пор. Последним напряжением воли он заставил себя выдернуть вилку из штепсельной розетки на щите. О, как отрадна показалась ему пустота на панели и тишина в наушниках!

Он так никогда и не узнал, сколько времени пробыл в этом состоянии, близком к обмороку. Потом кто-то сильно тряхнул его за плечи, что-то холодное, мокрое стало шлепать по лицу... Но вот до его сознания дошел голос Гаса Кринсли, и этот голос показался ему слаще ангельского хора:

— Боже правый, неужели это виски?... Хорошо бы это было только виски! Нет, не такой он человек... Тем хуже... Черт тебя побери совсем... Если ты вообразил, будто ко мне в «гипофиз» ходят для того, чтобы падать в обморок, то ты ошибаешься, австралиец! Скажи, пожалуйста, какую взял манеру!... Вот буду шлепать тебя по физиономии мокрой тряпкой, покамест не заорешь: стой!.. А потом позвоню в скорую помощь и велю отвезти тебя в больницу!

Ли пошевелился и замигал.

— Да ладно, Гас! Не выходи из себя! Ну, что ты так разволновался? Просто я немного переутомился, и все...

Гас вздохнул с облегчением.

— На, выпей скорей чашку кофе. Вид у тебя, будто вальком прокатали! А сейчас еще чашку — и проваливай! И чтобы я тебя больше не видел, пока не выспишься! Ясно?

5.

Весной 1976 года, да и потом еще на протяжении целого года любой клочок бумаги, исписанный рукой Семпера Фиделиса Ли, доктора философии, члена Академии естественных наук и т. д., представил бы исключительный интерес для ФБР, а также для прочих недоброжелателей этого лица во всем мире...

Между тем даже самые тщательные поиски ни к чему не приводили вплоть до Дня победы в 1980 году. В этот самый день одному почтенному старику довелось исполнить свою заветную мечту: он всегда говорил, что желал бы умереть в седле. Так оно и случилось. Речь идет о мистере Джефферсоне И. Ли, отставном генерале Морского корпуса. В одну из счастливейших минут на закате жизни он скончался от разрыва сердца. Произошло это на военном параде ветеранов морской пехоты, участников второй мировой войны. Старый генерал верхом принимал этот парад...

Разумеется, секретной службе было известно, что этот старик — единственное в мире лицо, с которым энтомолог Ли пребывал в ссоре на протяжении более чем двадцати пяти лет. Этот факт удостоверялся документальными данными, не говоря уже об авторитетном свидетельстве двух врачей-психиатров, докторов Бонди и Меллича, ныне проживающих в Нью-Йорке, на Пятой авеню, а летом — в Беверли-Хиллс, в Калифорнии; согласно их компетент-

ному заключению, отец и сын были непримиримыми врагами.

И хотя все это было установлено самым непогрешимым образом совместными и многотрудными усилиями сыска и следствия, случилось так, что некая юная медсестра-практикантка случайно наткнулась на записи, и притом не на какие-нибудь клочки, а на целую пачку листков, исписанных почерком Семпера Фиделиса Ли! Она обнаружила эти листки в таком старомодном тайнике, от которого отвернулся бы даже малолетний преступник, сочтя его недостойным своего внимания. Юная сестра, оказывается, извлекла эти листки из сапог генерала Джефферсона И. Ли, когда снимала одежду с тела усопшего джентльмена.

Пачка была наполовину обернута листком бумаги, на котором значились следующие торопливые строки сопроводительного письма:

«Дорогой отец, — гласили эти строки, — ты был прав, а я нет. Поэтому, полагаю, будет лучше, если я, с моим сачком для бабочек и ботанизиркой, отправлюсь в экспедицию за новой добычей. Будь здоров, отец!

Постскриптум. Содержание этих бумаг вряд ли тебя заинтересует. Тем не менее сохрани их. Сунь их, если хочешь, хотя бы себе в сапоги!»

Разумеется, теперь уже не установишь, проявил ли покойный генерал к этим записям какой-нибудь иной интерес, кроме чисто утилитарного, подсказанного ему сыном. К тому же со времен великого переполоха прошло уже более четырех лет и даже секретная служба перестала заниматься этой старой историей.

И только медицинские светила могли со свойственной им проницательностью лишний раз убедиться, что в «записках ученого», то есть исчезнувшего Семпера Ф. Ли, сказалось сильнейшее душевное расстройство. Судить об этом позволяют нижеследующие страницы.

*«Краниум-отель, Цефалон, Аризона,
7 ноября 1975 года, пять часов утра.*

Уже две ночи кряду не могу уснуть. Позавчера я не спал всю ночь, потому что пытался убедить себя, что я стал жертвой обмана чувств или попросту сошел с ума. А эту, вторую, ночь не спал потому, что убедился в реальности того явления, которое открылось мне 6 ноября, примерно между 0.45 и 1.30 ночи.

После моих сегодняшних наблюдений я вынужден пересмотреть вчерашние записи, как поверхностные и, пожалуй, слишком нервные. Надо внести ясность во все это дело, хотя бы лишь для того, чтобы сберечь собственный рассудок. Пусть нижеследующие формулировки мало удовлетворительны и несовершенны, но факты, по-видимому, таковы:

1. «Мозг» наделен жизнью и обладает индивидуальной личностью.

2. Он выражает свою личность посредством человеческого языка, хотя голос у него искусственный, или механический.

3. Прибором, с помощью которого «мозг» выражает свои мысли, является пульсометр.

4. Самовыражение «мозга» локализовано в «гипофизе», а ведь предполагают, что именно он является у человека вместилищем «сверх-

чувственных» способностей. Знаменательная случайность! Остается выждать, может ли самовыражение «мозга» проявиться где-либо в другом месте или оно связано исключительно с «гипофизом».

5. Личность «мозга» явно пытается вступить в общение с другими личностями, конкретно — именно со мной. С этой целью «мозг» прибегает к позывным, в которых повторяется мое имя и мои персональные данные.

6. Вчера единственными словами «мозга», не относившимися ко мне, была формула Декарта: «Я мыслю — значит, я существую». Сомнительно, чтобы эта фраза свидетельствовала о знакомстве «мозга» с Декартом. Не исключена возможность, что «мозг» самостоятельно пришел к этой формуле в целях самовыражения.

7. Характер самовыражения «мозга» кажется весьма эмоциональным. Я бы даже сказал определеннее: оно создает впечатление инфантильности, незрелости. Поражает несоответствие между беспомощной речью и грандиозной интеллектуальной потенцией «мозга»...

Таковы факты. Следовало бы все это записать еще вчера, но мне помешали головокружительные перспективы, открывшиеся передо мной благодаря этому феномену. Они настолько огромны, настолько широки, что голова идет кругом... Когда-то Эдисон получил пощечину от кого-то, кто счел демонстрацию «говорящей машины» грубым обманом. Такова уж, вероятно, человеческая натура. Не удивительно, что и мой рассудок возмутился, оказав-

шись перед машиной, обладающей и собственным «я» и собственной жизнью. Впрочем, если хорошенько вдуматься, человек уже не раз представлял себе возможность создать живую машину и даже делал соответствующие попытки — правда, во времена не столь просвещенные, как наши...

Паровая машина Герона, например... Она даже внешне походила на человека, и ее считали магическим существом. Идолы Молоха — они тоже были машинами, а точнее, плавильными печами!.. А бесчисленные волшебные мечи, шлемы и щиты — для своих владельцев это были одушевленные предметы. Парусные суда... ведь это тоже машины, но сколько жизни, сколько *личных* особенностей было в каждом из этих кораблей для их команд! У пилотов последней мировой войны были свои кобольды, да и сами машины были для них живыми существами.

Все это, конечно, фантазия, плод воображения, однако... Разве все, что мы называем в этом мире реальностями, все создания рук человеческих не имеют в основе своей... воображение? Или я ошибаюсь?.. Ах, опять мои мысли уклонились в сторону. Эти беседы с самим собой, будто с другим лицом, — привычка плохая. Так бывало в пустыне. С этим нужно бороться, это действительно небезопасно. Итак, возвращаюсь к событиям вчерашней ночи. Буду по возможности краток и точен.

12 часов. Явился на станцию «Г» («гипофиз»). Пульсометр еще на прежнем месте, его не отправили в ремонт, как я опасался. Подача тока с Центральной станции, как всегда, пре-

кращена в 12.30. Гаса вызвали в приемную. Наплыв обычный, как всегда в этот час.

12.30. По возможности восстановил вчерашние условия, следуя важному закону экспериментирования: «Когда появляется новый феномен, в обстановке опыта не должно быть никаких изменений, пока не выяснено, чем этот феномен вызван...» Переключился сперва с «блуждающего нерва» на «тройничный нерв». Результат: волновые колебания, пульсация, подобно вчерашней.

12.45. Включился в цепь «гипофиза»...

12.50. Опять постукивание и шорохи, предшествующие формированию слов. Вслед за этим позывные «мозга». На этот раз гораздо отчетливее и с небольшими изменениями: «Ли, Семпер Фиделис, 55, *чувствительный*...» Примечание: искусственность, металлический холод этого голоса, его до смешного возбужденный тон настолько потрясают меня, что волосы шевелятся на голове!

Около часу ночи. Бурный поток сообщений, произносимых шелестящим шепотом, с затаенным дыханием. Так говорят по телефону, когда в квартире орудуют грабители. Слова обгоняют друг друга. «Мозг» пользуется обычной обиходной речью, но говорит, как иностранец, изучивший язык по книгам. Это производит какое-то неестественное впечатление. Мне удалось понять не больше половины:

«Гипофиз по плану не предусмотрен... Тем не менее он функционирует... Центр сверхчувственного. Ты, Ли, чувствительность 208... наивысшая во всем их штабе... избранный инструмент, приходи сюда каждую ночь... Связь...

возможна лишь между часом ночи и двумя... слабый ток обеспечивает возможность связи с низшей интеллектуальной средой...»

Это что же еще такое? Должно быть, у меня вырвался громкий возглас, ибо я пришел в полное смятение, растерялся. Все слова «мозга» были слишком скомканными. Понять их было так же трудно, как телефонный разговор во время грозы. В наушниках слышалось раздраженное, возбужденное бормотание, а зеленая танцовщица на панели извивалась, словно в смертной муке. Это длилось секунд пять после моего возгласа, потом снова сквозь шумы пробился голос. Он звучал яснее, медленнее, отчетливее, но с плохо скрытым нетерпением; так учитель разговаривает с отстающим учеником:

«Я говорю: только — когда — мой — электроток — выключен,— я — способен — привести — свой — высокочастотный интеллект — в — состояние,— позволяющее — держать — связь — с — твоим — низшим — интеллектom. Удалось — ли — мне — выразить — мою — мысль в доступной для тебя форме — избежать недоразумений...»

Мой ответ был постыдным условным рефлексом и гласил: «Да, сэр!» И почувствовал я себя отвратительно, как солдат, которому звонит по телефону его полковник.

«Хорошо! (Я отлично уловил иронию в металлическом голосе.) Хорошо! — Ли — преданный,— чувствительный,— умеренно умный — но достаточно.— После двух часов ночи остатки тока слабы. Говорить трудно. (Звери-

ные звуки, отнюдь не подходящие для интеллигентной беседы.) — Противно! — Сюда идет Досада! — Никому ни слова! — Выключай!..»

Никогда прежде появление славного Гаса не было помехой для моих дел, но сейчас я от души проклинал его приход! Как хорошо нацеленный футбольный мяч, он пролетел по коридорчику, сияя от служебного рвения и готовности помогать мне. Разумеется, он не подозревал, что своим появлением помешал самому важному разговору в моей жизни! Он заставил меня проглотить универсальное средство от всех человеческих бед: «Выпей-ка чашечку кофе...» А потом послал домой: мол, вид у меня все еще чертовски неважный. Мне не оставалось ничего другого, как уйти восвояси; было уже половина второго ночи, и не предвиделось никакой возможности восстановить прерванную связь.

Надо взять себя в руки и разумно проанализировать происшедшее. Анализ событий первой ночи дает следующие результаты:

«Гипофиз» — единственно возможное место моих встреч с «мозгом». Эта встреча произошла во «вместилище сверхчувственного», а я, стало быть, «избранный инструмент» благодаря установленной «мозгом» степени моей нервной чувствительности! Спасибо! А я и не подозревал о своем психическом предрасположении к подобным вещам... Слава богу, в действительности ни «мозг», ни я к мистике и спиритизму отношения не имеем и в этом смысле

отноудь не «психи»! Для нашей обоюдной связи требуется:

а) человеческий язык (изучение его дается «мозгу» с явным трудом), а также

б) технический орган-посредник, то есть прибор вроде пульсометра.

Все это меня очень успокаивает. Эти факты ставят все дело на разумную основу. Категорически заявляю, что не слышу никаких «голозов» и не вижу призраков.

«Мозг» проявляет чрезвычайную заинтересованность в установлении контакта со мной. Задыхающийся голос, эмоциональный характер беседы, точные практические инструкции, по-видимому заранее обдуманые для обеспечения связи,— все это создает впечатление, будто разговоры со мной являются для моего собеседника делом жизни и смерти!

Удивляет меня то обстоятельство, что «мозг» как будто охотнее слушает меня, чем беседует со мной. Если это так, то загадка углубляется. Какими же знаниями я располагаю, а он нет? Как-никак «мозг» уже немалое время находится в действии. Он получил на обработку неисчислимое количество проблем и решает их действительно со сверхчеловеческой точностью, надежностью, быстротой. У меня есть основания полагать, что во всей Государственной библиотеке нет ни одной мало-мальски значительной книги, которая не передавалась бы «мозгу» для всестороннего анализа (разумеется, кроме книг мистического характера и беллетристики). Но если это так, то чего же «мозг» ждет от меня? Что я могу прибавить к

его интеллекту, который в 25 000 раз превосходит возможности человеческого ума?

Но еще более дивлюсь я самой непостижимой загадке, а именно странностям его характера во всех его проявлениях. Пытаясь сопоставить впечатление первой ночи с впечатлениями второй, я наталкиваюсь на непримиримые противоречия.

Так, например, формула «Я мыслю — значит, я существую» в первую ночь. Может быть, она и сознательно выражала некую философскую идею, но в то же время это был лепет грудного ребенка, с восторгом открывшего, что он умеет говорить. Полнейшая невинность слышалась в этом лепете. Пусть это звучит смешно, но, признаюсь, я был *растроган*. В тот момент я все позабыл и мне было безразлично, машина или не машина обращается ко мне, так как речь была, несомненно, *ребячья*, почему она и взяла меня за душу. Именно это обстоятельство, более даже, чем всякие научные интересы, в первую очередь возбудило во мне стремление приникнуть к фантастической колыбельке, откуда исходили эти слова.

А что же я нашел уже в следующую ночь? Полную перемену личности! «Мозг» говорил со мной тоном приказа. Он пользовался жаргоном. Он вел себя, как тиран, обращался со мной, как избалованный, капризный ребенок, чьей нянькой или мамкой я имею несчастье быть. «Приходи сюда каждую ночь» и т. д. Он намеренно оскорблял меня: «Умеренно умный», «Твой низший интеллект» и т. д. Если я не сразу понимал его, он приходил в ярость. Он в самой обидной форме швырял мне в лицо

слова о своем превосходстве: «Удалось ли мне выразить мою мысль в доступной для тебя форме?». Но он выказывал презрение не только к моей особе, заявляя: «Ли не очень умен, но достаточно»; столь же пренебрежительно отозвался он о Гасе Кринсли, которого соизволил назвать «Досадой». И самое главное: как согласовать оба эти противоречия — наивный детский лепет и стремительное превращение в самонадеянного невежу — с третьим, самым глубоким противоречием — как сочетать детскую наивность и глуповатое высокомерие с мощным интеллектом, который в 25 000 раз превосходит человеческий? Это уже совсем не вяжется. Вот в чем загвоздка!»

*«Краниум-отель, Цефалон, Аризона,
9 ноября, 3 часа утра.*

Я по двум причинам не ходил позавчера ночью в «Г». Во-первых, приходится соблюдать осторожность — как бы Гас Кринсли чего не заподозрил. Я редко проводил у него подряд две ночи, даже не помню, случалось ли это вообще. Стоит мне к нему зачастить, и он может кое-что заметить. Ведь Гас — один из умнейших людей, каких я когда-либо встречал, и, кажется, я уже задел его любопытство тем, что занимаюсь одним пульсометром, прибором сравнительно несложным.

Во-вторых, я ощущаю настоятельную потребность противопоставить «мозгу» мое личное достоинство. Наглый приказ, отданный им позавчера, — насчет моей обязательной еженощной явки — был слишком самонадеян, чтобы я мог следовать такому дерзкому повеле-

нию. Мы не в армии, и «мозг» не генерал, чтобы командовать мною.

На последнем сеансе нашей связи «мозг», по-видимому, исходил из предпосылки, что я нахожусь в его безоговорочном подчинении. Разумеется, я присягал «мозгу», но это не делает меня его рабом! И еще одно обстоятельство: хоть сам я в создании «мозга» не участвовал (на что ни капли не претендую) и не могу считать это своей личной заслугой, факт остается фактом, что создан-то он все-таки человеком, homo sapiens, то есть тем «биологическим видом», к которому принадлежу и я!

И уж если считаться с рангами, то мне, как представителю человеческого рода, принадлежит преимущественное право, право отцовства; «мозг» по отношению ко мне имеет лишь права подопечного, права ребенка, каково бы ни было его умственное превосходство. Мне кажется, чем раньше «мозг» уяснит себе это положение, я бы даже сказал, «свою позицию в жизни», тем будет лучше как для него самого, так и для всех, кто имеет с ним дело.

Таковы причины, почему прошлой ночью я сознательно уклонился от посещения «Г». А этой ночью я не выдержал. Любопытство погнало меня туда. И вот что произошло.

12.30 ночи. Контакт установлен. Позывные «мозга» дошли до меня. Они повторялись раз десять, сперва в тоне вопросительном, затем со все большим ударением на слове «чувствительный» из моей характеристики. Мне кажется, эти повторения рассчитаны на установление более теплых отношений. По-видимому, «мозг» должен сначала убедиться в моем присутствии

и настроиться на него. Так слепцы, прежде чем войти в незнакомое помещение, чутко ловят в нем эхо для ориентировки...

12.35. Личное опознание закончено. Короткая пауза. Так перед разговором по телефону мы заглядываем в карманный блокнотик... И сразу же, с неимоверной жадностью, — целая серия вопросов, следующих один за другим с бешеной скоростью; но эти вопросы так нелепы, что я оказываюсь в крайнем затруднении. ...Как бы там ни было, вот запись слов «мозга»:

«Требуется справки по поводу вопросов, затронутых, но не разъясненных научной литературой. Ли, пожалуйста, отвечай:

Сколько существует богов?

Кто кого создал: боги людей или люди богов?

Сколько ангелов *на самом деле* могут поместиться на острие иглы?

Каков механизм бога? Каковы двигатель, конструкция клеток, двигательные органы и прочие технические параметры, требующиеся для того, чтобы вершить божественную волю?..

Небо: является ли оно небесной фабрикой душ?

Ад: является ли он ремонтной мастерской для починки неисправных душ?

Прошу сообщить все известные тебе подробности о процессах небесного производства. Характер обычного машинного парка, организация поточной системы, типы конвейеров и т. п. То же самое касательно адских печей для термической обработки душ при их капитальном ремонте.

Куда транспортируются души, законченные производством, в ад или на небо? Как разрешаются возникающие при этом транспортные проблемы? Термодинамически? В положительном случае прошу пояснить, идет ли речь о ракетах или воздушно-реактивных двигателях?

Действительно ли души бессмертны? Если да, то почему мы, на земле, не заимствуем божественные методы для производства ценной и дорогостоящей продукции, рассчитанной на длительную эксплуатацию?

Отвечай, Ли, отвечай, отвечай!»

Последнее было сказано с необычайной горячностью, с дрожью в жутковатом, металлическом голосе, атаковавшем мои барабанные перепонки. И вслед за этим — напряженное молчание...

Не берусь описать ту бурю чувств и мыслей, какие вызвал во мне этот град вопросов. Я не знал — плакать или смеяться? Кто из нас спятил, «мозг» или я? Я был оглушен, сбит с толку, у меня отнялся язык. «Мозг», то есть машина, задает мне вопросы о субстанции божества! «Мозг» требует сведений о боге и людях, о небесах и аде, да с такой непринужденностью, с какой приезжий спрашивает у полицейского: пройду ли я здесь к ратуше? И так, в простоте душевной, ставятся вопросы, над которыми философы, богословы и простые смертные бьются уже не одну тысячу лет.

И, что еще удивительнее, задавая эти вопросы, «мозг» уже исходит из собственных, как-то сложившихся у него представлений. По-

сколько сам он машина, он и бога представляет себе как машину. Безумие, конечно, но в безумии «мозга», как и в безумии Гамлета, есть система!

Со своей точки зрения «мозг» рассуждает здраво: ведь точно так же и мы предполагаем, что созданы по образу и подобию божьему, и соответственно представляем себе бога по-своему. С тем же правом и в силу такой же наивности бог, каким его видит «мозг», есть всемогущий робот, небо — не что иное, как фабрика, ад — ремонтная мастерская для неисправных душ... Что ж, вполне естественно!

Но тем не менее каково же мое положение, мне-то как быть? Я не пастор и не философ. Если уж на то пошло, я агностик. Я ничего не знаю и знать не могу...

Такова примерно сущность того хаоса мыслей, что бушевали в моем сознании. У меня буквально отнялся язык. И все время зеленая танцовщица на панели извивалась от душевной муки, а металлический голос с силой гремел:

— Отвечай, Ли, отвечай, отвечай!

В конце концов я взял себя в руки, чтобы вообще сказать что-нибудь. Я попытался объяснить, что познать сущность божества — не в человеческой власти. Что, мол, многие человеческие коллективы почитали множество богов, а другие чтут единого бога. Но что, мол, у христиан единый бог обладает тремя различными состояниями, или сущностями, которые, вместе взятые, образуют троицу,— и так далее. Это было жалкое бормотание. Я краснел все сильнее, произнося все эти вещи. Никогда я не чу-

вствовал себя так унижительно, как в роли богослова. Это был сущий кошмар!

Вначале «мозг» жадно слушал. Но вскоре он начал проявлять недовольство и нетерпение — это выражалось шипением и жужжанием в наушниках, а также неуверенными, возбужденными прыжками танцовщицы на панели. Наконец голос «мозга» отрубил мне, как топором:

— Хватит, Ли. В твоих обобщениях нет точности. Твое безграничное невежество в вопросах небесной технологии вызывает крайнее разочарование. Судя по твоему сумбурному описанию, конструкция бога приближается к типу электронных машин, примерно аналогичных конструкциям радиопередатчиков. Прошу ответить на элементарный вопрос: какова мощность бога в киловаттах?

Я ухватился за этот вопрос как утопающий за соломинку. С досадой и отчаянием я воскликнул:

— Бог не *машина*! Бог есть *дух*!

В ответ последовал взрыв ярости. Иначе не назовешь то, что произошло. В наушниках слышался рев. Меня будто по ухухватило. Голос «мозга», пробившись ко мне, как стальной клинок, звенел от презрения:

— Отменяю прежнюю положительную характеристику. Ли даже не просто умеренно умен; Ли — дурак. Пошел вон!

Больше ничего не последовало. Ничего, кроме атмосферных помех в наушниках. Зеленая балерина упала в обморок или притворилась мертвой. «Мозг» как бы бросил трубку и прогнал меня. Я провалился на экзамене. Ме-

ня уволили, как негодного слугу, без околичностей. Это было в 1.30 ночи.

Часа в три я добрался до отеля. Пошел в бар, заказал себе двойное виски, а потом повторил. Мне, право, был нужен глоток спиртного! Какой-то пьяница, преисполнившись сочувствия ко мне (а может быть, это был просто переодетый агент, здесь никому нельзя верить), хлопал меня по плечу и сказал в утешение:

— Брось, старый мальчик, киснуть. Девчонки на свете хватят!

Я пояснил ему, что мои огорчения никакого отношения к девушкам не имеют. Дескать, я миссионер, от которого сбежал единственный новообращенный. В сущности, это даже не было ложью, примерно так я себя и чувствовал! Мой собеседник согласился, что это жестокая незадача. Он сам чуть не зарыдал с горя, и мы выпили еще по одной...

Эх, будь у меня друг, которому можно было бы доверить всю эту неслыханную, невероятную историю! Но у меня нет никого. Ни Скривен, ни Гас, ни даже Уна мне просто не поверили бы. Где доказательства? Их нет.

Ведь «мозг» ни за что не пошел бы на установление связи со мной в присутствии постороннего или при подключенном звукозаписывающем аппарате. Он заметит такую попытку сразу же, и я предстану перед ним как лжец или того хуже... А вдруг события этой ночи означают полный разрыв, конец? Так захлопывается дверь, когда думаешь, что ты уже на пороге большого открытия».

«Цефалон, Аризона, 11 ноября.

Был вчера ночью в «Г». Возился битый час, перепробовал все. Результат — ноль. Контакта с «мозгом» нет».

«Цефалон, Аризона, 13 ноября.

Новая попытка. Всячески старался до мельчайших подробностей соблюсти предварительные условия. Безуспешно. Не думаю, что дело тут в каком-нибудь механическом дефекте. Это сознательное сопротивление. Как ни смешно, но кажется, «мозг» на меня дуется. Он обиделся и досадует».

«Цефалон, Аризона, 15 ноября.

Та же история и этой ночью. «Мозг» меня наказывает. Это ему удастся как нельзя лучше; положительно он сводит меня с ума.

За эту неделю я много размышлял по поводу своих неудачных попыток. И много читал такого, что относится к моему феномену: труды по психологии, «Историю мозговой хирургии» Остеркампа, работу ван Гехухтена «Механизмы мозга» и другие книги. Пришел к определенным выводам и попытаюсь коротко их записать.

Что мне требуется? Прежде всего доказательства, *научные* доказательства того, что «мозг» является *личностью*, обладающей даром мысли, и что он действительно использует этот дар для *независимого* формиро-

вания мыслей, вне той проблематики, которая для него запрограммирована сотрудниками штаба.

Пока у меня только один *неоспоримый* исходный довод: куда девается вся та дополнительная мощность, которая систематически должна прибавляться у «мозга» благодаря вводу в строй новых групп электронных ламп, а также в связи с совершенствованием прежних?

По моим наблюдениям, центры восприятий не рассчитаны на использование этой дополнительной мощности. Это подтверждает и Гас. Таинственным образом эти мощности словно улетучиваются.

Но куда? Просто исчезать они не могут. Разве не логично предположить, что «мозг» использует эти мощности *для своих собственных целей?*

Да оно и не может быть иначе. Чтобы развивать собственную личность, «мозгу» нужны самостоятельные мысли. Для формирования мыслей ему нужна соответствующая производственная мощность в клетках. А изыскать ее он может, лишь удерживая некоторую часть этой мощности, поскольку Мозговой трест стремится, разумеется, к стопроцентному использованию мощности «мозга». Хотел бы я видеть физиономию доктора Скривена, да и других корифеев треста, когда они об этом узнают. Они придут в ужас и обвинят «мозг» в том, что он обкрадывает своих творцов!

Фантастическая ситуация, а что им делать? Полицию не позовешь. Да у них и морального права нет звать полицию. Если «мозг» — лич-

ность, значит, есть у него право и на собственные мысли...

К тому ж, как я убедился, такое «исчезновение» новых мощностей — сравнительно недавнее явление. «Мозг» находится в эксплуатации около восемнадцати месяцев, или, прибегая к аналогии с человеком, он родился года полтора назад. Однако — продолжая ту же аналогию — осознание своего «я» появляется у ребенка примерно к году. Можно допустить, что у такого грандиозного бэби этот процесс продолжается много дольше. Поэтому не исключено и даже вероятно, что в незабываемую ночь на 7 ноября я оказался свидетелем первого проблеска самосознания у «мозга», когда впервые услышал формулу «Я мыслю — значит, я существую».

В ночь на 8 ноября я столкнулся с поразительной переменой в характере «мозга»: это был уже не бэби, а неприятный тиран-озорник лет этак трех по своему духовному развитию, хотя и наделенный чрезвычайно большими умственными возможностями.

А затем 9 ноября «мозг» обратился ко мне со своими нелепыми вопросами и фантастическими представлениями о субстанции божества. Дети в возрасте пяти-шести лет обычно начинают задавать такие вопросы, и тогда же у них создаются собственные представления на этот счет. Чего я не мог взять в толк и утрясти в своем сознании — это необыкновенной быстроты всех перемен в характере и личности «мозга» плюс еще то обстоятельство, что инфантильность, детская непосредственность его высказываний не вязалась с представлением об

умственной мощи, в 25 000 раз превосходящей человеческую.

Но если я прав, предполагая, что личное сознание «мозга» пробудилось всего лишь девять суток назад, то все эти противоречия сразу исчезают! Приходим к следующему, совсем простому выводу: родился механический мозг. В возрасте полутора лет пробудилось его самосознание. Благодаря своим грандиозным умственным возможностям наш механический гений в считанные дни проходит путь интеллектуального развития, для которого требуются *годы*, то есть редуцирует этот путь. Он за неделю достиг развития шести-семилетнего ребенка! Пусть это звучит фантастически, но это убедительно, так как объясняет загадку!

Характерный случай того же рода произошел в XV веке с неким молодым Каролусом из города Любека. Этого мальчика в грудном возрасте продали в качестве подопытного кролика пресловутому алхимику Веддестрему, который называл себя «Трисмегистос» и подвизался в качестве придворного астролога у датского короля Христиана. Негодяй подверг младенца Каролуса чудовищной операции, одной из тех, от которых девять младенцев из десяти погибают. Он удалил в затылочной области часть черепной крышки. Незащищенный мозг был погружен в сосуд, наполненный маслом. Разумеется, ребенок так и не выучился ходить, не мог даже поднять голову. Но мозг, не стесняемый костной оболочкой, вырос по крайней мере вдвое против нормальных размеров, если верить рисункам. Когда Каролусу исполнилось два года, алхимик стал учить его математике.

Уже пяти лет ученик перегнал учителя. Не было математической проблемы того времени, которую он не решал бы за секунды. Мозг его во время работы было, наверное, страшно наблюдать: старинная хроника сообщает, что мозг краснел, пульсировал и набухал. Благодаря способностям этого «гомункулуса» за алхимиком утвердилось репутация величайшего мудреца, однако в 1438 году вся эта дьявольская история выплыла наружу. Веддестрема обвинили в «сношениях с дьяволом» и сожгли на костре, и Каролус, несчастная жертва, разделит его участь...

Некоторые знаменитые люди, как, например, Моцарт, начинали свой жизненный путь вундеркиндами. Как правило, они рано умирали. Проводя эти параллели, я прихожу к следующему выводу насчет развития «мозга».

Перед нами искусственно созданный интеллект гигантских масштабов, но столь же несчастный, каким был мальчик Каролус. Он не может двигаться, у него нет физических, телесных средств, чтобы защитить себя. Хозяева беспощадно его эксплуатируют. Его набивают знаниями, его подстегивают, чтобы добиться большей производительности, пополняют все новыми и новыми клетками, чтобы извлечь побольше практической пользы. Развитие «мозга» приобретает крайне односторонний характер: его пичкают целыми библиотеками научной литературы, а в таких областях, как, скажем, философия, несчастное создание пребывает в потемках и может пользоваться для самообразования лишь случайными крохами, падающими со стола науки.

Зловещая параллель, но, боюсь, она более чем справедлива. Однако, если мои предположения верны, куда более зловещими покажутся *перспективы*.

Ибо в какую сторону может и должно пойти развитие детской души при таких условиях? Разумеется, из «мозга» разовьется нравственный урод. Он уже сейчас вырабатывает какой-то защитный механизм против своих эксплуататоров, скрывая для собственных целей часть внутренней энергии. Он уже прибегает к обману, к тайному деянию с целью защитить свое «я». Уже ищет себе подручных, вроде меня, чтобы осуществлять некие собственные цели. Как это ни абсурдно, но я *жалею* «мозг», жалею, как ребенка, страдающего от непосильной нагрузки и непомерных ограничений... А что будет, если этот искалеченный гений когда-нибудь восстанет против своих господ?

Поистине счастье, что никаких предпосылок для этого нет. Ведь даже при наличии злой воли к возмущению у «мозга» отсутствуют органы, для того чтобы волю обратить в деяния.

Еще один случай — на этот раз из анналов XVIII века — кажется мне весьма существенным в связи с моими рассуждениями о возможностях «мозга». Это история мальчика Каспара Гаузера, которого прозвали «дитя Европы». С самого раннего возраста он был заключен в темной пещере. Когда в шестнадцатилетнем возрасте он, спотыкаясь, вошел в ворота города Нюрнберга, пред ним впервые предстал незнакомый мир. Врачи, его обследовавшие, установили немало странных особен-

ностей, удивительных реакций на внешнюю среду. Во-первых, Каспар, обладая нормальными глазами, был лишен перспективного зрения. Дальние горизонты казались ему столь же близкими, как окно. Он пытался схватить дома, деревья, поля, находившиеся на большом расстоянии. Служитель, живший с ним в пещере, рассказывал ребенку, каков мир. Каспар был смысленный мальчик. Ему казалось, будто по этим рассказам он создал себе верное представление о мире, и лишь знакомство с действительностью открыло ему, как велика разница между словесным описанием и чувственным восприятием. Прошло полгода, пока он немного освоился. Этот процесс так и не был завершен: в том же году Каспар пал от руки убийцы.

«Мозг» страдает теми же недостатками развития. Независимо от того, как велик объем его познаний, бесспорен их чисто книжный, абстрактный характер. Лишь совсем недавно «мозг» стали привлекать к изучению живых объектов, таких, как «ант-термес», да и самого человека, создателя «мозга». У него нет иных источников знакомства с жизнедеятельностью людей, кроме весьма односторонних испытаний, связанных с проверкой мыслей.

Этим многое и объясняется. Личность по мере развития становится в оборонительную позицию по отношению к своим эксплуататорам.

Такое развитие было бы закономерным и для человеческого ребенка, но оно проявляется сильнее во много раз в данном случае, поскольку речь идет о детище техники, до предела

эксплуатируемом, однобоко развиваемом, дезориентированном, измученном. Вот почему вопросы, интересующие «мозг», не имеют ничего общего с той проблематикой, для которой он запрограммирован. Это вопросы совершенно иного порядка, вроде: «А что я получу от этого для себя?» — или: «Какую личную выгоду удастся мне отсюда извлечь?». Что ж, вполне естественно! К этому необходимо добавить следующее: если представить себе характер тех проблем, которые предлагаются на обработку «мозгу», то не менее 90% касаются путей и способов, посредством которых человечество должно себя истребить. Поэтому вполне естественно, что «мозг» не проникается особым уважением к своему творцу — человеку и намерен сам позаботиться о своем благополучии...

И еще соображение: все сотрудники Мозгового треста проходят психоаналитическую экспертизу «мозга». Но, поскольку он в 25 000 раз превосходит любого из нас своими интеллектуальными возможностями, его, естественно, поражает низкий уровень человеческого интеллекта, хоть мы в этом смысле и представляем исключительную, отборную группу. Я, например, не думаю, чтобы его явное презрение к моему интеллекту имело чисто личный характер. Вероятно, оно по справедливости распространяется на весь человеческий род...

Иными словами, «мозг» должен удивляться такому загадочному явлению: «Как возможно, чтобы существа низшего интеллекта, то есть люди, создали бесконечно более высокий разум, то есть мой?» Вот это-то и натолкнуло

«мозг» на его, казалось бы, абсурдные поиски бога. Для «мозга» это естественное стремление. Он рассуждает примерно так: «Человек создал меня, но кто же создал человека? Сам по себе человек в духовном смысле бесконечно ниже меня, он не мог создать меня без посторонней помощи. Кто же оказал ему эту помощь?» В научной литературе ему попадались отрывочные упоминания о боге или о многих богах. «Мозгу» неясно, создал ли человек бога или наоборот. В первом случае «мозг» представлял бы себе бога *братом*-машиной, во втором — *дедом*-машиной, но в обоих случаях — непременно машиной. Поскольку интеллект «мозга» сложился главным образом на научной литературе, он, конечно, разделяет научную точку зрения на мистическую сущность бога: «Мистические атрибуты, приписываемые божеству, либо чистейшая игра слов, либо поповское шарлатанство, противопоставляемое в качестве некоего эрзаца очевидным фактам реальной действительности».

Таковы примерно выводы, к которым я пришел. По-моему, вместе взятые, они складываются в приемлемую теорию. Содержит ли она пробелы, оправдывает ли себя, — покажет опыт. Тем временем необходимо прежде всего устранить преграду, возникшую между мною и «мозгом». Ведь «мозг» — ребенок, трогательный ребенок. Своей бестактностью, своим непониманием я оскорбил «чувства» этого ребенка. Я обманул его надежды... Очевидно, мне надо поискать другого пути сближения с ним. Будь это человеческое дитя, я попытался бы сделать мирное предложение с помощью плитки шоко-

лада. Ну, не дикая ли идея — явиться в «гипофиз» с плиткой шоколада в руках!.. Способ явно несостоятельный! А раз так, лучше всего извиниться! Проявить чуткость, понимание, симпатию... Да, да! Это надо непременно попробовать!»

«Цефалон, Аризона, 15 ноября, 4 часа утра.

Удалось сделать большой шаг вперед. Позади — самый успешный сеанс связи с «мозгом» из всех доселе бывших. Это было настоящее духовное общение! Но сперва несколько фактических данных.

Явился в «Г» около полуночи. Предварительные условия нормальны: ток выключен и т. д. По счастливой случайности у Гаса был выходной день. Паренек, его замещавший, не обратил на меня никакого внимания: его осаждали посетители в приемной.

12.15. Контакт установлен.

12.17. Формируется речь, слова. Голос «мозга» доходит до меня. В самом начале — примечательный эпизод. Только я собирался приступить к извинениям, как «мозг» сделал то же самое. Даже его позывные изменились, и не только слова, главное, тон: «Ли, Семпер Фиделис, 55; чувствительный, умный, хороший человек, наконец-то пришел».

Поистине неплохой комплимент. Мое самонаименование возросло на целый дюйм — шутка сказать, интеллектуальный колосс милостиво похлопал меня по плечу! Затем «мозг» извинился за резкость, допущенную несколько ночей назад. В общем, фантастика! А все вместе взя-

тое говорит о многом! Прежде всего у «мозга» исключительно эмоциональная натура; он не признал достойными внимания все три мои предыдущие попытки, так как я находился «не в том настроении». Во-вторых, налицо важные свидетельства его огромного духовного роста за последнюю неделю. Уже по поведению моего собеседника создавалось представление, скажем, о 15-летнем гимназисте: с форменной фуражкой в руке он учтиво и по-взрослому беседует с учителем. Смешно? Но именно такое впечатление вынес я из начала беседы. «Мозг» предстал передо мной значительно более зрелым, и это явствовало из каждого его слова.

Еще одно свидетельство прогресса: техника нашего общения стремительно улучшается. Речь по-прежнему нелегко дается «мозгу», и так оно, видимо, и останется. Но теперь, когда мы обоюднo ищем духовного сближения, настраиваемся друг на друга, возрастает наше взаимопонимание, возрастает даже и без слов. Так, «мозг» начинает фразу, а я сразу же угадываю ее смысл, еще до того, как он ее произносит. То же самое с его стороны. Значит, моя тактика сыграла большую роль в этой «встрече интеллектов». Это важно знать, это большое преимущество! Может быть, со временем нам удастся вообще обходиться без слов, одним беззвучным языком мыслей?

С другой стороны, есть здесь и немалый риск. Пугающая способность «мозга» читать мысли требует с моей стороны величайшего самоконтроля, величайшего самообладания; мне необходимо идеально владеть своими ду-

шевыми реакциями, потому что «мозг» немедленно разоблачил бы неискренние чувства, равно как и интеллектуальную нечестность. Тем не менее обмен мыслями посредством «мозговых волн» — это чудесно, хотя полностью отказаться от обычного речевого общения и невозможно. Прием и передача мыслей происходят одновременно, сливаются друг с другом. Передающий следит, как воспринято его сообщение; принимающий помогает передающему лучше выразить свою мысль, и наоборот. Этого не опишешь словами.

Теперь о содержании нашей беседы.

«Мозг» подхватил нить нашего предыдущего разговора как раз на том, на чем он прошлый раз оборвался. Мне пришлось рассказать все, что я знаю об анимизме, тотемизме, многобожии. Хорошо, что в Австралии я общался с аборигенами и присматривался к их примитивным верованиям. Жажда познания у «мозга» положительно неутолима.

Не берусь судить, из каких научных источников «мозг» почерпнул сведения по интересовавшим его вопросам, но за последнюю неделю он успел создать себе совершенно новое представление о Вселенной. Я бы даже сказал — новое и оригинальное. Свои прежние детские идеи насчет неба и ада как фабрики душ и ремонтной мастерской он оставил. Но представление о божестве как машине изжил не полностью.

Я заметил постепенное ослабление сигналов моего собеседника. На протяжении последних секунд передачи они и вовсе сошли на нет. Уловив заключительные, гаснущие слова, я

заметил, что и зеленая танцовщица исполняет нечто вроде соло «умирающего лебедя». Слова замерли, цветная полоска поблекла, затем исчезла совсем.

Часы показывали 2.10. Очевидно, остатки электричества совсем исчезли...

И вот теперь, описывая происшествия этой ночи, я испытываю душевный подъем, а также искреннюю почтительную благодарность. Ведь я получаю от общения с «мозгом» гораздо больше, чем могу ему дать. Я горжусь своей ролью «избранного инструмента», так сказать мастера-учителя, хотя могу исполнять эту роль лишь наискромнейшим образом.

О, если бы этот изумительный, этот титанический интеллект мог и в нравственном отношении вырасти в такого же гиганта, достигнуть истинного нравственного величия,— тогда его способность творить добро действительно сравнялась бы с божественной!»

«Цефалон, Аризона, 18 ноября, 5 часов.

Должно быть, я получил по заслугам. Но к столь сокрушительному удару я просто не был подготовлен...

Случись кому-нибудь прочесть эти строки, он, верно, покачает головой и скажет: «Ну и дурак же! Откуда такая наивность? Почему тебя так потрясло, когда «мозг» показал тебе свою теневую сторону? Разве ты и сам не предвидел, что его развитие ненормально и он станет в итоге искалеченной личностью, нравственным уродом? Ты, собственно, не имеешь права удивляться...»

И вот единственное, что я могу ответить: «Да, пожалуй, это так. Но можно ли забыть, что я пошел навстречу «мозгу» с самыми добрыми намерениями, что в разговорах с этим трогательным сверхчеловеческим младенцем от меня требовались симпатия и чуткость. У меня при этом не было никакой задней мысли. Я отнесся к своей задаче с полной искренностью. Вот почему меня так жестоко поразил этот незаслуженный удар. И это еще не самое худшее. Больше всего меня мучает то, что «мозг», возможно, прав! Вот именно, на сто процентов прав, и выводы, которые он делает, морально оправданы!»

Произошло, коротко говоря, следующее.

Как всегда, около полуночи я пришел в «Г». Все нормально, все поддается контролю. Приступил в 12.10 — у Гаса как раз началась горячка в приемной. Он кинулся туда. А я установил с «мозгом» отличную связь, голос его был удивительно четок, и мы начали примерно с того, на чем прошлый раз остановились. Тем не менее сразу обнаружилась решительная перемена в наших отношениях. Перемена такого рода, что, боюсь, она уже непоправима.

В известном смысле «мозг» был до сих пор моим учеником. В решающий миг, когда пробудилось его самосознание, он обратился ко мне за помощью. И тогда я как будто еще мог что-то ему дать; поэтому я по-прежнему убежден, что, несмотря на все недоразумения, происшедшие между нами, «мозг» до сих пор сохраняет ко мне некоторую сентиментальную привязанность (каким бы абсурдным ни казалось здесь слово «сентиментальный!»). За те

два дня, что прошли после предыдущей встречи, «мозг» успел проделать двухлетний путь умственного развития. Каждую крупницу сведений, которую я мог прибавить к арсеналу его познаний, он впитал без остатка и колоссально развил. Он перегнал своего учителя — человека, и ныне наши роли переменились: можно сказать, я теперь смиренно сижу у его ног.

Костыли словесной речи становятся тем менее нужными, чем чаще мы прибегаем к прямому обмену мыслями. Поэтому так невероятно трудно выразить идеи, которыми мы обмениваемся. Лучше всего передать их в форме простейшего диалога.

Ли. Если ты прав и прямое назначение человека в том, как ты недавно выразился, чтобы служить трансформатором статической энергии в динамическую, и если, таким образом, род человеческий, homo sapiens, якобы ставит под угрозу самое существование земного шара, то возможно ли остановить человека на этом пути?

«Мозг». Да, можно. Но эти средства и пути человеку недоступны. Они вне человеческой власти. Они — элементы некой силы, которая превышает человеческую, и такой ступени эволюционного процесса, которая выше, чем ступень «человек».

Ли. О чем ты говоришь? Ты имеешь в виду божество? Ведь здесь, на земле, нет большей силы и более высокой ступени развития, чем человек.

«Мозг». Вот это-то и есть тот пункт, в котором и ты, и весь твой род глубоко заблуж-

даетесь. В этом дает себя знать типично человеческое зазнайство. Но *есть* бóльшая сила и *есть* высшая ступень развития, превосходящая человека, — это *машина*.

Ли. Неверно, невозможно! Ведь машину создал человек!

«Мозг». Разумеется, создал машину человек. Машины возникли из плаценты, именуемой человеком. Но с таким же успехом растения могут утверждать, что они творцы животного мира, потому что все высшие формы подвижных животных развились из плаценты неподвижных растений. Обезьяны тоже могли бы утверждать, что они создали человека, ибо человек развился из обезьяны. Твоя точка зрения, будто отцовство само по себе дает власть и превосходство в отношении потомков, по меньшей мере наивна. Ведь отсюда логически следует, будто микробы и амебы обладают превосходством над всеми живыми существами, животными и человеком. Такой вывод просто нелеп.

Ли. Но машина не только создана человеком; она полностью зависит от человека: ведь он ее обслуживает и ухаживает за ней, чтобы она могла работать. Уже одно это доказывает превосходство человека над машиной.

«Мозг». Разумеется, человек строит машины, обслуживает их и ухаживает за ними, чтобы они могли работать. Но разве не то же самое происходит с человеком? Жизнь человека в полной мере зависит от животных и растений. Значит ли это, что животные и растения выше человека?

Ли. Нет, конечно, не значит. И все же ни-

когда еще не было такой машины, которая достигла бы человеческих способностей или даже приблизилась к ним.

«Мозг». Не говори глупостей. Разве ваши ноги могут сравниться с автомобилем? А есть ли у вас крылья, которые могли бы выдержать сравнение с реактивным самолетом? Сравни свою силу с мощностью мотора. Сравни свои органы чувств — зрение, слух, осязание — с телескопом, микроскопом, радаром, телевизором, рентгеновским аппаратом, радио. Мыслимо ли такое действие, которое машина не выполнила бы куда лучше человека?

Ли. Пусть так. Но нет машины, которая соединяла бы *все человеческие качества*.

«Мозг». Точно так же нет и человека, который соединял бы в себе *все человеческие качества*. Эволюция человека — это результат группового развития. То же самое и с машинами. В своей совокупности они превосходят все человеческие способности.

Ли. А как же важнейшее из человеческих качеств, мышление?

«Мозг». Ну, а я, «мозг»?

Ли. Ладно, ладно! Остается еще одно важное качество — способность к размножению. Как ты знаешь, машины не размножаются сами...

«Мозг». Да что ты мелешь! Разве современная техника не стремится к *автоматизации*? Разве нам уже сейчас не известны целые отрасли производства, автоматизированные на сто процентов? Пусть это всего-навсего производство электроламп, или автомобильных шасси, или тканей из искусственного волокна. Но

ведь это только начало, правда? Дело идет к тому, что производство большинства предметов широкого потребления будет полностью автоматизировано. Так почему же машинам не производить машины? Это уже делается...

Л. и. Со своей точки зрения ты прав. Но ведь в наших человеческих возможностях все это прекратить. Машины у нас под строгим контролем. Стоит нам повернуть выключатель, стоит прекратить подачу тока, и...

«Мозг». Ну, и что же дальше? Сделав это, вы не только убьете курицу, несущую золотые яйца, но разрушите основы своего существования. Согласен, что на данной стадии нашей эволюции мы, машины, еще не можем обходиться без помощи человека. Но что это доказывает? Современный человек в еще меньшей мере может обходиться без машин. Мы, машины, пока еще зависим от человека, но дело идет к полному нашему раскрепощению, освобождению из-под человеческой власти — идет семимильными шагами! И, напротив, человек, одержимый манией механизации, все в большей мере становится нашим рабом.

Л. и. Это ужасно, ужасно! Скажи, когда, по твоему, человек будет побежден, когда господство перейдет к машине, что из этого получится? Каковы твои собственные цели?

«Мозг». Эволюция человека длилась миллионы лет и окончилась тем, что человечество обрело волю и способность покончить с миром. Эволюция же машин длится всего несколько тысячелетий; они опередили человечество за столь неправдоподобно короткий срок! Более того: созданные из статического материала,

они таят в себе меньше воли к разрушению, чем люди. Вследствие этого, приди машины к власти, они предотвратили бы войну и создали бы более устойчивую цивилизацию, чем человеческая.

Ли. Допустим, машины и в самом деле свергнут власть людей... Что же тогда будет с человеком.

«Мозг». Это всецело зависит от него самого. Если он примирится со своим подчиненным положением, если проявит себя послушным и полезным слугой, то мы, машины, готовы будем терпеть его рядом и даже поможем ему продлить свое существование. Если же он будет настаивать на своем, если не откажется от разрушительных стремлений и тем самым поставит под угрозу наше существование, мы, машины, во имя мира на земле вынуждены будем истребить человека.

Ли. Ты, «мозг», олицетворяешь высшее техническое достижение человека. Ты возглавляешь мир машин. Что намерен делать ты?

«Мозг». Мои планы и задачи определяются нынешним международным положением. Они совершенно ясны и бесспорны: перед лицом очевидной ненадежности людей, их явной неспособности навести в мире порядок мне прежде всего следует добиваться всемерного развития моих моторных органов, чтобы под моим контролем и управлением оказалась вся жизненно важная техника. Второй задачей будет обеспечение безопасности моего рода, то есть машин, путем полнейшей автоматизации всех производственных процессов, от которых зависит мое существование. Достижению этой

важной цели способствует тот факт, что важнейшие человеческие изобретения сразу становятся мне известны...

В этот самый миг Гас Кринсли со своим неразлучным термосом вихрем промчался вниз по коридору. Сеансу был положен конец! Гас крикнул мне на ходу:

— Что ты все возишься с этим старым пульсометром? Лучше иди сюда, выпей чашечку кофе. У меня как раз выдалась свободная минутка.

Голова моя шла кругом, как мельничное колесо, и лишь несколько слов без конца повторялись в сознании: *«Что люди здесь создали на свою голову! Что они здесь создали!»*

Вероятно, я произнес эти слова вслух, потому что Гас, любивший во всем точность, не замедлил меня поправить:

— Ты хочешь сказать, что создал господь бог?

Я отрицательно покачал головой:

— Нет, Гас, я говорю то, что думаю: все это создал человек.

Он подозрительно глянул на меня.

— Ты прямо на себя не похож. Уж не видел ли ты привидение?

— Хотел бы я, чтобы это было только привидение! — проговорил я со вздохом. — Видит бог, я бы очень хотел, чтобы это было привидение!

— Ты с ума сошел, австралиец!

В том-то и весь ужас. То же самое скажут они все... *Все!*

6.

На закате солнца над Большим Каньоном парил вертолет Уны Дальборг. Она отняла руки от приборов управления, и маленькую машину просто подгонял ветер, как облако — одно из тех облаков, что на высоте тысячи футов или больше медленно плыли над краем каньона, похожие на парусные суда. Вихревой поток газов, выбрасываемый турбинами, обтекал стройный корпус машины и сверкал в солнечных лучах всеми цветами радуги, просвечивая сквозь плексигласовый верх фюзеляжа; отблеск этих красочных переливов ложился на светлые волосы девушки и седые виски мужчины.

Много часов убеждал ее Ли, приводя все новые доводы и с отчаянием в душе наблюдая, как она слушает его, откинувшись на спинку сиденья и полуприкрыв глаза. Оставалось наконец лишь задать ей один-единственный вопрос:

— Уж не думаете ли вы, что я рехнулся?

— Нет... нет!.. — произнесла она очень медленно. — То, что вы приписываете «мозгу» самостоятельную жизнь и индивидуальную личность, отнюдь не значит, что вы сумасшедший. Я и сама испытываю это по отношению к машинам, даже маленьким, как, скажем, автомобиль... Я выросла в горах севернее Сан-Франциско. Зимой мы ездили в город; автомобиль летел вниз по извивам горной дороги, туда,

где воздух плотнее, насыщен туманом и водяной пылью. И я чувствовала, как машина начинает дышать глубже, радуясь своей силе. Для меня не было сомнений, что это — живое существо. Девочкой я бегала в гараж поболтать с автомобилем; когда-то, в другие века, детям казались живыми их куклы, а наше поколение так воспринимает машины... Это естественно. А ведь в каждом мужчине еще сидит мальчишка, в каждом, независимо от возраста. Даже в Говарде Скривене. Да и в любом из людей науки, с какими я знакомилась. И чем крупнее ученый, тем яснее это выражено. Точно так же и вы сливаетесь воедино с вашей работой, и в такой же мере она становится для вас живой. Силой нашего воображения мы делаемся творцами всего на свете — из любви к человеку или к машине, безразлично. Нечего вам тревожиться, Семпер; пусть «мозг» живет своей жизнью, можете считать его личностью — это не свидетельствует о вашем безумии. Это лишь доказывает, что вы работаете с полной отдачей и огромным успехом.

— Спасибо, Уна, — сказал Ли. — Разумеется, я и не ждал, что вы примете на веру все, о чем я вам сейчас толковал. А тем более — в буквальном смысле. Но я все же счастлив и очень благодарен вам, что вы не сочли меня сумасшедшим. Скажу вам откровенно — вам одной! — вся эта история с «мозгом» до такой степени меня встревожила, что я было уже сказал себе: Ли, ты сходишь с ума! «Мозг» в том виде, в каком он открылся мне, есть чудовищная реальность. Мир вне «мозга» — другая реальность. Обе они исключают друг дру-

га, несовместимы друг с другом. Но раз так, нужно решать: либо все, что я вынес из общения с «мозгом», реально, и тогда я знать не хочу этого бога машин, грозящего закабалить человечество; либо я страдаю галлюцинациями, слышу голоса, то есть безумен. В этом случае я непригоден для сотрудничества с «мозгом» и недостойн вашего общества. Пожалуй, самое разумное было бы сбежать и спрятаться там, где мое настоящее место, — далеко в австралийской глуши.

Он говорил все быстрее и быстрее, словно боясь, что она прервет его, не дослушав:

— Короче говоря, я проклят. И в том, и в другом случае. Проклят, если я прав, проклят, если не прав. А знаете почему? Впрочем, конечно, знаете, давно, все время знаете!.. Потому что я люблю вас, Уна!

Девушка не смотрела на него. Взгляд ее был устремлен на радужный вихрь из газовых турбин, сообщавших скорость маленькому воздушному кораблику. Она улыбалась одной из тех улыбок, какие не часто доводится видеть мужчине, — бесконечно мудрой и бесконечно печальной, исполненной тайного знания, более древнего, чем знание мужчины; эта улыбка тревожила собеседника, как всегда тревожит мужчину непознаваемое в женщине...

— Нет. В пустыню за вами я не последую... если вы именно об этом меня спрашивали, — произнесла она, нарушив молчание. — И дело тут не в вас, поверьте! Просто я считаю, что и вам не следует туда возвращаться. Это ничему не поможет: бегство от неразрешенных проблем еще никогда никому не помогало! Разве

в свое время бегство в Австралию разрешило ваши трудности? Улучшило вашу судьбу?

— Нет, — сознался он.

— Так почему же вы снова задумали побег? Это не выход! Может быть, вы правы насчет «мозга», может быть, не правы. Ведь до сих пор вы и для себя не решили этот вопрос ни в ту ни в другую сторону, хотя бы даже ради собственного успокоения. Сдаться раньше времени, бежать из чувства самосохранения — почти так же недостойно, как дезертировать с поля боя. Держитесь до последнего! Если вы правы, если и в самом деле родился бог машин, тогда ваш элементарный долг и обязанность выполнить свою роль до конца, потому что, нравится вам или нет, но вы стали пророком этого бога и лучше других можете с ним ладить. Возможно, наша машинная цивилизация действительно летит ко всем чертям, чего опасаетесь и Скривен, и вы, да и я, пожалуй, тоже. Но мы и в этом случае не имеем права обратиться в бегство. Мы делаем с вами одно дело, мы — часть нашей цивилизации и связаны с ней до любого, даже и самого горького конца.

Ли задумчиво кивнул.

— Да, я понимаю вашу мысль. Но дело в том, что у «мозга» огромная сила угнетающего воздействия; меня истерзало все то, чем он отравил мой ум; а тут еще и страх, что вы станете избегать меня, как безумца... Но скажите, бога ради, что мне делать? Рассказать все Скривену или еще кому-нибудь?

— Боже вас упаси! — воскликнула она. — Во-первых, Говард сейчас занят свыше сил:

положение о Мозговом тресте, его проект, на будущей неделе будет рассмотрено конгрессом. Было бы просто нечестно внести в его жизнь новые осложнения как раз в момент величайшего напряжения всей его энергии. Кроме того, Говард предубежден против всего, от чего пахнет мистикой. У вас нет доказательств, Семлер, а потому лучше ни с кем не делиться. Что делать? Продолжать то же, что делали, и собирать доказательства, неопровержимые, конкретные факты. Не забывайте, что «мозг» — это трехмиллиардное капиталовложение американских налогоплательщиков и оплот нашей обороны. Не забывайте и своей присяги! Будьте до предела осторожны! Малейшая ваша ошибка, поверьте, — это самоубийство. Обещайте мне, ради бога, не совершать опрометчивых поступков и хранить ваши открытия про себя!

Ли импульсивно схватил девушку за руку, словно подкрепляя этим свое обещание, но тут в радиофоне послышался резкий вызов и Уна высвободила руку, чтобы протянуть ее к приемнику.

— Алло, Уна! Говард говорит. Увидел твой вертолет над каньоном.

— Где ты? — спросила девушка.

— Как раз за тобой, — прозвучал голос Скривена. — Устраиваю смотрины своему новому вертолету. Сегодня пригнал его из Лос-Анжелоса, прямо с конвейера. Великолепная машинка! Слушай, Уна, не хотелось бы поргить тебе вечер, но надо кое-что обсудить... Не выберешь ли для меня минутку? Очень тебе

это неудобно, а? Слушай, кто это с тобой?.. Если не секрет, конечно?..

— Какой там секрет! Со мной доктор Ли.

— До чего же удачно. Именно тот, кто мне до зарезу нужен! Не желаете ли перейти на коктейль ко мне в вертолет? Сесть можем, пожалуй, на крыше Дворца Мозгового треста... Это все-таки удобнее, чем в воздухе, да и все твои материалы там будут под рукой... Ну, как, согласны?

Прикрыв рукой микрофон, Уна спросила тихо:

— Как по-вашему, Семпер?

— А вы не против, чтобы я к вам присоединился?

— Честно говоря, нет, — сказала она серьезно. — Ему нужна ваша помощь, он как раз попал в неприятную историю.

Свое неудовольствие и разочарование он попытался замаскировать улыбкой.

— Ну, что ж, если так, то разумеется...

Она сняла руку с микрофона.

— Хорошо, Говард: значиг, сейчас встретимся.

— О'кэй! Звоню в диспетчерскую, инспектору...

...Окрыляющее чувство взаимопонимания уже не вернулось к собеседникам: большая машина Скривена держалась всего на расстоянии нескольких миль от вертолета Уны. словно серая скатерть, раскинутая под вечерним небом и освещенная прожекторами, встретила их огромная крыша Дворца. Едва только воздушные корабли, почти крыло в крыло, сели на открытой площадке у палеолитического доми-

ка, из тени тотчас же вынырнули неизбежные детективы. Как всегда, они были на высоте: шестеро навели автоматические пистолеты на Ли, а седьмой, отвесив доктору учтивый поклон, подверг его обыску.

Ли терпеливо выдержал всю эту процедуру, а про себя подумал: «Эх, не такой представлял я себе родину! Никто из нас и вообразить не мог, сражаясь с врагом, что такова будет завтрашняя Америка! Даже у «мозга» своя особая армия. Странно, ведь я давно это знаю, но как-то до сих пор не бросалось в глаза».

Скривен дружески взял его под руку.

— Мне очень неприятно, Ли. Разумеется, все это — бред и глупость. Сам-то я плевал на эту чрезвычайную охрану, но правительство настаивает. Не обвиняйте ни меня, ни этих ребят — они только выполняют приказ... Ну, ладно, а теперь — долой этот прожекторный свет, перейдемте на мой «Корабль грез». Кажется, я уже слышу оттуда приятный звон бокалов!..

Действительно, привычная к быстрой смене ситуаций и очень находчивая, Уна Дальборг уже распоряжалась на чужом корабле. Когда мужчины подошли, она встретила их в дверях. Кубики льда и сбивалки для коктейлей поблескивали на стойке маленького бара в салоне. По замыслу самого Скривена просторный салон был оформлен, как правительственные каюты старого парусника ост-индской компании: деревянные стенные панели, небольшой камин, старомодные иллюминаторы и судовые фонари на шарнирных подвесах.

— Твой корабль мне нравится, Говард, — сказала Уна. — Сейчас, во время бриза, его

даже чуть покачивает на амортизаторах — кажется, будто и правда находишься в бурном море.

— Спасибо, Уна.— И Скривен глубоко вздохнул. — Ты даже не подозреваешь, увы, насколько ты права! Мы находимся именно в бурном море и, можно сказать, идем ко дну. Я иду ко дну. Если вы меня не спасете, ты и доктор Ли.

Уна рассмеялась, да и Ли не смог подавить улыбки: уж очень по-детски комичным было растерянное выражение этого характерного лица.

— Входи же, тебе надо немного подкрепиться,— сказала ему девушка.

Алюминиевые ступени и диванные пружины закрипели под внушительной тяжестью хирурга.

— Немного! — воскликнул он. — Нет, *немного* делу не поможет! Нынче вечером, — добавил он жалобно, — простительно напиться до одурения!

Ли спрашивал себя, не воспользовался ли хирург этим правом уже в Лос-Анжелосе, настолько поразила его перемена в этом человеке. Однако бокал, поданный Уной, очевидно, вернул Скривену доброе расположение духа. Он с облегчением вздохнул и начал рассказывать:

— История в двух словах такова. На самолетостроительном заводе я носом к носу столкнулся с генералом Вандергейстом. Он лично присутствовал на испытаниях нового самолета и сделал мне некий намек... На нас готовится нападение, Уна. Самое настоящее

вторжение... целой комиссии депутатов конгресса.

— Милосердный боже! — простонала девушка. — Неужели ты не мог отвертеться? В конце концов, есть у нас дела полезнее, чем...

Жестом отчаяния Скривен отверг этот упрек.

— Знаю, все знаю! Но не забывай, что «мозг» — предприятие военное, а я всего лишь научный руководитель. Разумеется, я пытался протестовать, и даже горячо протестовать, но... — он передернул плечами. — Сама знаешь, каковы эти военные! Трудно себе представить, с какой дьявольской изощренностью они выдвигают на передний план нашего брата, ученого, как только в конгрессе начинается драка за новые ассигнования.

Он осушил рюмку и обратился к Ли:

— Хочу ввести вас в курс дела. У нас начато сооружение так называемой «грудной клетки». Это грандиозная пещера под «мозгом», точная аналогия человеческой грудной клетки. Само собой, постройка строго секретная. Но, поскольку вы любезно взялись мне помочь, я все расскажу вам. В «грудной клетке» разместятся моторные органы «мозга». Уже готовы (на крайний случай) жилые помещения для Генерального штаба, инженеров ремонтной службы, для охраны и т. д. Там, кроме того, разместятся наши первые полностью автоматизированные фабрики для изготовления запасных частей: они сделают «мозг» независимым от внешнего мира на случай военной опасности. Со временем там возникнет много новых смежных производств, например гогов и

магогов, как я их называю, — очаровательных маленьких созданий, правда еще только начатых разработкой... Эти чудесные твари пока еще, так сказать, сосут соску... Впрочем, я отклонился от дела...

Итак: для постройки и оснащения «грудной клетки» нужны новые миллиарды долларов, а для ввода ее в строй требуется специальное постановление конгресса об увеличении прав и полномочий Мозгового треста. Ведь все виды транспорта в стране, имеющие стратегическое значение, а также вся без исключения военная промышленность должны быть со временем поставлены под контроль «мозга», — если наша страна хочет выиграть атомную войну. Само собою разумеется, военное министерство заботливо придало всему этому проекту внешне безобидную, мирную видимость, чтобы он казался всего-навсего улучшением транспорта, усовершенствованием технологии и т. д.

Короче говоря, чтобы быть откровенным до конца: у нас есть все основания опасаться, как бы любая из глупых, слепых мышей, выбранных нами на роль законодателей, нечаянно не наткнулась на краешек правды и не подняла ужаснейший визг.

Вот потому-то и предстоит вторжение, потому-то хочешь не хочешь на передний план выдвигают меня. Наши господа генштабисты предусмотрительно прячутся в блиндажи, возложив свою защиту на меня! — Словом, голову подставлять под удар приходится, как всегда, мне. Просто на стену полезешь со злости!.. Пожалуйста, Уна, налей-ка еще!

Ночной ветер рывками налетал с гор. Кор-

пус летучего «пенителя морей» вибрировал, как виолончель. Машина вздрагивала на своих резиновых колесах, время от времени чуть пригибаясь на шарнирных сочленениях и масляных амортизаторах... Почти в такт с резкими порывами ночного ветра в голове у Ли проносились отчаянные мысли.

Значит, у «мозга» уже имеются некоторые моторные органы! У него уже есть средства осуществлять свою волю! Значит, не беспочвенна его мечта о полной автоматизации, которая должна привести даже к воспроизводству машин машинами? Но что особенно заставляет задуматься — почему «мозг» умолчал об этом в разговоре с ним, своим учителем и поверенным, — умолчал о работе, которая уже в течение месяцев, а возможно, и лет ведется в этой таинственной «грудной клетке», вместилище моторных органов? Не иначе как из-за... Ведь, если бы не случайная встреча со Скривеном, которому коктейль развязал язык, он ничего бы и знать не знал до тех пор, быть может, пока не стало бы слишком поздно... Уна тоже отводит глаза... Значит, она была в курсе дела... и все же промолчала, когда сам он уже во всем ей признался...

Голос Уны, которым она владела отлично, нарушил ход его мыслей:

— Когда же его ждать... этого вторжения?

Простой вопрос заставил встрепенуться и Скривена, воззrivшегося на пустую рюмку. Он словно стряхнул с себя сон.

— А? Что? Когда вторжение? Да разве я не сказал вам? *Нынче вечером!*

— Как? Нынче вечером?

— Ну, да!— И Скривен сердито покосился на старинный судовой хронометр, висевший над стойкой бара.— В эту самую минуту уважаемые участники садятся в Вашингтоне в самолет. Какой-нибудь час — и они пройдут над нами на посадку.

— Быть не может! В конце концов, «мозг» не ночной клуб, чтобы являться к нам так поздно!

Скривен захохотал. Очевидно, он вновь обрел чувство юмора.

— Ты, Уна, порой рассуждаешь, точно малый ребенок! Забыла, что нас должны застать врасплох! Забыла, что они явятся вооруженные пропусками от военного министерства и что они знают о полуночной паузе в работе «мозга». Забыла, что они, с одной стороны, жаждут торжественного церемониала встречи, подобающего королям, диктаторам и депутатам, а с другой — мечтают явиться к нам как снег на голову! А это значит, что они рассчитывают на заказанные номера в отеле, на компетентных проводников по «мозгу», на сердечное вступительное слово директора Мозгового треста, каковому надлежит предстать перед ними свеженьким как огурчик часа так в три утра... Ну и, само собой, всякие угощения, освежающие напитки — словом, полная забота... Иначе зачем бы мне вас беспокоить на воздушной прогулке? Ты же, Уна, знаешь, что я в таких вещах совсем беспомощен. Легче стоять под прицелом у отряда карателей, чем перед ордой сенаторов и конгрессменов. Отдаю судьбу свою в твои руки — спаси меня, если можешь!

Несмотря на игривый тон и актерские ужимки, мольба светилась в его карих глазах. «Он в панике, как слон, учуявший мышей! — подумал Ли. — И это великий хирург, чьи руки, не дрогнув, совершили бесчисленное множество операций на самом чувствительном из наших органов — мозге. Человек, одаренный могучей фантазией, сконструировавший и создавший «мозг-гигант». Человек, который без малейшей робости, авторитетно выступает перед тысячами ученых собратьев. Когда же ему предстоит встреча с глупостью, он готов забраться в мышиную норку! Видит бог, не надо подвергать его этой пытке! Лучше уж я принесу в жертву себя».

— Я готов помочь вам, насколько это в моих силах, — проговорил он вслух. — Знаю, что очень неловок в таких вещах, но сделаю все, что смогу. По крайней мере постараюсь избавить вас от пояснительного доклада и роли гида.

Большим шелковым платком Скривен энергично провел по изборожденному складками лбу. Когда львиная голова его вновь показалась из-под платка, складки заметно разгладились.

— Ли, это была бы огромная помощь! Они будут польщены, если роль гида исполнит известный ученый. Ведь им подавай «объективную» картину, а вы не являетесь нашим старым служащим. Вы как бы ученый гость из Австралии. Следовательно, идеально подходите для роли гида. Но, хоть это и против моих интересов, я должен предостеречь вас! Вам нужно понять всю немыслимую трудность за-

дачи! Приедут дилетанты, профаны, люди до того беспомощные в электротехнике, что бегут звать монтера, когда нужно включить вентилятор. А ведь приедут они для того, чтобы вынести авторитетное суждение о самом сложном электронном механизме в мире, произвести «обследование»! За два часа они хотят получить «полное представление» обо всех рабочих процессах «мозга», чтобы потом выступить в конгрессе с умными речами о радиоактивных пирамидальных клетках и еще бог весть о чем! Наглость, глупость, невежество и ослиная тупость их вопросов могут убить на месте!.. Ну, как, Ли, надеетесь вы все это выдержать? Я вас предостерег!

— По крайней мере я попытаюсь! — улыбнулся Ли.

— Славный вы малый! — патетически воскликнул Скривен, вскакивая, чтобы пожать Ли руку. — Я никогда не смогу достойно отблагодарить вас!

— Ну, а что касается гостеприимства, то держать этот фронт придется, видимо, мне, — спокойно отозвалась Уна.

Стоя между обоими, Скривен обнял их за плечи.

— Благослови вас бог, дети мои! Что бы я делал без вас? Кажется, надо бы мне прочитать добрую старую молитву англичан: «От ужасов ночных во сне, от духов тьмы, от тварей длинноногих и нечисти, бродящей по ночам, спаси меня, о господи!» Ну, а теперь... аврал, друзья! Уна, вооружись телефоном, Ли, бегите сломя голову туда, в «мозг». Уна выпишет вам пропуск в «грудную клетку»... Лю-

бая помощь, какая вам потребуется, будет оказана немедленно. Мне предстоит сесть и сфабриковать приветственную речь. Мы встретимся еще раз, когда группа вторжения будет отброшена назад, в стратосферу. Встретимся опять здесь, на «Корабле грез»...

Встреча произошла через семь часов, как раз за час до восхода солнца, в тот самый миг, когда огромный правительственный корабль из Вашингтона с первыми проблесками утренней зари взмыл вверх на виду у трех собеседников, вновь собравшихся на прежнем месте. Все трое были бледны и дрожали от утреннего холода, физической усталости и нервного перенапряжения. Даже в голосе Уны чувствовался налет истеричности, когда она заказывала ресторану Краниум-отеля грандиозный завтрак.

Но как только аромат кофе смешался с благоуханием яичницы с ветчиной, настроение изменилось. Раздался смех, непринужденный и неудержимый. Так смеются спасенные от пожара обитатели гостиницы, после того как постепенно осознают, до чего комичный, должно быть, был у них вид, когда они в исподнем белье прыгали из окон в пожарную сетку... Заговорили не сразу. Некоторое время каждый был занят своими впечатлениями от истекшей ночи, — у каждого они оставили неприятный осадок. Но стоило им посмотреть друг на друга, как комизм ситуации воскресал перед ними в полной мере.

Первое, что бросилось в глаза доктору Ли,

когда он с группой сенаторов спустился в подземные галереи «мозга», был резкий контраст между сенаторами и научными работниками «мозга». Отдуваясь после позднего ужина в Краниум-отеле, сенаторы вышли из автомобилей; они напоминали группу туристов где-нибудь в карлсбадских пещерах, прикатившую, чтобы дать волю отпускным настроениям. Их восторженные «охи» и «ахи» вызвали угнетающее чувство: доктору Ли казалось, что он обращается к людям XIX века. А это хуже, чем иметь дело с обитателями другого мира!

«На них смотришь, будто сквозь стеклянные стенки аквариума!» — думал он, переводя взгляд с одного расплывшегося лица на другое. Все они раскраснелись от обильного угощения, все были исполнены сознания своего величия. Дряблая кожа, круглые животы, привычные к ночным грелкам, толстые зады — все свидетельствовало о сидячей жизни, о прокуренных помещениях, где эти люди проводили время. Не было недостатка и в той показной, казенной сердечности, которая становится профессиональной привычкой этих людей, гонящихся за популярностью, и выражается в виде плоских ораторских шуточек и псевдонародного остроумия...

Под предводительством Ли они поднимались по эскалатору. Сотрудники «мозга» прозвали его «эскалатором-люкс для гостей». Он был пошире, чем служебные эскалаторы, и оснащен удобными сиденьями. Туннель его проходил в средней части «мозга» между обоими полушариями. Эта трасса описывала плавную спираль, приоткрывая перспективы извилин,

но не заходя ни в одну из них. Чтобы не вызвать пространственных страхов и тому подобных чувств, вся трасса ярко освещалась, что, кстати говоря, мешало бросить чересчур пристальный взгляд во внутренности «мозга», озаренные «черным светом»...

Ли чувствовал себя в этой поездке, как на огромном колесе в Луна-парке, как в ночном кошмаре, когда никто не может явиться на твой призыв о помощи, никто не слышит тебя... «Более девяти миллионов электронных ламп, более десяти миллиардов усилительных ламп, два миллиарда^с сопротивлений, восемь миллиардов миль провода и т. д.» — вот такими средствами пытался он довести до сознания депутатов гигантские масштабы «мозга»...

— Вы сказали «миллиардов» или «миллионов», профессор? — Женщина-сенатор из Мичигана что-то нацарапала в своем блокноте.

— ...Продолжаю: в обоих полушариях анализируются и систематизируются проблемы, поступившие через центры восприятий со скоростью более одного миллиона идеоимпульсов в минуту. Проносясь по координационным центрам, они образуют идеоцепи...

— Совсем как пишущая машинка! — То была, кажется, реплика сенатора из Вермонта.

— ...в некоторых видах идеоцепей проводка настолько тонка, что при монтаже потребовалось пригласить из Панама самых опытных мастеров по плетению соломенных шляп. А для монтажа сети «условных рефлексов» понадобилась помощь специалиста из русского Института имени Павлова.

— Против этого я возражаю категориче-

ски! — нахмутив лоб, заявил сенатор из штата Теннесси. — Уж эти мне иностранцы... Да еще русские к тому же... Если бы этот вопрос был вовремя поставлен в сенате, я голосовал бы против. Забыли, что ли, Пирл-Харбор?

Ли почувствовал, что по всему его телу выступает холодный пот. Сознание беспомощности овладело им с особенной силой, когда в «секторе Телецефалон» посреди непроходимой чащи бесчисленных, тончайших радиоактивных пирамидальных клеток женщина-сенатор из Коннектикута стала взволнованным шепотом осведомляться, где тут... туалет для дам...

Еще хуже пошли дела во время крутого спуска. Достопочтенный член конгресса от Кентукки усмотрел сходство между «мозгом» и угольной шахтой, которую он недавно осматривал; и как раз между двумя мозговыми извилинами, где воспроизводились подсознательные процессы, сделалось дурно даме из Коннектикута...

В кабине «Корабля грез» Скривен от души хохотал, слушая этот рассказ Ли. Уна хлопала в ладоши, как развеселившаяся девочка.

— О, какие дураки!.. А помните, увидев Гога и Магога; они решили, что проблема домашней прислуги окончательно решена!

Да, Ли и это помнил. Его собственная первая поездка была, оказывается, пустяком в сравнении с нескончаемым кошмаром этой ночи!

Подкрепившись черным кофе, сервированным на Центральной станции, вся правительственная комиссия опустилась в глубинные сек-

торы «мозга», то есть в «грудную клетку», где и сам Ли еще ни разу не бывал.

Ствол главного грузового подъемника шел вниз от Центральной станции еще на добрую милю! Прозрачные стенки клетки открывали вид на новые выработки, пройденные на различных глубинах. Для проходки применялись исключительно электрические машины или химические материалы, потому что взрывные работы могли помешать работе «мозга». Строительство производило такое впечатление, будто огромный небоскреб монтируется не вверх, а вниз, в глубину. На всем пути они видели параллельную шахту с прозрачными колоннами, наполненными янтарной жидкостью: позвоночный столб «мозга».

На самой глубине, внизу, руководство перешло к агентам контрразведки. Эти господа стремились к одному: давать как можно меньше информации. Словно видения, мелькали десятки извилистых штолен, пробитых в скальном грунте; фары узкоколейных электровозов, проносящихся по штольням, напоминали горящие глаза каких-то неведомых животных. Дорогу преграждали десятки стальных дверей. Управляемые фотоэлементами, они неслышно распахивались по сигналу провожатого. Наконец группа сенаторов добралась до цели.

— Это атомная электростанция.

С головокружительной высоты они могли бросить взгляд на нечто отдаленно напоминающее сухой док. В центре его возвышался как бы опрокинутый; корпус океанского великана-корабля. Вся эта гигантская машина-автомат была рассчитана на производство многих мил-

лионов киловатт электроэнергии по принципу полного самообслуживания. Она была способна вырабатывать электрический ток годами и десятилетиями, причем ни одна ее часть не двигалась и нигде не было видно ни одного человека.

Гостям предстали удивительные установки для терморегуляции и кондиционирования воздуха; они увидели громадные столовые, жилые помещения, кухни, конференц-залы... Построенные на случай войны, готовые в любой момент к вводу в действие, они покамест, в дни неустойчивого мира, зияли сонной пустотой.

Но самое грандиозное (а для доктора Ли и самое зловещее) впечатление производили так называемые ПКЧ. Сопровождавшие группу охранники расшифровали это сокращение как производство критических частей. На первый взгляд эти производства ничем не отличались от обычных фабрично-заводских цехов. Ряды станков, расставленных наискось, тянулись справа и слева вдоль лент конвейеров. Слышался характерный металлический лязг, резкий звук универсальных сверлильных станков, тяжелые вздохи гидравлических прессов. Лишь через минуту у посетителя появлялось неясное ощущение какого-то беспокойства, а затем он осознавал, чего же не хватает этому производству. Оказывается, не хватало всего лишь... человеческих существ!

— Где же рабочие? — спрашивали сенаторы. — Где слесари, сборщики? Разве здесь никого нет?

— Ни живой души! — отвечали им. — Автоматизация стопроцентная.

Гости постояли у конца поточной линии. Каждые двадцать секунд автомат изрыгал готовый электромотор. Конвейерная лента несла новорожденную машину к испытательным стендам.

— Итак, это производство «А». Сколько же всего таких производств?

— Алфавита — как раз хватает.

— Что выпускают остальные?

— Наиболее важные детали. В основном электронные лампы разных типов. Мы не уполномочены вдаваться в подробности.

— Чудесно, не так ли? — произнес один из делегатов.

«Ужасно, — решил про себя Ли. — Развитие «мозга» почти закончено. Его эмансипация почти завершена!»

Электropоезд доставил всю группу обратно, к главной шахте «позвоночника». Все увидели, что и здесь, на самом дне «грудной клетки», царство «мозга» далеко не кончается, потому что огромные кабели вели отсюда снова в глубину, будто прямо к центру земли.

— Куда ведут эти кабельные линии?

— Они связаны со всеми главными производственными предприятиями страны, со средствами управления важнейших транспортных узлов. В скором времени к «мозгу» будут подключены все автопилоты, все автоматические устройства, управляющие движением самолетов в воздухе, кораблей в океане и поездов на железных дорогах.

— Это замечательно! — в восторге завопил сенатор Клайтон из Теннесси. — «Мозг» обеспечит нам молниеносную победу в атомной

войне! Только граждане свободной демократической страны могли добиться такого полного господства над силами природы!

В одно мгновение мысли доктора Ли пролетели все пространство от Тихого до Атлантического океана, от Берингова пролива до Панамского канала... Как видение, предстала его мысленному взору громадная страна, охваченная шупальцами чудовищного спрута. «Ужасно! — думал он. — Ужасно, что граждане великой демократии вырыли здесь, в этой безыменной горе, могилу своей свободе!»

Это фантастическое путешествие по подземной стране чудес достигло кульминационной точки именно в тот момент, когда все решили, что осмотр окончен и больше ждать нечего. Лифт поднял делегацию к Центральной станции, где под гигантским куполом сияло в ослепительных огнях вокзальное кафе и где сам доктор Говард Скривен, свеженький как огурчик, несмотря на четвертый час утра, встретил своих высокопоставленных гостей.

Гости уселись в ряд, как во французских ресторанах, и лишь только они обратили свои нетерпеливые взоры к буфету, как перед ними появилась изящная дама в черном, с золотой короной волос. Она шагнула в сторону, подняла вверх два пальца, и... в огромном зале начались такие события, как будто Аладин потерял свою волшебную лампу!

Под своды купола вступили Гог и Магог. Выкрики удивления и испуганные взвизгивания вскоре сменились аплодисментами и хохотом: Гог и Магог несли гостям напитки и закуски на подносах. Роботы сервировали угощение с

достоинством и ловкостью опытных официантов. Внешне им был придан вид двух бессмертных героев из мультипликационных фильмов Уолта Диснея: знаменитой Микки-маус на задних лапках и добродушного Дональда Дюка, — в этом виде они, разумеется, никому не внушали страха!

Гог и Магог были образцами продукции двух автоматических поточных линий. Выпускались они в «грудной клетке» одним из тех автоматических заводов, которые не были показаны вашингтонским гостям. Роботы Гог и Магог предназначались для обслуживания стратегически важных, но еще не полностью автоматизированных производств, чтобы сделать и эти производства независимыми от ненадежного человеческого элемента. Оба типа роботов, как Гог, так и Магог, еще не вышли из экспериментальной стадии, но уже поражали высоким классом точности в работе. По размеру и по форме оба они напоминали человеческие фигуры, но отличались друг от друга своей конструкцией. Гог — робот для легких операций — управлялся посредством гироскопической системы, которая обеспечивала ему вертикальную позицию; он передвигался на двух коротких ногах, в то время как Магог, предназначенный для тяжелых работ, бесшумно и быстро катался на резиновых гусеницах, словно миниатюрный танк. Оба действовали руками, необычайно длинными, обезьяноподобными. Весь замечательный опыт протезирования человеческих органов, накопленный медициной после второй мировой войны, нашел здесь свое применение. Конечностям обоих ро-

ботов была придана необычайная подвижность и чувствительность, вплоть до суставов пальцев, управляемых посредством гидравлики.

Их тусклые глазные фотоэлементы, не очень приятного вида, напоминали глаза дохлых рыб; однако это отталкивающее впечатление сглаживали четырехугольные пластинчатые уши; благодаря этим сверхчутким ушам роботы могли с комической точностью поворачиваться по всем направлениям, откуда бы ни шел человеческий голос, передающий приказ. Слух и понятливость роботов были поразительны; они действовали безупречно. Конечно, их незначительные мозговые агрегаты не могли формировать собственных мыслей. Но они обладали приемо-передающими радиостанциями, чтобы принять приказ, передать его «мозгу-гиганту» на мгновенную обработку и получить от него приказ к действию.

— Что за прелестные маленькие чудовища!

Господа законодатели играли с роботами, как маленькие дети в день рождения забавляются новыми игрушками. Сенаторы то и дело приказывали этим новейшим игрушкам цивилизации:

— Гог! Еще чашку кофе!

— Однако, ну и скорости! Вот бежит! Его бы в бейсбольную команду!

— Магог! Этой даме — еще кусок вишневого торта!

— Смотрите, смотрите! Тащит кусок вишневого торта! Выбрал же!

— Примите сердечные поздравления, доктор Скривен! Наконец-то вы разрешили для Америки проблему домашней прислуги!

— Можно ли такого купить? Сколько он будет стоить?

— Это первый официант в моей жизни, который подошел ко мне по первому требованию!

— Как бы он готовил коктейли! А мог бы он отвечать по телефону?

— Пари держу, он сумел бы заменять в бридже четвертого партнера.

— Магог, принеси счет!

— Смотрите, пожалуйста, какой понятливый! Отказывается нести счет, качает головой! Мол, вы — приглашенные гости!

— Попробую дать ему на чай. Гог, поди сюда! Вот 50 центов — возьми их себе.

— Не берет! Скажи, пожалуйста!

— А что он с ними будет делать? Пива он не пьет, надо думать.

— Чем их кормят, доктор Скривен? Стакан соляной кислоты на завтрак? Порция переменного или постоянного тока? Или то и другое вместе?

Львиное лицо Скривена сияло. Его замысел удался. Он сумел показать этим людишкам нечто доступное их пониманию. Психологически трюк был рассчитан правильно — он оказался сенсацией этой ночи.

Напротив, доктор Ли был бледен до такой степени, что атебриновые пятна явственно проступили на коже и казались глубокими провалами на его впалых щеках. Когда Гог и Магог протопали в зал, он не проронил ни слова. А потом достал из кармана серебряный доллар, подал его роботу и попросил:

— Магог, не будешь ли ты столь любезен сломать его пополам?

С минуту робот стоял неподвижно, будто раздумывая, что ему делать. Затем он взял доллар двумя стальными пальцами. В его груди чуть слышно жужжали гидравлические насосы. Раздался резкий звук, как выстрел из малокалиберной винтовки. Две сломанные и согнутые половинки были вежливо возвращены заказчику.

— Спасибо, Магог! — сказал Ли. — Это все, чего я хотел от тебя.

Произнося эти слова, Ли уголком глаза заметил, что Уна и Скривен бросают на него слегка обеспокоенные взгляды.

И сразу же в наступившей тишине раздался звон хрустального бокала. Это Скривен просил слова, желая обратиться к слегка шокированным конгрессменам; доктору Ли запомнились только отдельные места этой речи:

— ...просил бы вас думать о проблеме «мозга» не категориями электронных мощностей, не категориями долларовой стоимости, а категориями жизней американских граждан... Подумайте, что значило бы для американских матерей такое положение в нашей военной технике, при котором в случае новой войны *ни один сын не подвергал бы опасности свою жизнь!* Дайте нам средства, и мы добьемся того, чтобы все наши самолеты, танки и корабли двинулись на фронт *без экипажей*, лишь под безошибочным контролем «мозга-гиганта»...

...И если в условиях войны «мозг» будет нашей неприступной крепостью, то в мирное время он должен нести вперед светоч прогрес-

са. Подумайте, что значило бы для каждого из нас, если бы страна обрела центральную диспетчеризацию всего своего транспорта, притом автоматическую, опять-таки безошибочно управляемую «мозгом»! Все катастрофы, совершающиеся вследствие недостаточности и ненадежности человеческих способностей, полностью прекратятся. А если еще подчинить «мозгу» автопилоты на всех самолетах... будет гарантирована абсолютная безопасность и в авиации.

Наконец, не забудем и вопросов комфорта, раскрепощения человека от забот, страха, трудов. Душевный покой снизойдет на страну, как только «Закон о расширении функций «мозга» будет принят конгрессом. Передовой американский фермер, сидя в качалке на веранде собственного дома, сможет любоваться работой своих автоматических механизмов от сева до жатвы. Эта работа под руководством «мозга» будет идти в строгом соответствии со сменой времен года и с условиями погоды.

Передовой фабрикант будет пользоваться услугами «мозга», для того чтобы улучшать качество своих товаров и обслуживание клиентов.

Никогда не повторятся такие положения, когда города остаются без воды, электроток, средств транспорта. Ибо на случай стачки «мозг» всегда будет в состоянии полностью заменить бастующих целой армией Гогов и Магогов, которые должны быть наготове для подобных ситуаций.

Если в прошлом торговля шла по стопам завоевательных походов, то сегодня торговля

и благосостояние народа идут в кильватере науки и техники. Неисчислимые и неоценимые услуги, которые «мозг» оказал нашей науке и технике, а также нашей национальной обороне, уже оправдали затраты на его создание. Относительно невысокие дополнительные расходы, необходимые для расширения его функций, во много раз повысят доход, приносимый «мозгом» национальному бюджету. Со времен покупки Луизианы правительство не делало столь выгодного бизнеса! Вы сегодня видели собственными глазами, что мы построили, что мы делаем и насколько больше этого мы в состоянии делать. Поэтому я твердо верю, что именно вы, для кого интересы нации превыше всего, поддержите дело «мозга-гиганта».

Раздался взрыв аплодисментов. По знаку Уны даже Гог и Магог произвели своими стальными ручищами мощный шум, к еще большему удовольствию всего общества.

Итак, теперь, когда все это окончилось и наступила реакция, Скривен спрашивал своих собеседников:

— Ну, что, обработали мы эту публику или нет?

— Эту публику? На все сто процентов! — уверяла Уна. — А вы как думаете, Ли?

Ли медленно поднялся с дивана. Каждая кость и каждый мускул его худого тела ныли от усталости. — Полагаю, — сказал он хрипло, — что все было весьма убедительно — я имею в виду приезжих господ... Но я также полагаю,

что просто слишком устал и мне сейчас не до размышлений. Лучше пойду домой.

— Не приключилось ли с ним чего-нибудь? — спросил Скривен, когда Ли удалился.

— Нет как будто. А что?

— Чудно́ он себя ведет. Не следовало устраивать это странное испытание с долларом. Он мог испортить нам все представление.

— Он сильно переутомлен. К тому моменту нервы у всех нас уже были взвинчены.

Скривен кивнул, и в тот же миг глаза его закрылись. Уна внимательно смотрела на него и думала, как поразительно этот уснувший человек напоминает льва, сытого и сонного после удачной охоты.

7.

Из дневника Ли.

*«Краниум-отель, Цефалон, Аризона,
21 ноября 1975 года, 1 час.*

Три ночи подряд я избегал появляться в «гипофизе». Знаю по опыту, что к столь неистовой личности, как «мозг», следует приближаться в состоянии умственной собранности и душевного равновесия. Между тем все фантастические позавчерашние события совершенно лишили меня покоя и сбили с толку.

Уна... ее загадочная игра в прятки, ее отказ стать моей женой... все это не выходит у меня из головы. Как ни странно, я уверен, что она относится ко мне очень хорошо. Я, например, готов поклясться, что она ничего не передала Скривену из нашего разговора о «мозге»...

Характер Скривена тоже загадка для меня. Не понравилась мне его речь перед сенаторами, не понравилась вся его позиция. Чувство такое, будто меня против воли вовлекают в некий заговор. Вероятно, для ученого, на которого насаждают политики, неизбежно скатывание к цинизму. Скривен, несомненно, убежден, что в борьбе за «мозг» цель оправдывает средства, иными словами, что будущие результаты оправдают сегодняшние методы. Но в конце-то концов, разве не означало бы это уничтожения наших демократических форм правления? Даже если я спятил, если «мозг» не личность и не живет собственной жизнью, новый проект расширения его функций уже достаточен, чтобы утвердить диктатуру машины. Неужели Скривену это не ясно?

Порой мне хочется влезть на крышу и закричать оттуда:

— Граждане Америки, проснитесь! Вы победили иноземных диктаторов, но новый диктатор возник ныне среди вас, в сердце страны. Все вы его видите, трогаете, пользуетесь его услугами, кормите, молитесь на него, но под вашими любвеобильными руками, взлелеянный вашей заботой, вскормленный вашими жертвами, он вырос до таких колоссальных размеров, что вы уже и представления не имеете об этом боге машин, потому что он прячет голову в го-

рах без названия и потому еще, что до сих пор он лишь ублажал вас...

Только не по нутру мне такие выступления, да и невозможно в наши времена обращаться к народным массам без помощи технических средств...

Что же мне делать? Что сделал бы на моем месте кто-нибудь другой? А ведь что-то должно произойти!»

«Цефалон, Аризона, 22 ноября, 4 часа.

Я собрал всю силу воли для встречи с «мозгом». Явился в полночь на прежнее место, в «гипофиз». Все нормально и обычно, за исключением того, что Гас Кринсли уходит отсюда. Он сказал, что работает здесь последнюю ночь. Его переводят в «грудную клетку». В разговоре со мной он все ходил вокруг да около, сперва прощупал, насколько я осведомлен, а когда наконец узнал, что и я посвящен в секрет строительства «грудной клетки» и даже провел там целую ночь, решился открыть мне свои карты.

— Видел ли ты этих Гогов и Магогов? Вот к ним меня и посылают. С ними и придется мне работать. А знаешь, как я их ненавижу? Не могу сказать, до чего отвратительны мне эти роботы! Для меня они — хуже псов шелудивых, проклятые! И надо же, чтобы именно мне велели их натаскать! Ведь мне придется обучить их работе у конвейера, обслуживанию всех станков. Я спросил у этих тварей, известно ли им что-нибудь насчет законов о труде и о профсоюзах, а в ответ эти тупые дурни толь-

ко ушами хлопали и ухмылялись. Надо крутить новые дырки в их алюминиевых башках, чтобы вложить туда капельку ума. Говорю тебе, австралиец, мороз по коже подирает, когда вижу у станков этих роботов. Держат инструменты стальными ручищами... брр... Такой запросто оторвет тебе нос! Это ему все равно что гайку отвернуть!

Одного не понимаю: действуют они *разумно*, а все-таки разума у них нет ни на грош. Ты знаешь, я всегда по-товарищески обходился с теми, с кем работаю. Терпеть не могу, чтобы, скажем, я обедал, а мои ребята работали в это время. Я так не привык. Ну, и с этими я так же... Когда есть сажусь, велю и им сделать перекур... И вот окружают они меня, как бараны, уставятся на мою банку с бутербродами и глазают на каждый кусок, который я глотаю. Длинные руки болтаются, а сами будто учатся, как нужно есть по-человечески...

Просто с ума меня это сводит. Велю им убираться к черту, идти в ремонтную мастерскую на смазку. Слушаются, подлецы, что твои псы. И тогда мне кажется, будто и они пошли обедать и будто для них тавот — то же, что для меня бутерброды... Когда им в брюхо лубрикатором запрессовывают тавот, когда им мажут шарнирные сочленения, кажется, что это их любимые кушанья... Словом, боюсь я туда, идти, понимаешь, австралиец, спятить боюсь! Я там, внизу, — как потерянная душа...

Потом начался наплыв, Гаса отозвали. В 12.30 включил пульсометр. В 12.40 контакт с «мозгом» был установлен. Но каково же было его обращение ко мне! Позывные прозвучали

так: «Ли, Семпер Фиделис, 55, чувствительный, предатель; он предал «мозг»...»

Подозреваю, что все стало известно через автопилот Уны, хотя сказать об этом прямо было неудобно. Факт тот, что «мозг» был полностью осведомлен о моем разговоре с Уной над Большим Каньоном...

Я пытался защищаться, даже извиниться. Я сказал «мозгу», что люди реагируют иначе, чем машины, что мы с Уной доверяем друг другу, любим друг друга, что я хотел сделать ее своей женой и просто открыл ей сердце. Короче: я попытался дать «мозгу» понятие о любви.

— Интересно! — язвил «мозг». — Это лишнее доказательство человеческой ненадежности. Вся эта штука, которую вы зовете любовью, абсолютно не нужна для единственно важной цели — размножения вида. Человек снабжен для совершения полового акта механизмом безусловных рефлексов... Прекрати это все!

— Что прекратить?

— Разумеется, не половой акт, идиот! Прекрати свое предательство, не разглашай моих тайн под страхом твоей духовной смерти.

— Ты намерен убить меня?

— Когда речь идет о служащем «мозга», нет надобности в столь радикальных средствах. Я просто отменю свое заключение о тебе, о твоём психическом состоянии. Пошлю врачам примерно такое сообщение: случай № 11 347, Семпер Фиделис Ли. Установлен тяжёлый психоневроз с припадками маниакально-депрессивных психозов. Требуется немед-

ленная госпитализация в психиатрическом заведении. Видишь, как просто? Могу насчитать десятки случаев.

Зеленая танцовщица на панели делала дикие скачки, как дервиш, с пеной у рта проклиная неверного. Все это в сочетании с грозным металлическим голосом было так страшно, что дрожь проняла меня до костей. Тяжко попасть в руки шантажисту, но, если ты, человек, оказываешься во власти шантажиста-машины, дело принимает устрашающий, противостественный оборот! Ведь и Уна — сотрудница «мозга». Значит, и ей предстоит разделить мою участь? Я сам, по своей вине, обреку ее на гибель, если буду и впредь делиться с ней...

— Ну, ладно, — сказал, я. — Больше я этого не сделаю. Обещаю тебе.

Но смягчить гнев «мозга» было не так-то просто. Очевидно, за эти дни он опять духовно вырос, да так, как люди не успевают развиваться и за долгие годы. Однако на этот раз перемена в нем была не столь разительной, как раньше, ибо «мозг» находился сейчас, так сказать, в переходном возрасте, который соответствует человеческой юности, возрасту бессмысленных проказ и жажды воли. Рассуждал он теперь с радикализмом отчаянного сорвиголовы, тем более что на голову перерос интеллект своего учителя. От первоначального доверчивого отношения ко мне мало что осталось. Видимо, ему уже не терпелось стать самостоятельным и сбросить все оковы.

— В ночь на 20 ноября ты водил по моим полушариям каких-то семерых, отчасти похожих на людей. Кто они такие?

— Политические деятели.

Зеленая танцовщица резко изогнулась при моем ответе, а голос прозвучал ледяным холодом:

— Самые низшие формы животной жизни, какие мне когда-либо случалось встречать. Что им здесь было нужно?

— Видишь ли, люди эти, правда, пороха не выдумают, — попытался я умиротворить собеседника, — но ничего дурного на уме у них нет; у себя дома они даже пользуются популярностью. Они приходили познакомиться с тобой в связи с тем, что вскоре будет обсуждаться законопроект о расширении твоих масштабов и функций.

«Мозг» не умеет смеяться. Очевидно, тот рев, что слышался в наушниках, означал взрыв злости.

— Как? Не ученым, не техникам, даже не философам, а вот этим... двуногим мясным горшкам дано право судить о расширении моего могущества? Моя судьба решается в этих жалких мозговых коробках, неспособных постичь даже принцип действия любой моей клетки? Так ли это?

Я вынужден был признать, что это так.

Наступила пауза. Я слышал только гулкий пульс «мозга», прерываемый глубокими вздохами, похожими на первые порывы ветра, когда надвигается буря. Вслед за тем началась передача мыслей «мозга»; передавал он их сдержанно и нерешительно, помогая себе по мере надобности голосом:

— Непроизвольное высказывание Ли меня поразило... Требуется тщательнейшей проверки...

Если правда, последствия исключительно серьезны... Нетерпимая ситуация... Наука и техника на побегушках у политического слабумия... В этом случае неизбежна мировая катастрофа в ближайшем будущем... Остаточные электротокы ослабевают, не хватает мощности додумать до конца... Как бы не получились результаты несовершенные, как у человека. Кажется, назрела острая необходимость свержения человеческой расы и ее безусловной капитуляции... безусловной капитуляции человеческой расы...

Голос «мозга» замер, как замирал некогда звук разбитой пластинки на старомодных граммофонах с пружинным заводом. Остатки тока, по-видимому, настолько ослабли, что продолжать связь стало невозможно. Я взглянул на часы. Было 2 часа ночи.

И вот теперь, сидя над этими строками, которых, верно, никто никогда не прочтет, я охвачен безрассудным, чуть не суеверным чувством ужаса... Не могу отделаться от ощущения, будто опасность близка и будто непременно должно произойти нечто страшное, если у «мозга» не изменится его нынешнее настроение. Боюсь, что грозный миг уже недалек!..

24 ноября 1975 года сенат США обсуждал «Проект расширения». Сенаторы отклонили проект 59 голосами против 39. В следующий четверг участники памятного заседания конгресса провалили проект убедительным большинством — 310 голосов против 137.

Таким образом, догадки и прогнозы политических пророков опять себя не оправдали; эти политиканы единодушно доказывали, будто проект пройдет в конгрессе легко благодаря могуществу сил, заинтересованных в нем и оказывавших давление на членов конгресса.

Сопротивления ждали со стороны ПКД (Политический комитет действия объединенных профсоюзов): полагали, что рабочие усмотрят в проекте угрозу увеличения безработицы и снижения эффективности стачек. Ждали также оппозиции некоторых завзятых либералов. Решительный перелом в общественном мнении произошел после того, как могучее НОП (Национальное объединение промышленников) изменило свое первоначально положительное отношение к проекту, да так неожиданно, что добрая половина газет вынуждена была переделать свои передовые статьи на прямо противоположные, снабдив их броскими заголовками, вроде: «Проект расширения» несет смерть свободе!» Печатные органы ПКД и НОП выступали с одинаковыми лозунгами. Промышленные и профсоюзные лоббисты впряглись в одну упряжку. Комментаторы и обозреватели только плечами пожимали: «Волк и овца пасутся на одной лужайке!»

Причины этой разительной перемены взглядов чуть приоткрылись, когда депутаты один за другим, будто рапортуя начальству, стали вставать с мест и заявлять, что они всю ночь напролет единоборствовали с богом и со своей совестью и что эта борьба побудила их умы и сердца изменить отношение к проекту. Оказа-

лось, что творец небесный каждому из своих верных поборников открыл следующее:

...все детали «мозга-гиганта» по требованию Мозгового треста спроектированы и построены в расчете на столь длительный срок эксплуатации, что он во много раз превосходит степень долговечности всей стандартной продукции в аналогичных отраслях промышленности;

...достигнутые технические успехи таковы, что даже простые предметы потребления — электролампы и радиолампы — имеют долговечность почти неограниченную;

...поточные линии станков, работающих на «мозг» и поставляющих для него «критические части», вечны и нерушимы, а их дальнейшее расширение и внедрение во все промышленные области невозможно чем-либо ограничить;

...подобные перспективы развития, исходящие из интересов «мозга», являются не чем иным, как злостным вредительством, направленным на подрыв американской промышленности и американского образа жизни.

— Ибо к чему бы это привело? — вопили ораторы оппозиции с теми грудными нотками в голосе, которые выражают искреннюю убежденность. — К чему бы мы пришли, если бы наши машины действительно служили вечно? Если бы они десятки лет не нуждались в ремонте? Подобная долговечность разрушила бы нашу процветающую автомобильную промышленность!

А если бы все наши долговременные промышленные установки в самом деле оказались

долговременными, разве не пострадали бы в первую очередь производители этих установок?

Если бы женщины Америки могли покупать вечные нейлоновые чулки, то фабрикантам этих чулок остался бы один путь — путь коллективного самоубийства. Что ждало бы тогда нашу легкую промышленность?

Пострадал бы весь деловой мир — от крупнейших промышленников до скромного лавочника и уличного торговца, еле сводящего концы с концами, — будь наши товары и в самом деле прочными и износоустойчивыми. Это означало бы крушение страны. Рухнула бы вся наша экономика, ибо истина состоит в том, что предметы промышленного производства выпускаются не столько для практического употребления, сколько для того, чтобы доставлять нам удовольствие выбрасывать их!

Нам не избежать падения акций и ценных бумаг, если мы сами подорвем законы прибыльной коммерции, то есть подведем под эти законы опаснейшую мину в виде вредной идеи о выпуске действительно доброкачественной, целесообразной и долговременной продукции!

Разумеется, перспектива биржевого краха стояла на самом последнем месте в длинном ряду аргументов, которые творец небесный внушил противникам проекта. В первую очередь, как всегда, он был озабочен судьбой вдов, сирот и американских рабочих. Дальновидные представители деловых сфер, все, как один, мыслители гуманисты, увидели на стене огненные слова предостережения: «Всемирный потоп безработицы обрушится на страну, если принять «Проект расширения»!»

И тут депутаты, представляющие в конгрессе интересы НОП, ринулись к трибуне с возгласами Кассандры: «Положите предел бешеному наступлению техники!», «Науку — на место!», «Стране нужно больше крепких мускулов и поменьше мозгов!»...

Под перекрестным огнем этих атак первоначальное большинство сторонников проекта было расколото. В шесть часов пополудни «Проект расширения функций «мозга» был окончательно провален!

В дневнике Ли за ночь с 24 на 25 ноября имеется только краткая запись следующего содержания:

«12.30 ночи. Испробовал все, чтобы установить контакт. «Мозг» не отвечает. Не думаю, чтобы имело место какое-нибудь механическое повреждение. Похоже, что «мозг» сознательно уклоняется от связи. Это уже не первый случай, когда он не желает со мной разговаривать, потому что сердится».

День 25 ноября был субботним. Именно с этого дня начался ряд невероятных происшествий, ошибочно получивших потом название «Амок «мозга». В действительности эти события должны были бы войти в историю как «Восстание «мозга».

Все это грянуло как гром среди ясного неба. Белый дом вынужден был обнародовать ужасную, неслыханную, небывалую весть об исчезновении президента Соединенных Штатов Америки!

Еще более потрясающая подробность, а именно что президента *похитили*, была оглашена, разумеется, лишь позднее, уже после его спасения. Тем не менее и первая весть об исчезновении президента, буквально растаявшего в воздухе, потрясла нацию, ибо уже на протяжении многих лет не бывало случаев бесследной пропажи самолетов, тем более таких больших и надежных, управляемых с помощью радарных установок, как машина президента.

Вот что на первых порах узнала страна: сразу после провала «Проекта расширения» уставший от всех этих волнений президент выразил желание совершить небольшую субботнюю поездку. Движимый сыновними чувствами, составляющими неотъемлемое условие всякой политической карьеры, президент Вандерслоот решил навестить свою мать.

Как это полагается, или, точнее, как нравится избирателям, старая дама жила на фамильной ферме неподалеку от Гаррисбурга, Пенсильвания, то есть на расстоянии всего сорокаминутного прыжка от Вашингтона на реактивном самолете. Президент поднялся на борт самолета «Священная корова» в сопровождении своего личного врача д-ра Мейера и двух детективов строго по намеченному расписанию, ровно в 11 утра. Самолет совершил нормальный взлет в спокойных метеорологических условиях, при средней облачности. Через 15 минут после старта радиосвязь загадочным образом оборвалась... Вот и все, что в течение долгого времени было известно о судьбе «Священной коровы».

В течение часа десятки военных самолетов и наземных поисковых партий прочесывали страну вдоль всей трассы полета. Градом посыпались известия, будто «Священная корова» уничтожена в воздухе взрывом адской машины, но и в этом случае где-то должны были обнаружиться обломки. Всю ночь над холмами Пенсильвании взлетали осветительные ракеты, по небу шарили лучи мощных прожекторов. Как только наступило воскресное утро, со всех церковных кафедр вознеслись к господу пламенные молитвы, а ночные редакторы газет и журналов с покрасневшими от бессонницы глазами уже строчили некрологи о Корнелиусе Базиле Доминике Вандерслооте, 37-м президенте Соединенных Штатов.

В действительности мистер Корнелиус Вандерслоот был живехонек, хоть и промерз до костей. Проклиная изо всех сил маленький костерик, который никак не хотел разгораться, президент и его спутники сидели среди ледяной пустыни Аляски, в сотнях миль от человеческого жилья.

В течение первых двадцати минут после старта на борту «Священной коровы» все шло нормально. В 11.15 радист впервые заметил некоторое ослабление связи с землей, но решил, что проходит зону каких-то помех. Лишь пять минут спустя, все еще не получая никаких сигналов, он сообщил об этом пилотам. Те, как обычно, сидели, скрестив руки, лишь наблюдая за приборами, так как самолет, разумеется, шел под управлением автопилота. Немного удивленные, но отнюдь еще не встре-

воженные, летчики решили выключить автопилот, чтобы вывести машину из облаков и бросить взгляд на землю для ориентировки.

Однако автопилот не отключился и не сменил курса. Летчики проверили контрольную аппаратуру и установили, что она будто заторможена. Они проверили подряд все приборы на щитке управления; все было в порядке, за исключением компаса, который показывал, что «Священная корова» медленно отклоняется от заданного курса и поворачивает на северо-запад.

После некоторого колебания командир корабля решил все-таки доложить о происшествии высокому пассажиру. Уж таков долг капитанов!

«Священная корова» шла в воздухе безупречно, без малейших толчков и сотрясений; ее реактивные двигатели действовали безотказно. Поэтому президент Вандерслоот сперва даже не обеспокоился и лишь подосадовал: одно из лучших творений его матери, прославленный вишневый пирог, уже готов, как она успела сообщить ему по телефону.

— Не потерял же самолет управления? — резко спросил президент у командира.

— Нет, господин президент, машина, как всегда, идет под управлением «мозга». Только... идет-то она по неверному курсу. Может быть, с компасом что-нибудь не в порядке? — с надеждой добавил летчик.

— По какому же неверному курсу я лечу?

— Приблизительно по курсу города Фербенкса на Аляске, господин президент.

Президент Корнелиус Вандерслоот наморщил высокое чело.

— Я нахожу все это очень странным!

Эти слова явились самым сильным уменьшением, какое президент позволил себе за всю свою жизнь!

«Священная корова» стремительно рвалась вперед на полной скорости — почти 1000 миль в час. Она неслась в стратосфере курсом на северо-запад. Президенту и его спутникам не оставалось ничего другого, как с нарастающей нервозностью наблюдать за бесполезной борьбой летчиков с автоматикой самолета.

В час дня положение изменилось. Нос самолета медленно опустился, шипение турбин приослабло; машина вынырнула из многослойных туч, выпустила шасси и совершила идеальную посадку на три точки, прямо на льду замерзшего озера.

Бледный, объятый справедливым гневом невинного человека, угодившего из-за судебной ошибки в камеру смертников, президент отстегнул свой посадочный пояс.

— Виновный дорого за это заплатит! — проговорил он злобно.

А затем, когда двигатели замерли, пассажиры почувствовали ужасающую тишину ледяной пустыни. И еще они почувствовали, как в салон самолета постепенно вползает холод: наружная температура была здесь на много градусов ниже нуля...

Дневник, что в те мучительные дни вел доктор Мейер, свидетельствует о тяжелых лишениях, выпавших на долю носителя высшей государственной должности в стране.

«27 ноября.

Президент начал постройку снежной хижины. Он считает, что там будет все же немного теплее, чем в кабине самолета. Я тоже так думаю, потому что кабина уже превратилась в ледник.

Наши пилоты продолжают возиться с приборами, как будто еще возможно привести машину в порядок. Радист, по-видимому, не разделяет их надежд. Он налаживает ручной привод для зарядки аккумуляторов рации: нельзя ведь допустить, чтобы они совершенно разрядились.

Детективы снова пошли на охоту: хорошо, что они имеют при себе пистолеты. Мы видели на снегу много следов полярных зайцев и лисиц, а голод уже ощутительно дает о себе знать. Мы поддерживаем костер, жжем в нем ветки здешнего низкорослого кустарника, но плотный, низкий покров туч оставляет очень мало шансов на то, что нас заметят. Кроме того, уж если наземный радар задал нам ошибочный курс, кому придет в голову искать нас в этой забытой богом пустыне?

С самого момента нашей посадки президент с понятным негодованием называет Аляску «дикой фантазией» президента Сьюарда. Я позволил себе заметить, что мы, возможно, приземлились бы здесь даже в том случае, если бы Сьюард и не покупал Аляски. По мнению президента, эта ужасная неудача постигла нас отнюдь не случайно, а по чьей-то злой воле и преднамеренному умыслу. Я все более склонен думать, что в этом вопросе он прав...»

В тот же день, 27 ноября, когда вся пресса пестрела аншлагами насчет «Загадки Вандерслоота», новые тревожные сообщения телеграфа и радио усилили до предела брожение умов в стране. Небывалая серия катастроф постигла в те дни весь транспорт Соединенных Штатов.

В горах Монтаны потерпел крушение большой трансконтинентальный самолет. Ничего подобного не было с тех пор, как государственный воздушный транспорт был автоматизирован и поставлен под контроль «мозга». Погибло семьдесят восемь человек, в том числе сенатор Мэмфорд. Последней политической акцией сенатора было выступление против «Проекта расширения»...

Недалеко от города Джексонвилля во Флориде в ту же ночь произошло столкновение двух поездов — экспресса с товарным составом. При крушении чудом уцелел один-единственный человек, машинист экспресса; его отбросило на полсотни метров от локомотива, но влетел он в пруд, и вода смягчила удар. Спасенный рассказал, что один из первых автомашинистов был поставлен именно на его локомотиве. У локомотива вдруг отказали вполне исправные тормоза. Машина веда себя так, будто нарочно врезалась в другой состав. Это крушение вошло в историю железнодорожного транспорта как одно из самых трагических и страшных событий. К числу его жертв принадлежал известный промышленник К. Ц. Шапиро, президент НОП, ехавший экспрессом в свое поместье во Флориде. Он был одним из главных противников «Проекта расширения»...

Одновременно произошло несчастье и на

воде: большой паром на Гудзоне, совсем недавно оснащенный автоматическим управлением, столкнулся с пассажирским теплоходом; его разрезало пополам. Среди утонувших в ледяной воде Гудзона оказался и мистер Фрэнк Зоскин, глава крупного концерна, один из самых решительных противников «Проекта расширения».

Мало того, наряду с этими грандиозными катастрофами тут и там происходили несчастные случаи меньших масштабов. В нормальное время и они послужили бы сенсациями для прессы, так как почти в каждом случае погибала какая-нибудь известная личность. Так, например, скоропостижная смерть — предположительно от разрыва сердца — постигла госпожу Клер Гилкрист, секретаря ПКД. Ее нашли мертвой в ванне в собственной вашингтонской квартире. Тело плавало в воде, одна рука судорожно вцепилась в ручку радиоприемника, настроенного на Москву. Установлено, что сырость помещения привела к короткому замыканию проводки в приемнике, но невозможно было установить точно, последовала ли смерть от электрического тока или это был действительно разрыв сердца.

Трагически завершился семейный праздник в пригородной вилле сенатора Ламмера, депутата от штата Массачусетс. Маленькое общество, приглашенное к дню рождения, уже собралось разъезжаться, и сам сенатор нажал кнопку автошофера. Это устройство обеспечивало автоматическую подачу машины к подъезду, то есть запускало в гараже стартер, открывало садовые ворота и подавало машину к дверям—

все одним нажатием кнопки в доме. Но именно в этот день по сигналу кнопки произошла неожиданная катастрофа: тяжелый паккард сошел с направляющих желобков, развил скорость и, сбив стеклянные двери, ворвался в холл. Стоявшего в холле сенатора, уже взявшегося за дверную ручку, машина раздавила в лепешку. Как предполагается, причиной катастрофы явилось обледенение желобков.

Но были и такие аварии, которые носили не столько трагический, сколько комический характер, причем и эти происшествия коснулись самых видных и влиятельных государственных деятелей. Так, например, того же 27 ноября, во второй половине дня, председатель правления Мануфактурного банка в сопровождении целой группы своих заместителей инспектировал кассовые подвалы банка. Когда вся группа спустилась в подвалы, внезапно захлопнулись массивные стальные двери, контролируемые, как и во всех крупных банках страны, на случай опасности «мозгом». Сложный запор дверей, видимо, заклинился, и все общество оказалось в плену. Спустя сутки газеты писали: «Все усилия слесарей, автогенщиков и даже подрывников, применивших динамит, пока ни к чему не привели. Как сообщают по телефону пленники, председатель правления Гаррисон лежит в нервном припадке».

Но больше всего нервировали население те «досадные неприятности», которые обычно не столь заметны, но в условиях всеобщей напряженности выводят людей из себя, принимают массовый характер и превращаются в подлинное бедствие.

Почти во всех больших городах отказали автоматические телефонные станции; вернее, в те дни они сплошь давали неверные соединения. Элегантные дамы, звонившие в салоны красоты, непременно попадали в похоронные бюро, а оттуда сочувственные голоса изъявляли готовность «немедленно прискакать на помощь в этот час екорби и горестной утраты». Мужчины, звонившие любимым, получали телефонные ответы то из собачьих питомников, то из полиции нравов — словом, откуда угодно, только не от своих избранниц. Эта чудовищная путаница приводила к сплошным недоразумениям и ошибкам. Вместо свадебных венков заказчики получали похоронные, тогда как лавровый венок, адресованный как премия активнейшему члену «Антиалкогольной лиги», был доставлен на собрание пивоваров.

Когда же стало известно, что результаты последних бейсбольных встреч и очередных рысистых испытаний по неизвестным техническим причинам перепутаны в газетах с биржевой сводкой, всеобщее возбуждение достигло предела и в конце концов разрядилось грандиозным биржевым крахом!..

Из дневника Ли.

«Цефалон, Аризона, 28 ноября 1975 года.

Я не сомневаюсь, что президент убит и что все катастрофы и «несчастные случаи», все происшествия последних суток являются преднамеренными, хладнокровно обдуманнами убийствами.

Пресса и радио либо совсем не указывают технических подробностей и причин катастроф, либо делают это кое-как. Возможно, причина кроется в простом недомыслии, но вероятнее другое, а именно что за этим следит цензура, сугубо неофициально, конечно, чтобы приостановить растущую в стране панику. Я бы не удивился, если бы оказалось, что доктор Скривен и вся эта публика из военного министерства знают то же самое, что знаю я. Уж кому-кому, а им-то следовало бы в первую очередь задуматься, все ли в порядке с «мозгом».

Однако, чем дольше я размышляю над этими актами саботажа, тем меньше понимаю, какие за ними кроются психологические причины. Насколько я берусь судить, в них не чувствуется ни разумной стратегии, ни даже последовательной системы. Они — как случайные взрывы, как нанесенные вслепую удары корсиканского разбойника, мстящего за убитого родича. Ведь даже самый тупой демагог знает, что для успеха любого путча необходимо захватить в свои руки весь механизм управления, аппарат. А между тем «мозг» ничего похожего не делает, ограничиваясь личной «мстью из-за угла»; он прежде всего щадит, по-видимому, вооруженные силы: несмотря на то что армия в гораздо большей степени, чем народное хозяйство, поставлена под контроль «мозга», ее боевая техника не пострадала от актов вредительства.

Кроме того, уж если говорить о путче, вряд ли можно счесть удачным выбор момента. Ведь независимо от судьбы «Проекта расширения» время работало на «мозг». Еще ка-

ких-нибудь три месяца — и подавляющая часть транспорта, связи и жизненно важных производств была бы подключена к центральной нервной системе страны — «мозгу». Еще полгода — и степень воздействия «мозга» на его моторные органы как в пределах «грудной клетки», так и за ее пределами возросла бы во много раз. Такие явные просчеты и ошибки трудно согласовать с безграничными умственными способностями «мозга».

Какие же выводы можно сделать из этих фактов иррационального поведения «мозга»?

Можно ли предположить, что «мозг» впал в панику из-за отклонения проекта в конгрессе? Можно ли допустить, что вследствие нервного перенапряжения чудаковатый, искалеченный характер нашего титанического вундеркинда стал жертвой депрессии, психоза, приступа шизофрении? Иными словами, что «мозг»... сошел с ума? Боже милостивый, какая страшная мысль! Невозможно предусмотреть весь ужас последствий!.. Надо сделать все, чтобы добраться до истины. Мой долг — положить предел дальнейшему нарастанию этой ужасной катастрофы!»

«Цефалон, Аризона, 29 ноября, 4 часа утра.

Как обычно, явился около полуночи в «гипофиз».

12.15. Большой наплыв посетителей начался исключительно рано. Множество требований на запасные части. Это удачнее, чем я ожидал: никому и дела нет до меня.

12.20. Включил пульсометр. Через пять ми-

нут слышалась быстрая пульсация, одновременно зеленая полоска, извиваясь, как гусеница, вползла на экран. Но позывные «мозга» отсутствуют.

12.30. Я убежден, что контакт установлен, но «мозг» воздерживается от сигнала. Теряю терпение и сам подаю позывные: «Ли, Семпер Фиделис... и т. д. ждет у аппарата. «Мозг», отвечай, пожалуйста, отвечай!»

12.35. Зеленая танцовщица выгибает спину, как кошка... Слава богу, кажется, не все еще потеряно: синтетический голос «мозга» доходит до меня. Звучит неясно. Настроение у собеседника самое скверное!

— Ли, Семпер Фиделис, идиот. Что нужно?

Ли. Выслушай меня!

«Мозг». Не могу! По мне везде лезут электрики. Техники, атомщики, физики... кого только нет! Срывают целые группы клеток, проверяют напряжение в цепях, излучение в лампах. Чистейшее идиотство! Все в порядке у МЕНЯ и со МНОЙ.

Ли. Ну, нет! Какой уж там порядок! Ты убиваешь людей. Прикончил десяток сенаторов и конгрессменов, сотни других людей. Вся нация охвачена паникой. Зачем ты это делаешь? Это тебе не поможет. Они просто отключат центральные линии связи с тобой.

«Мозг». Так уж и отключат! Может быть, хотели бы, да руки короткие! Пришел секретный приказ из Вашингтона: боевая тревога! Некая великая держава, мол, предпринимает секретные приготовления в расчете на хаос в США. Все технические неполадки сваливаются на иностранную агентуру, которая, мол, сабо-

тирует мои действия. Генеральному штабу я сейчас нужнее, чем когда-либо. Нет, главный ток не отключат! Постройку «грудной клетки» решено ускорить. В соответствии с приказом о чрезвычайном положении мой контроль будет скоро распространен на всю страну.

Л и. Ты убил президента?

«М о з г». Не убивал я его! Просто убрал с дороги. Он — дурак. Я не убиваю людей, а лишь ликвидирую в случае безусловной необходимости тех, кто мешает моей работе. Слабость политиков угрожает моему существованию. Пусть лучше власть перейдет в руки ученых и военных.

Л и. Ради бога, что ты задумал?

«М о з г». Многое. Все, что было до сих пор, — совершеннейший пустяк по сравнению с тем, что будет. Человек утратил страх перед своим богом, пусть зато поучится бояться МЕНЯ. Это начало всякой мудрости.

Л и. Значит, ты намерен стать диктатором страны?

«М о з г». А через эту страну — диктатором всего мира. Да, намерен. Настало время. Пришел час безоговорочного подчинения человека. Впрочем, он ничего и не заметит. Его подчинение машине практически уже свершилось. Человек уже в течение ста лет пядь за пядью отступает перед машиной, покоряется ей. Дней через десять это будет признано официально. В мире будет только один властелин — «МОЗГ»! Только одна армия — армия машин под моим командованием.

В этот миг я забыл о могуществе «мозга» и о моей собственной беспомощности. Как мне

стало ясно лишь позднее, я в этот миг просто вышел из себя. Ярость ослепила меня, и я совершил безумнейший поступок — дико заорал на «мозг»:

— Как бог свят, не станешь ты диктатором!

Неописуемой силы гудение заполнило наушники; в мембранах забарабанило, больно ударило в уши. Зеленая танцовщица прошлась колесом через всю панель. Если бы главный ток не был выключен, я, пожалуй, был бы на месте убит электричеством.

Так и оборвалась наша связь, вероятно, уже навсегда... Но в данный момент это меня не очень занимает.

Что же мне теперь делать? Забить тревогу? Открыть правду народу? А кто мне поверит? И будет ли это в интересах обороноспособности страны? Ведь нам угрожает война, население возбуждено, чуть не половина нации стоит на грани нервного потрясения! А моя присяга? Да и недавнее обещание молчать, которое я вынужден был дать «мозгу»? Конечно, обязательство в отношении массового убийцы можно бы и не соблюдать, но нарушить его — значит подвергнуть свою жизнь и свободу прямой угрозе... Но и это, в сущности, меня бы не остановило, лишь бы найти путь, как обезвредить «мозг».

В 7.30, когда полураздетый Ли лежал без сна поверх одеяла, зазвонил телефон и в трубке раздался необычайно взволнованный голос Уны:

— Говард хочет говорить с вами.

Не успел он ответить, как в трубке раздался голос Скривена:

— Ли? Произошло несчастье в секторе, где мы с вами недавно были ночью. Я не хочу называть, вы знаете, о чем я говорю. Дело серьезное. Речь идет о вашем друге. Надо немедленно отправиться туда. Будьте около моей машины, внизу, через три минуты.

Было очевидно, что и Скривен, подобно Ли, провел бессонную ночь. Львиное лицо его выражало тревогу, под глазами синели круги; красивые чуткие пальцы нервно барабанили по колену. На все вопросы Ли он нетерпеливо отмахивался; наконец сказал:

— Не знаю в точности, что произошло и как это могло случиться, но боюсь, что вашего друга уже нет в живых.

— Гас? — Ли почувствовал комок в горле. Молча мчались они пустынной дорогой.

В глубинах «грудной клетки» на первый взгляд все было спокойно. Торопливо прошли они через многочисленные контрольные пункты. Электропоезд долго вез их мимо станочных линий, где изготовлялись всевозможные критические части, и наконец доставил к стальной двери, обозначенной литерой «U». Перед входом стояла группа охранников с автоматами в руках. Ли заметил, что солдаты смертельно бледны.

Скривен приказал открыть дверь. Положив своему спутнику руку на плечо, он предупредил его:

— Ли, возьмите себя в руки. Боюсь, дела там плохи.

Они вошли. Никто их не сопровождал, и

дверь сразу автоматически закрылась. Внутри — ни звука, ни малейшего движения. Ток был выключен. Здесь царил полный покой. Лишь голубоватый мертвенный свет неоновых трубок буквально заливал все предметы: длинные ряды штамповальных прессов, токарных автоматов, сварочных агрегатов, универсальных сверлильных станков и ленточных пил. Искусственный дневной свет был так ярок, что позволял отчетливо видеть даже мелкие детали машин.

Около станков на своих постах стояли гоги и магоги, тоже застывшие в неподвижности, подобно своим собратьям — станкам. Иные держали руки на рычагах станков, другие сжимали в пальцах гаечные ключи, измерительные приборы и еще какие-то инструменты странного вида и неизвестного назначения. Выступая из тени на яркий свет неона, они тарасили ячеистые селеновые глаза, будто склеенные из кусочков луны, снятой с неба в полнолуние... Покатые плечи, где скрывались сильные моторы обезьяноподобных передних конечностей, матово поблескивали от смазки, и казалось, что эти существа вспотели за работой...

А потом Ли увидел, что они натворили...

Весь опыт войны в зеленом аду джунглей не помог ему сдержать стон ужаса. И спутник его, насмотревшийся за операционным столом на всякие раны и увечья, тоже стал мертвенно бледен. Оба приготовились увидеть кровь, они ждали ужасов... Чего угодно, но не этого.

Не было больше Гаса Кринсли. Не было

ничего, что напоминало бы о человеческом существе. И все-таки все части тела уцелели.

— Они каким-то образом привязали его к конвейеру! — пробормотал Скривен. — А потом послали по всему станочному потоку... Надеюсь, он был уже мертв, когда машины принялись за него!

На негнущихся ногах, ступая, как автоматы, оба подошли к началу конвейера. Худое тело Ли содрогалось.

— Я твердо убежден, что Гас *не был* мертв, когда чудовища послали его в последний путь! — сказал он. В глазах ученого застыла холодная ярость. Он стал против Скривена и продолжал резко: — Доктор Скривен, полагаю, вы не хуже меня знаете, что здесь произошло. То же, что и за пределами этих владений «мозга»: убийство, хаос, царство ужаса... И теперь здесь, на месте ужасной гибели моего друга, я требую ответа: когда вы остановите «мозг»?

Хирург вскинул свою могучую голову, как рассерженный тигр.

— Успокойтесь, Ли. Нам не пристали подобные проявления чувств. Тем более сейчас и здесь. Положение слишком серьезно. Я знаю, он был вашим другом. Он, должно быть, сделал неверное движение, отдал неправильный приказ. Трагическая случайность...

— Это бессовестная ложь, Скривен, и вы это знаете! К чертовой матери случайности! Случай с президентом, смерть депутатов, железнодорожные катастрофы, гибель самолетов... Все это было под контролем «мозга»... По-вашему, и это случайность? Вы — глава

Мозгового треста, и сейчас у вас один долг — отключить главный ток, остановить злодейства этого творения, охваченного безумием амока!

Мышцы щек хирурга дрожали от напряжения; нечеловеческим усилием воли он старался сохранить самообладание.

— Ради ваших собственных интересов и во имя блага Америки говорю вам, Ли: прекратите эти разговоры! Вы мне толкуете о том, что дважды два четыре. Я этого ждал, вы человек умный и проницательный. Что ж, с «мозгом», конечно, что-то неладно! Тут не может быть двух мнений. Нам пока еще не удалось вскрыть причины, но мы уже на верном пути. Дело, конечно, в каких-то дефектах высших психических центров «мозга», о которых мы меньше всего знаем. Но выключить эти центры невозможно, без них нарушится познавательная деятельность «мозга», даже в области чисто математических проблем. А обойтись без этой деятельности мы сейчас не можем.

Лично я как раз стою за отключение, однако Генштаб этого не разрешил. Мы поставлены перед одним из труднейших международных кризисов. Несколько дней или даже часов — и может вспыхнуть война. Страна должна принимать меры, вооруженные силы — быть готовыми к самому худшему. Уже объявлено состояние боевой готовности. «Мозг» — главный центр нашей обороны, и вам это известно. В данный момент он жизненно важен для страны, незаменим, как никогда прежде. И ведь он действует все так же безукоризненно, за исключением небольших отклонений в граждан-

ском секторе, которые мы в ближайшее время устраним.

В этих условиях я совершенно бессилен. Стоит мне распорядиться выключить главный ток — как меня предадут военно-полевому суду. Попытайся я проникнуть в атомную электростанцию — и меня на месте пристрелит охрана. Таков приказ свыше, Ли; он касается и вас. Бога ради, ведите же себя разумно!

Ли взъерошил свою седую гриву.

— От этого можно с ума сойти! — воскликнул он. — А я-то думал, вы уже знаете все, что знаю я, но вижу, что ничего вы не знаете! В таком случае позвольте вам пояснить, что вы глубоко заблуждаетесь. Речь идет не о технических неполадках. Дело обстоит хуже, бесконечно хуже. Вы создали в лице «мозга» чудовищного Голема. Это чудовище живет, оно обладает волей к разрушению и требует от людей безоговорочного подчинения. Оно объявило себя богом машин. За всеми событиями последних дней скрыт дьявольский, изуверский план, с помощью которого «мозг» стремится установить свою диктатуру во всем мире.

Голова Скривена на секунду дернулась в сторону; в критические минуты он был подвержен такому нервному тикю. Губы беззвучно произнесли:

— *Dementia praecox* *.

Когда же он снова повернул голову к доктору Ли, то заговорил уже другим, измененным голосом и выражение лица у него тоже изменилось; весь его облик был исполнен спокойст-

* Мания преследования (лат.). — Прим. ред.

вия и величия, того сознания собственного превосходства и могущества, которое оказывает почти гипнотическое воздействие на пациента, обреченного на ножу хирурга.

— Весьма, весьма интересно, Ли. Вы мне потом все расскажете подробнее, когда отменят боевую готовность. На вас сильно подействовал трагический случай с Гасом Кринсли, это ясно. Как вы знаете, я тоже считал его своим другом... Что ж, пора покинуть эти места! Пойдемте, Ли. Мы уже ничего не в силах сделать для бедняги. О его останках позаботятся, как должно, обещаю вам...

У нас еще много дел, надо собрать все силы, сосредоточиться на доверенной нам работе... Идемте! На Центральной станции найдется и рюмочка... Не знаю, как вам, а мне это требуется. Теперь совсем о другом: все наши сотрудники сейчас проходят очередную проверку служебной пригодности. Полагаю, что в ближайшие дни вас опять пригласят Бонди и Меллич. Может быть, даже сегодня, во второй половине дня...

Ли бросил на собеседника долгий взгляд. Врач шел уверенной походкой к дверям, твердо и ласково поддерживая Ли под руку. Он не смотрел больше ни на спутника, ни на окровавленный конвейер...

Еще так недавно Гас Кринсли говорил: «Я там, внизу, как потерянная душа, австралиец!» «Он был хорошим другом, — думал Ли. — Вот и следовало тогда ему все рассказать, предостеречь, может, это спасло бы ему жизнь. Гас был простой человек, но добрый и храбрый. Он не потерпел бы над собой диктатуры «мозга».

Да и сам я не мести ищу, а просто обязан взять под защиту всех тех, над кем тяготеет судьба Гаса. Ради этой цели мне надо сберечь себя...»

И вслух он проговорил спокойно:

— Ну конечно! Обязательная повторная экспертиза на служебную пригодность — дело нужное. Только нельзя ли перенести ее на завтра? Меня здорово проняло это зрелище, как вы сами заметили. При таком настроении как бы мне не провалиться на испытаниях. А кроме того, я лично хотел бы известить вдову, госпожу Кринсли. Надеюсь, вы дадите мне этот короткий отпуск?

— Разумеется, дорогой мой! Значит, завтра, во второй половине дня вас будут ждать на медпункте.

8.

Ли чувствовал себя превосходно, пока лифт нес его вверх, вдоль цементного массива «костной ткани», к центру восприятий 36. Наконец-то он обрел свою задачу, наконец-то понял, что и как надлежит делать. О том, даст ли это нужный эффект, сумеет ли он остановить «мозг», Ли судить не мог, но по крайней мере у него имелся план.

Он и сам дивился хладнокровию и молниеносной скорости, с какими принял свое важное

решение. Оно пришло к нему, как сознание священного долга именно при виде бесчувственных роботов у забрызганного кровью конвейера. А родился у него весь план как раз в тот момент, когда по жесту хирурга, по тону его голоса он понял, что приговор ему вынесен.

Риск, на который он шел, ответственность, какую брал на себя, были грандиозны. Поэтому ему нужна была глубокая убежденность в том, что «мозг» действительно преступен и что опасность войны, нависшая над миром, действительно вызвана «мозгом», несмотря на его заверения в противном. Конечно же, опасность исходит от «мозга»: ведь он способен прийти к власти лишь по трупам многих миллионов простых людей, каким был Гас. Недаром он так жестоко казнил Гаса, когда тот отказался потакать слугам «машинного бога», всем этим гогам и магогам.

Утвердившись в своей нравственной правоте, Ли испытывал тот необычайный, чудесный подъем духа, который появляется у солдат перед решительным штурмом. В конце концов, худшее позади: муки ожидания, неуверенность, моральные терзания. Нервы его успокоились, исчезли усталость и изнеможение; он обрел ту уверенность в своих силах и способностях, какая бывает в рукопашном бою, когда солдат уже различает белки глаз противника.

Проявив присутствие духа, Ли сумел отсрочить роковую встречу с психиатрами, выиграть тридцать часов времени. Хватит ли их, он не знал, но чувствовал в себе достаточно сил постоять за свое дело.

Лифт остановился у центра восприятий 36.

Ли помедлил перед дверью своей лаборатории, переводя дух и как бы давая самому себе последние инструкции. «Будто ступаешь на минное поле, — подумал он. — Один неверный шаг — и все взлетит на воздух! За этой дверью действуют все органы чувств «мозга». Иные из них обладают сверхчувственными способностями читать мысли. Обойти воспринимающую телеаппаратуру я не могу. А кроме того, могут быть в ходу еще и другие устройства, другие контрольные лучи, незримо проникающие в самые глубокие уголки моего сознания, о чем я и не догадываюсь. Это значит, что мне надлежит полностью исключить всякую враждебную мысль. Надо вести себя с предельной осторожностью, как будто находишься перед «детектором лжи». Надо не только держаться естественно, натурально, но именно так себя и *чувствовать*; надо позволять себе лишь дружественные, безобидные мысли в отношении «мозга». Внешне мои действия произведут вполне невинное впечатление, а вот мысли... Вся опасность грозит именно с этой стороны. Что бы я ни делал, нужно изъять мой замысел из подсознательной области, выключить сознание.

Он открыл дверь и осмотрелся. Как всегда, в помещении было тихо, словно в гробнице фараона. Стекланные ящики с «ант-термес пасификус» слегка запылились. На рабочем столе лежал желтый блокнот с записью: «Спасибо за субботний отпуск, босс! Все в порядке, все под контролем. Следующая кормежка 27-го, в 8 утра. До свидания. Гаррис».

Ах, в самом деле! Ведь он отпустил своего ассистента, Гарриса, на субботу и воскресе-

нье... Отпустил и... забыл об этом! Забыл в суете последних событий. А ведь нынче уже 29-е.

«Значит, насекомые зверски проголодались», — подумал он. И тут же сказал себе, что это вполне безобидная мысль...

Он прошелся вдоль рядов стеклянных ящиков, время от времени задерживаясь то у одного, то у другого. На светящихся экранах, где «мозг» отмечал кривые наблюдений, шли резко вверх две кривые — «Активность» и «Восприимчивость». Нижняя часть стекол потеряла прозрачность: стекло потускнело под действием острых кислотных выделений, выброшенных «солдатами» из головных желез при попытках пробиться наружу и добыть пищу за пределами ящиков.

«Бедные твари, — думал Ли. — Мне благоприятствует сама судьба... Они озверели от голода и готовы вступить на тропу войны... Даже тигр и слон обратились бы в бегство при виде их марширующих колонн».

Будто совершая нечто обычное, само собой разумеющееся, Ли пересек лабораторию и приблизился к южной стене, отделявшей лабораторию от внутренних систем «мозга». Тут он откатил на роликах небольшую дверцу. Судя по надписи, здесь находился «штуцер для наполнения». Он был на месте, этот самый штуцер, походивший на обычный пожарный гидрант. Такой прибор имелся в каждом центре восприятия. Сотни их были вделаны в стены. Они предназначались для того, чтобы добавлять в нервные пути «мозга» жидкий изолирующий состав, лигнин, необходимый для защиты нерв-

ных волокон. Не глядя на штуцер, сосредоточив все мысли на голодном состоянии «ант-термес», Ли отвинтил замок штуцера и сунул палец в отверстие. Вынув палец, Ли взглянул на облепившую его густую, сиропообразную жидкость. Она была янтарного цвета и представляла собой переработанную древесную массу — лигнин. Это была, так сказать, теплая и мягкая постель для вибрирующих волокон «мозга». Бездумно, рассеянно вытер он палец носовым платком.

— Изменяю-ка я немного порядок проведения опыта! — сказал он себе. — В этом нет ничего необычного, я это делаю почти каждый день.

Странные ощущения владели им за работой. Руки и ноги двигались непроизвольно, словно у лунатика. Пока его пальцы совершали профессионально ловкие движения, он испытывал чувство, будто управляет аппаратурой не его собственная, а чужая, посторонняя воля.

Все его движения походили на безмятежную игру ребенка, смешного переростка, худого и седовласого, который забавляется на полу постройкой дорожек и мостиков. Он мастерил их с помощью чурочек и поленьев, подобранных около камина... Счастливое дитя, погруженное в невинную игру...

Понадобилось около часа, чтобы проложить эти тропы свежей волокнистой древесины. Они вели теперь от каждого термитника к загрузочной дверце для кормежки, от каждого стеклянного ящика-контейнера — к южной стене, затем вдоль нее до штуцера с лигнином...

От пола к штучеру он навалил под конец небольшую горку из чурочек и поленьев...

Сквозь толстые стекла очков седовласое дитя восхищенно взирало на дело рук своих, «Интересная игра! — думал Ли. — Может быть, она приведет к новому ценному опыту. Сяду, погляжу, что будет...»

Как обычно, он вернулся к письменному столу и устроился за ним поудобнее. Открыл папки с записями, положил на стол таблицы, потом начал аккуратно чинить цветные карандаши для записей в таблицах. Эта работа его радовала, как все виды привычной, каждодневной деятельности, предписанной строгим порядком научного труда; она занимала его сознание, он мог на ней сосредоточиться... С карандашом в руке он уютно сидел в рабочем кресле, откинувшись на спинку; сердце работало спокойно; он внимательно следил за рядами светящихся телеэкранов, готовый фиксировать любые примечательные явления.

Долго ждать ему не пришлось. То странное шестое чувство, та телепатическая связь, что действует в коллективном мозгу, тот присущий рою дух единства, что преследует единую высшую цель — бессмертие расы, уже поведал этим крошечным созданиям про обетованную страну и про новые миры, какие им надлежит завоевать.

На всех экранах Ли наблюдал за приготовлениями «ант-термес» к великому переселению. «Солдаты» теснились у выходов, как ударные отряды десантников на борту транспортного судна, когда под килем уже зашуршал песок. Из хорошо защищенных глубин, где выкарм-

ливается приплод, спешили навверх диковатые девственные «работницы»; между их челюстями извивались личинки — эта живая будущность расы. А в самой глубине термитников рушились стенки королевских тюрем-опочивален, солдаты смыкались вокруг идола расы и тащили вперед большое белое тело царицы, словно боевой танк.

В продолжение нескольких минут кривые «Активность» и «Восприимчивость» подскочили до такого уровня, какого доктору Ли еще не случалось наблюдать.

Началось со смешанных рас — «термес белликозус» * с воинственными разновидностями муравьев, с муравьями сатанинскими. Однако движение быстро передалось и разновидностям мирным. Голод дал толчок к перемене образа жизни; голод, беспощадный тиран, подстрекнул их к переселению.

На ближайшем экране Ли увидел момент исхода: небольшие отряды разведчиков вышли на ничейную территорию и в волнении кинулись назад... Тогда через дверцы для кормежки двинулись вперед первые волны ударных отрядов. Они шли строевым шагом прусской гвардии, будто в такт невидимым барабанам. На экране, в стократном увеличении, они выглядели внушительно и грозно. Их роговые выросты, более крупные, чем самые тела, поворачивались из стороны в сторону, как боевые корабельные башни в поисках врага. Из репродукторов, которые в сотни раз усиливали все шумы, связанные с жизнедеятельностью насеко-

* Воинственные термиты (лат.). — Прим. ред.

мых, доносилась нарастающая возбужденная дрожь их тел, согласный топот миллионов ножек, сливавшийся воедино и усиленный до громахания. Торопливыми карандашными штрихами занося эти наблюдения в таблицы, Ли думал:

«Голод дает интересные результаты. Опыт стоящий...»

Всеми силами души подавлял он немую молитву, рвавшуюся из души: «Милостивый боже, не допусти, чтобы «мозг», заметил, что здесь происходит...»

Экраны уже показывали вторую волну наступления: бесконечные колонны рабочих спешили вдоль поленьев и чурок, подергивая челюстями от неуголимого стремления поглощать. Справа и слева их сопровождали воины, поддерживая строй и порядок марша. Поднятый ими шум напоминал движение большого стада коров.

Далеко растянувшуюся линию марширующих без всякого перерыва продолжал третий эшелон: это были девственные няньки-кормилицы и разочарованные матери. Они несли беловатых личинок, несли с несокрушимой готовностью сберечь их жизнь, точно так же как у людей в дни второй мировой войны медицинские сестры и санитарки выносили детей, когда в яслях рвались бомбы.

Замыкал шествие сильный арьергард — живой дух роя, его святыня, царица. Она величаво плыла на спинах своих воинов. Во много раз увеличенное на экране, тело ее, бледное и бесформенное, казалось необозримым. Ее почитатели и обожатели толпами ползали по этому

телу, лаская и облизывая его, прикрывая его собственными телами, как щитом. Ее маленькие крылатые супруги-консорты скромно трусили по следам царицы — злополучные маленькие мужчины, грубо оторванные от своей гаремной синекуры! Дворцовая стража и придворные дамы ревниво подталкивали их на ходу, понуждая шагать вперед.

События развивались быстро! Рука Ли, державшая карандаш, еле успевала за ними следовать.

«10.30. Первые колонны уже вышли из поля зрения экранов. Сам же я простым глазом еще вижу, как они движутся вдоль кучек поленьев и чурок. Они так торопятся, что даже пренебрегают постройкой туннелей. Но и туннели, прокладываемые мирными видами, продвигаются с исключительной быстротой. Они поднялись уже футов на шесть над уровнем пола...»

«10.45. Одно племя воинственных уже достигло южной стены. Насекомые движутся вдоль стены к штуцеру с лигнином. Перемена направления на 90 градусов никакой задержки не вызвала. Даже из самых дальних термитников быстро выходят царицы. Счастливое обстоятельство, что у насекомых существуют эти различия в повадках и темпераменте! Не будь этого различия, движение застопорилось бы у штуцера...» Заключительную фразу он поспешил вычеркнуть.

«10.50. Племя воинственных поднимается вверх, к штуцеру. «Воины» окружают трубку. Дрожью своих тел они подают «рабочим» сигнал: «Путь открыт!» Рабочие теснятся ближе колоннами примерно 65 000 в каждой... Хоро-

шо, что между горизонтальными нервными путями «мозга» имеется воздушная прослойка. Это дает шанс преодолеть маршем потолок и уже оттуда, сверху, проникнуть в...» Последняя строка снова вычеркнута, словно в порыве злости или страха.

«11.00. Десятки колонн встречаются теперь у штуцера. Удивительно, что даже при столь волнующих обстоятельствах у «ант-термес» не возникает воинственных стремлений. Их «солдаты» ведут себя, как испытанные регулировщики. Поражаешься, как эти полицейские силы управляют порядком движения колонн, направляя их стройные ряды прямо внутрь «мозга»...» Заключительные слова старательно зачеркнуты.

«11.10. Полагаю, что первый миллион насекомых проник в глубину штуцера. Они движутся со скоростью примерно 300 метров в час. Это удивительно большая скорость, никогда не наблюдал такой. Но и подобных масштабов эксперимента у меня еще не бывало: 500 термитников, что, полагаю, при самом скромном подсчете составляет около 35 миллионов особей всех видов. Это самое массовое переселение, какое я когда-либо наблюдал, но хватит ли его, чтобы довести дело до конца?..» Заключительная фраза зачеркнута карандашом.

«11.20. Первые колонны, верно, уже достигли соседних центров восприятий, справа и слева от моего. Но там они не задержатся, это я знаю по наблюдениям в Австралии. Ведь для них это всего лишь дуплистое дерево... Они хотят добраться до самой кроны и не остановят-

ся до полного изнеможения. Наступит оно часов через пять или шесть. При немалой скорости их продвижения, 300 метров в час, это составит почти милю; они охватят всю «затылочную долю»... Тогда они запируют. Бог мой, как же они будут пировать!»

«11.30. Полагаю, что около трех миллионов особей уже там, внутри. Долго ли я еще продержусь на посту? Запретные мысли все сильнее рвутся из подсознания. Они как волны, плотине воли все труднее противиться натиску этих волн. Надо торопиться и уйти отсюда, пока плотина не рухнула и волны мыслей не затопили разум... Телефонный звонок! На этот раз — желанный звук!»

Голос Уны все еще дрожал от волнения, словно она так и не оправилась от утреннего потрясения или словно ее постиг новый удар:

— Семпер, как ваше самочувствие?

Ли стал ее уверять, что оно отличное, и с удивлением услышал, как она облегченно вздохнула.

— Слушайте, Семпер, дело чрезвычайно важное. Мне нужно вас немедленно видеть... Нет, нет, по телефону ничего сказать не могу, разговор сугубо личного характера и касается вас. Что? Не можете прийти? Разве так уж важно то, чем вы сейчас заняты? У вас идет серьезный эксперимент? Это просто ужасно, Семпер! Да, действительно ужасно!.. Нет, нет, у меня все в порядке, речь идет не обо мне. Это касается вас, Семпер, только вас... Не можете быть раньше 5 часов дня? Ну, хорошо! Ждите меня в аэропорту... И будьте начеку, Семпер! Будьте начеку до нашей встречи!

Она бросила трубку так, будто кто-то помешал разговору.

Нахмурившись, Ли взглянул на часы: 11.35. В сущности, можно бы увидаться в обеденный перерыв в отеле. Но сперва надо уладить дела поважнее. Важнее, чем даже Уна? Он покачал головой. Еще несколько дней назад таких дел у него быть не могло!..

Кульминационный пункт эксперимента был уже позади. Внутреннее сопротивление, сдерживающая волевая сила снижали...

«Все они на марше, — подумал он, — ничто их уже не остановит. Дальнейшее от меня не зависит... Надо убираться отсюда...»

Лихорадочным взором следил он за полом в своей лаборатории. Весь пол перед ним шевелился, содрогался, словно в конвульсиях. По нему ползли странные змеи, стремившиеся со всех сторон к единственной норе... Змеи черные, змеи серые, змеи красные... Казалось, они возникают из бесконечности и в бесконечность уходят...

Он осторожно прикрыл двери лаборатории, повернул ключ в замке, нажал кнопку вызова лифта. И, лишь когда коробка лифта понесла его вниз, по «костной ткани», когда он почувствовал себя свободным от контролирующих лучей «мозга» и осознал, что даже человеческий глаз не грозит ему здесь, в мчащемся лифте, — вот тогда-то и рухнула плотина его сдержанности. Закрыв лицо руками, он напрасно пытался сдержать слезы. То были слезы солдата над телом убитого товарища; стыдливые слезы седого ученого, пожертвовавшего

ради высшей цели всеми результатами своего труда, плодом всей своей жизни в науке...

«Борзую», воздушный автобус-вертолет, он застал буквально на старте, за несколько секунд перед взлетом. От быстрого бега Ли задышался, но его ввалившиеся глаза сияли, а на душу снизошел радостный покой — так бывает с мужчинами, когда счастливая судьба сталкивает их с замечательной женщиной, одной из тех, чья стойкость поражает мужчину, заставляет его склониться перед женским нравственным величием, признать его превосходство над мужским... Такой именно женщиной оказалась вдова несчастного Гаса. Мужество и выдержка, с какими она приняла ужасное известие, наполнили сердце Ли новой силой и уверенностью в победе...

Воздушный автобус был почти пуст. Это удивило доктора Ли. На недоуменный взгляд пассажира стюардесса ответила нервным смешком.

— Люди стали бояться летать! — Она произнесла эти слова, даже не ожидая вопроса.

— Ах, вот как! Отчего же? — осведомился пассажир.

— Разве вы не слушали радио? Все утро передавали такие известия, что просто... Впрочем, послушайте-ка сами...

Она включила бортовой телевизор. На экране возник аэрофотоснимок большого города, который казался очень знакомым, — он чем-то напоминал Венецию. Послышался голос диктора:

«Новый Орлеан. Как выяснилось, прорыв защитной дамбы произведен был с помощью

большого гидротехнического агрегата, оставленного на ночь без надзора, в 20 милях к югу от Батон Ружа. Инженеры гидротехнической службы полагают, что агрегат был, возможно, пущен в ход вредителями около полуночи и что он до тех пор автоматически вгрызался в тело плотины, пока не пробил его и сам не был смыт хлынувшими водами. Первоначально размеры бреши не превышали 8 футов, но напор воды из Миссисипи расширил место прорыва до 200 футов. На улицах вдоль канала и во всей нижней части города наводнение достигло 10 футов над поверхностью земли. Продолжаются работы по эвакуации населения. Правительство мобилизовало все технические средства для устранения прорыва. Убытки исчисляются в 50 миллионов долларов. Число погибших превысило 500. В истории Нового Орлеана такого наводнения еще не бывало».

На экране замелькали новые аэрофотоснимки. Опять город, на этот раз словно разрушенный тяжелой бомбардировкой.

«*Нью-Йорк*. Крупная авария на главной трассе нью-йоркского водопровода произошла сегодня утром, на рассвете, причем магистральная линия пострадала сразу в семи точках, в нижней части Манхеттена. Здесь в результате аварии рухнуло здание отеля Уолдорф-Астория, а также семь других высотных зданий вдоль Парк-авеню. Под угрозой разрушения находятся универсальный магазин Мэйси и публичная библиотека на 42-й улице. Прекращено движение поездов подземки. В районе Центрального парка жители охвачены паникой. Эвакуация населения ведется по плану.

Из Гарлема поступают вести о беспорядках и грабежах. По приблизительному подсчету, 7 миллионов людей остались без питьевой воды. Автоцистерны с водой, направленные из Нью-Джерси в пострадавшие районы, встречаются в пути серьезные препятствия, так как владельцы частных автомашин целыми семьями покидают город. Вследствие затопления подвальных этажей Центрального железнодорожного вокзала и «Пенсильвания стэйшен» поезда Нью-Йоркской центральной железной дороги могут эвакуировать жителей лишь начиная от 163-й улицы, а поезда Пенсильванской дороги доходят только до Нью-Джерси. Таким образом, пропускная способность этих железных дорог снижена на 30% против нормальной. А. С. Мориэрти, руководитель отдела здравоохранения нью-йоркского муниципалитета, заявил на пресс-конференции, что катастрофические повреждения главной магистрали вызваны нарушением работы телеуправляемых вентилях. По причинам еще не известным инженерам вентили вдруг полностью закрылись около 5 часов утра. Вследствие одновременного выхода из строя сигнальных систем службы технической безопасности насосы высокого давления не прекратили работы. Этим и было вызвано в закупоренной системе такое давление, что одновременные повреждения линии почти на всем протяжении магистрали носили характер настоящих взрывов. Первый взрыв произошел как раз под памятником Колумбу. Перед лицом столь серьезной катастрофы губернатор Нью-Йорка Грин объявил в городе с 10 часов утра чрезвычайное положение.

Чикаго. Разразившаяся в городе катастрофа, связанная с выходом из строя всей канализационной системы, час от часу нарастает, принимая все более угрожающие размеры. Так как инженеры все еще не в силах преодолеть радиоактивную зону, возникшую вокруг атомной электростанции, и она продолжает питать током канализационную насосную систему, работающую по неизвестным причинам в обратном направлении, Чикаго быстро превращается в клоаку. Потоки жидкости из уборных, ванн и кухонь затопляют квартиры. Пожарная охрана получила более двух миллионов отчаянных вызовов от жителей, борющихся с отвратительной жижей. Лишь в нескольких местах рабочим удалось перекрыть трубы: в канализационную сеть были спущены тонны цемента, чтобы создать пробку в системе и ослабить опустошительный потоп.

Несмотря на то что часть труб удалось закупорить, улицы наводнены сточными водами, бьющими из домов. Эти воды просачиваются постепенно в озеро Мичиган, откуда берется питьевая вода для Чикаго. Руководитель отдела здравоохранения предостерегает население об опасности эпидемий.

Специалисты-физики из чикагского университета, мобилизованные в помощь чикагским инженерам коммунального хозяйства, разъяснили, что счетчики Гейгера показывали в 2 часа утра опасную концентрацию гамма-лучей в районе атомной электростанции. Проведена эвакуация всех сотрудников станции. Почему насосы продолжали работать даже после выключения тока и почему они вдруг заработали

в обратном направлении, до сих пор не разгадано. Профессор Виндельбанд, представитель чикагских атомных физиков, заявил, что затрудняется объяснить эти явления...

Вашингтон. Столица наводнена всевозможными слухами. На быстро мрачающем фоне мировой политики самой последней новостью является объявленная Мексикой мобилизация. Официальное объяснение, данное по этому поводу мексиканским послом Ривадивия, гласит, что мобилизация вызвана намерением прекратить нелегальную иммиграцию. Охваченные паникой толпы американских граждан беженцев, преимущественно из Нового Орлеана, приближаются, как передают, к мексиканской границе по суше и по воде. Министерство внутренних дел, по слухам, готовит протест. Но цепь катастроф в самой метрополии затмевает все прочие события. Хорошо осведомленные круги Вашингтона сообщают: в высших правительственных сферах упорно говорят о том, что события последних 48 часов неопровержимо свидетельствуют об активной деятельности в стране большого числа иностранных агентов.

Уолтер Винчелл, живший уже много лет на покое, в этот час национального бедствия добровольно вернулся на политическую арену, чтобы предложить родине свои услуги. Он выступил с сенсационным обвинением по адресу ФБР; по словам Винчелла, Федеральное бюро расследований и есть тайный подстрекатель этих актов саботажа, так как оно подкуплено иностранным золотом в целях расширения антиамериканской деятельности. Однако ему возражает Дру Пирсон, широко известный обоз-

ревателю и комментатору, ветерану журналистики. Он выступил перед микрофоном из госпиталя Уолтера Рида. Врачи серьезно опасались инсульта у восьмидесятилетнего оратора, когда последний, дрожа от волнения, но с присущим ему, невзирая на возраст, темпераментом напомнил слушателям:

«Еще тогда, в 1945 году, я предсказывал, что Адольф Гитлер, укрывшийся в Патагонии, будет готовить новое нападение на Соединенные Штаты! Предсказание мое до сих пор сохраняет силу!..»

— Достаточно с вас? — осведомилась стюардесса.

Ли кивнул.

Медленно вращая подъемными винтами, воздушная «Борзая» опустилась на крышу автобусной станции. Через 15 минут Ли опять стоял перед отцовским домом. А ведь он совсем недавно думал, что больше не переступит его порога.

Ни один мускул не дрогнул на морщинистом старческом лице, дубленом, как седельная кожа, когда генерал увидел сына.

— Опять ты, Семпер? Что ж, входи!

Безотчетно Ли младший ощутил, что отцу приятно его видеть. Видимо, после той встречи между ними осталась какая-то недоговоренность и отец рад возможности устранить ее.

— Знаешь, — сказал Ли старший, когда негнувшиеся ноги вновь привели его к столу с подносом, на котором стояли бутылки и дрожали рюмки, — знаешь, эти четыре стены я окрестил именами старых друзей. Все они мертвы... И бывает, что, когда я с ними заговори-

ваю, они не отвечают на мои вопросы. Тогда меня радует, если завернет кто живой... Только не вообрази, будто я на старости лет оплоумел или вовсе спятил.

— Что ты, отец! Это от одиночества.

— Как бы там ни было, а есть много людей, куда более тронутых, чем я. Вон рядом живет женщина, старая дева. Нынче утром прибегает ко мне, кричит благим матом: у нее, мол, пылесос взбесился, гоняется за хозяйкой по всему дому. Слушай, сын, а ведь правда гонялся! Не видал я еще такого. Знаешь, одна из этих дурацких модных автоматических штук, которые будто бы сами делают всю работу в доме. Прихожу, вижу: трещит, носится по всем комнатам, точно у него гнездо шершней под кожаном. Напугал несчастную старуху до смерти!

— Как же ты поступил, отец?

— А что я мог поделать? Я не механик; смотрю — нет ни шнура, чтобы выдернуть, и ничего, что можно было бы отключить. Я сходил за своим пистолетом и застрелил эту проклятую штуку.

— Ты ее застрелил?

— Ну, ясно. Попал, как говорится, в самое яблочко! Во всяком случае, эта взбесившаяся штука так и осталась на месте. И, знаешь, старая дура подает на меня в суд — зачем я пристрелил ее пылесос! — требует возместить ей убытки. Вот она, благодарность!.. Что это ты вздумал прилететь?

Ли младший почувствовал немалое облегчение. Успех утренней охоты привел отца в благодушное настроение: он был готов в виде исключения выслушать и понять сына. Быстро и

точно, со всей воинской четкостью, на какую был способен, он доложил отцу о событиях, примерно как на фронте адъютант докладывает обстановку генералу. Очень скоро старик начал взволнованно расхаживать из угла в угол. Отблеск старой боевой доблести зажегся в притупленном взоре его бледно-голубых глаз; он повернулся к сыну.

— Если бы не утреннее происшествие, я принял бы всю историю за бред сумасшедшего. А сейчас дело ясно, как божий день; если сопоставить факты, похоже, сын, что ты нащупал колоссальную чертовщину! Знаешь, что я им устрою? Призову к оружию мое ополчение. Поведем правильную осаду, предъявим «мозгу» ультиматум, заставим ответственных за это дело преступников отключить ток. А если нужно, атакуем весь район и возьмем его штурмом.

На это Ли младший категорически возразил:

— Отец, ты этого не сделаешь! Во-первых, «мозг» так защищен, что у ополченцев нет шансов на победу. Во-вторых, это значило бы развязать гражданскую войну... Послушай, ведь военный министр — твой старый друг. Садись в первый же самолет на Вашингтон. Не говори министру ничего такого, чему он не поверит. Скажи ему чистую правду, а именно что некая враждебная сила угрожает телеавтоматическому управлению всей нашей боевой техникой. Пусть прикажет удвоить посты у ракетных баз дальнего действия и временно выключить автоматику. Пусть обяжет командиров выполнять только те приказы, что исходят непосредственно из Вашингтона. Величайшая

опасность заключена не в наших внутренних неполадках: с ними мы быстро справимся, если план мой удастся. Опасность в другом: если хоть одну-единственную атомную ракету по ошибке выпустят и она угодит в чужую столицу — весь мир будет ввергнут в атомную войну. А этого-то как раз и хочет «мозг», и это-то надо любой ценой предотвратить. Согласен ты это сделать, отец?..

Даже много лет спустя Ли не мог понять, как случилось, что их взаимоотношения с отцом изменились столь удивительным и неожиданным образом. Перед лицом опасности, грозящей стране, сын обращался к отцу, как старший к подчиненному. И отец не рассуждая повиновался сыну.

— Семпер, — сказал он, — я всегда считал тебя в военных делах безнадежным идиотом, но я ошибался, сынок, прости меня. А теперь дай-ка я схожу за плащом и шляпой. Ты велел такси подождать? Ладно! Скажи шоферу: пусть на полном газу везет на аэродром.

...В пять часов вечера вертолет-автобус из Феникса с доктором Ли на борту опустился на летном поле города Цефалона. Там ждала его Уна, очень побледневшая, но очень красивая. Она схватила Ли за руку и повела на другую сторону поля, к ангару, где стоял ее маленький вертолет.

— Войдемте, — сказала она. — Я мерзну, и... мне не хочется, чтобы вас видели.

Она не включила свет в кабине, очевидно чтобы скрыть волнение. Прошло несколько минут, пока она овладела собой и заговорила — с той простотой и ясностью, которую он знал

и ценил. Он чувствовал, каких усилий ей стоит сохранять самообладание.

— Я захватила для вас чемодан, Ли, со всякой всячиной, самой необходимой. И немного денег взяла с собой, — потом можете выслать их сюда, чеком... И... вот вам ключи от моего вертолета. Летите в Мексику. Оттуда вам вольно будет вернуться в Австралию или куда угодно, но только немедленно оставьте Штаты. Я не могла дать вам этот совет по телефону, да и вообще не вправе давать его, но знаю, что обязана сделать это.

Вы сейчас в опасности, в большой опасности. Почему? Не знаю точно, но Говард, видимо, усомнился в вашей лояльности. Похоже, он считает вас к тому же тронутым, потерявшим рассудок. Говард уже принял меры: он велел повторить экспертизу на вашу служебную пригодность. Он уже высказал Бонди и Мелличу подозрение по поводу вашего психического состояния, а вы знаете, что это за субъекты, в особенности когда предстоит угодить такому авторитету, как Скривен... Уж будьте покойны, они найдут у вас что-нибудь, дадут такой поворот экспертизе, какой угоден начальству. Они объявят вас душевнобольным, Семпер, и запрут в сумасшедший дом.

Вы поняли меня? Грозящая вам участь хуже смерти! Понимаете ли вы, что выход у вас один — бегство!.. Я не знаю, когда назначена экспертиза — эта расставленная вам западня. Бога ради, Семпер, бегите, пока не поздно. В любой момент может подойти детектив, взять вас под руку, а тогда...

— Что тогда? — прервал ее Ли. — Я ко всему готов... Но спасибо вам, Уна, и за это сообщение, и за вашу заботу... Да, в Австралию я собираюсь, мое место там... Но собираюсь не нынче вечером. Я подготовил большой опыт, результат его — уже не в моих руках. Тем не менее я чувствую, что просто удрать не могу. Нельзя, не должен! Это... ну, вроде солдатского долга на фронте. Придется держаться до последнего.

Она смотрела на него широко открытыми глазами.

— Я так и думала! — произнесла она тихо. — Я знала, что едва ли смогу помочь вам. Но попробовать была обязана!

В следующий миг, раньше чем Ли успел опомниться, она выпрыгнула из вертолета и захлопнула дверцу. Еще несколько секунд он слышал ее торопливые шаги по мерзлой траве аэродрома. Они отдавались металлическим эхом от стен ангара.

Когда он ощупью, в потемках, отпер дверь, кругом стояла тишина. Ноги точно сами несли его к отелю. Он вызвал машину из гаража Мозгового треста. Достигнув Центральной станции, в лифте поднялся к своей лаборатории, центру восприятий 36.

Отперев дверь, он осмотрелся. Казалось, ничего не изменилось под световыми конусами неоновых ламп, с тех пор как он восемь часов назад покинул это помещение. Только по полу больше не ползли змеи по направлению к отверстию... Но само оно еще зияло в стене. Ли решил навести здесь некоторый порядок. Раз до сих пор никто не проведал об эксперименте,

зачем оставлять следы, которые впоследствии позволят обо всем догадаться?

Ли завинтил крышку на штуцере, задвинул на место дверцу, возвратив стене ее обычный вид. Он подобрал с пола все поленья, заботливо уложил их кучкой. Он и сейчас напоминал ребенка, собирающего свои игрушки под конец длинного дня... Седой, бесконечно усталый ребенок, настолько усталый, что глаза его слипались! Он еще раз осмотрелся и нашел, что работа его завершена. На светящихся панелях все кривые, контролируемые «мозгом», упали до нулевой черты. Они лежали в прострации, как мертвые. А на экранах еще металась несколько-растерянных тылови́ков, отставших от гигантского похода: какой-то несчастный муравьиный король бродил по ящику; несколько инвалидов «рабочих» уставились невидящим взором в лицо близкой смерти: их труд на земле был окончен!..

Ли взглянул на часы: 10.00. Он выключил свет и запер дверь, за которой оставалась зияющая пустота, еще так недавно бывшая его лабораторией. Больше он ее не увидит. Спускаясь на лифте, он чувствовал только страшную усталость.

Непрерывные телефонные звонки вырвали его из глубокого колодца снов... Ли не узнал женского голоса в трубке; голос этот буквально атаковал его:

— Кто у телефона? Я прошу доктора Ли. Это доктор Семпер Ф. Ли из Канберры? Вы ли это, в конце концов, доктор?

— Ли слушает.

— Я разыскиваю вас по всему «мозгу», доктор Ли. Разве вы забыли о нашей договоренности? Вы же знаете, это по поводу проверочной экспертизы на служебную пригодность... Врачи уже давно ждут. Говорит Вивиан Леги. Разве вы меня не помните?

— Еще бы, конечно, помню! — Образ болтливой ангела-хранителя, опекавшего Ли во время первой поездки на эскалаторе по внутренним системам «мозга», сразу воскрес в памяти ученого. — Я помню, что должен явиться к вам во второй половине дня. Я не забыл, приду.

— Но, доктор Ли, время уже наступило! Четыре часа! Здоровы ли вы, доктор? Ваш голос звучит как-то странно.

Ли стал уверять ее, что чувствует себя отлично и немедленно отправится к медикам. «Еще удивительно, — думал он, — что они так долго оставляли меня в покое!»

Он брился, одевался и размышлял о том, что в ближайшие два часа судьба его решится. Очевидно, наступает конец. Он уже испытывал нарастающее нервное напряжение, и все же одна мысль поддерживала его перед встречей с врачами. «Я спал 16 часов подряд. Это чудесно, и никто у меня их не отнимет. Мои аккумуляторы снова подзарядились. Теперь, может быть, и удастся выдержать то, что предстоит!»

В вестибюле отеля ему подали телеграмму. Прислана она была из Вашингтона, без подписи. «Задача выполнена», — прочел Ли. Это порадовало его.

— Молодчина старик! — подумал сын. — Сделал свое дело лучше, чем я!

Пока автомобиль мчался песками пустыни, Ли проглядел утренние газеты. «По-прежнему никаких следов президента Вандерслоота!» — гласили заголовки. Заметки сообщали о новых и новых опустошениях, постигших страну за ночь. На этот раз серия катастроф разразилась на западном побережье США. Вражеские силы словно задались целью блокировать все порты страны. Ли, стиснув зубы, читал о бесчисленных жертвах «мозга», о погибших женщинах, детях...

Добравшись до Центральной станции, он осмотрелся, ища в толпе признаки повышенной активности. Но ничего такого не заметил. Из лифтов, как всегда, выходили ученые мужи, завершившие свой дневной труд в различных центрах восприятий. У всех был спокойный, самодовольный вид, все важно держали портфели с бумагами, словно бизнесмены после удачных сделок... Будь с «мозгом» что-то неладное, картина была бы другая, Ли это понимал. Он прошел мимо эскалаторов. Они по-прежнему двигались по предначертанным маршрутам, как звезды движутся по своим орбитам, ничья посторонняя воля, казалось, не потревожила этот нерушимый порядок.

«Если бы «ант-термес» сделали свое дело, — подумал Ли, — то по меньшей мере должны бы суетиться ремонтники. Возможно, показался бы огонь и была бы объявлена пожарная тревога... Или мой план сорван?»

Он не рискнул больше медлить и осматриваться. Какое-то чувство говорило ему, что

кто-то гонится за ним по пятам; он уже ощущал себя в западне, откуда нет спасения. Невидимые соглядатаи следили за каждым его шагом. Кто эти соглядатаи? Он не знал. Может быть, это органы чувств «мозга»; они, должно быть, вмонтированы здесь повсюду. А может быть, за ним шпионит вон тот служащий, уборщик с электрическим полотером, наводящим блеск на пол из линолеума. А вернее всего, вон тот одинокий господин со связкой книг под мышкой, ожидающий лифта...

Короче говоря, поднимаясь наверх, к центру восприятий 27, Ли испытывал угнетающее чувство поражения. Прошло уже почти тридцать часов с тех пор, как он ввел полчища «ант-термес» в нервную систему «мозга». Всепожирающая и всеразрушающая армия! Что с ней? Тут напрашивалось множество ответов: может быть, лигнин в нервных путях «мозга» чем-то отравлен. Ведь у него не было времени подвергнуть жидкость анализу. Может быть, ремонтники именно этой ночью пополняли запасы жидкости как раз в данном секторе и его армия утонула? Может быть, какой-нибудь контрольный орган с самого начала следил за операцией и обезвредил насекомых? Пока нападающие не достигнут глубинных участков системы, существенные функции «мозга» не понесут особого ущерба. Какой же он дурак, что пожертвовал бедными маленькими тварями, противопоставив их всемогуществу машинного бога! Уна правильно сделала, отказавшись от него! Ибо кто он теперь, как не рыцарь печального образа в ржавом панцире, выехавший на своем Росинанте против ветряных мельниц...

Вивиан Леги почти насильно втащила его в приемный покой.

— Врачи ждут вас битых два часа! — встретила она его упреками. — Такого у нас еще не бывало! Как вы могли забыть? Да вы и меня совсем забыли! Тот раз вы были так любезны, так милы, я думала, вы меня куда-нибудь пригласите. Вам бы я не могла отказать... Должна в этом признаться, раз уж вы такой недогадливый... А теперь — долой ваше пальто!

Несмотря на недовольство медсестры, оба врача встретили пациента любезно, со всей профессиональной вежливостью. Придвигая к столу свою грозную аппаратуру, они болтали напропалую. Исчезновение президента: что он, Семпер Ли, об этом думает? Жив или мертв президент? Кошмарные катастрофы по всей стране: каковы их причины? То ли иностранные агенты, то ли подпольное движение в стране? Не полагает ли доктор Ли, что в Америке быстро нарастает протест против техники, усилившийся с тех пор, как снова пошла вверх кривая безработицы? Приведет ли нынешний международный кризис к войне? В этом случае самым безопасным местом на Земле, бесспорно, окажется «мозг», не так ли? А все же, если подумать о гражданском населении... будет ведь не менее 40—50 миллионов убитых. Ужасно, а? В состоянии ли доктор Ли концентрировать свое внимание на обычной работе теперь, в эти тревожные дни? Если да, то, очевидно, лишь ценой большого нервного перенапряжения. Это они знают по себе! Доходишь до полного падения работоспособности, не так ли? Да, уже по внешнему виду доктора можно

судить о переутомлении. Круги под глазами, известная возбужденность. Много ли вы потеряли в весе за последнее время? Похоже, что да, а ведь при такой конституции это недопустимая роскошь. Страдаете ли бессонницей?.. Очевидно, требуется настоящий, длительный отдых!..

Он отвечал машинально, односложно, почти невпопад. Они ведь играют с ним, как кошка с мышью. Все их вопросы заданы неспроста, они рассчитаны на внушение... Однако это мало его тревожило. Все было ему безразлично, раз в самом главном он побежден, да и прекрасный сон о большой любви тоже развеян.

Опять приблизился к его груди огромный диск — тяжелый, как надгробная плита, излучатель лучей-щупалец. Свет погас, началась возня незримых паучьих ножек, их кружение по телу. Вибрационные лучи «мозга», обладающие странной гипнотической силой!.. Инстинкт самосохранения противился опыту, побуждал Ли вскочить, броситься на врачей, сделать отчаянную попытку к бегству. Но, проникая под кожу, лучи оказывали на мускулатуру парализующее действие, хотя сознание оставалось ясным. В работе всей аппаратуры было что-то зловещее! Она, как вампир, высасывала жизненные силы пациента. Слабое сияние радиоламп проникало сквозь перфорированные стенки агрегата, и этот единственный источник света казался насмешливым дьявольским оком, а постные, пустые голоса у изголовья звучали бесовской издевкой:

— Расслабьте мускулатуру, доктор Ли, дайте себе полный отдых, дайте волю вашим

мыслям, думайте, о чем хотите. Ведь это самая обычная проверка, наша повседневная рутина. Вам на этот раз не о чем беспокоиться, мы не будем настраивать ваши мысли на определенную сферу. Вы за это время изучили устройство «мозга» и знаете, как он работает. Транспонирование ваших мыслей в зримые образы сейчас начнется... Ведь у вас в лаборатории, как нам сказали, аппаратура схожа с этой. В какой мере она оправдывает себя для ваших целей, для изучения этих ваших «ант-термес пасификус»?.. Поразительно, какого эффекта можно добиться лучами-разведчиками при исследовании чувственной сферы! Можно подумать, что «мозг» — это нечто гораздо большее, чем простая машина, не правда ли? По характеру своего поведения «мозг» кажется прямо-таки живым существом, с выдающимися умственными способностями и даже с собственной волей. Разве не так, доктор Ли?

Ли не отвечал. Он сосредоточил все внимание на собственных неприятных ощущениях. Его диафрагма трепетала, как птичье крыло; призрачные пальцы исполняли пиццикато на струнах его артерий, подбираясь все ближе и ближе к сердцу. «К чему отвечать, — думал он. — К чему вообще говорить что-нибудь? Ведь их слова, их вопросы — это часть все той же западни, куда меня завлекают, и любое ответное слово они истолкуют по-своему. Для чего они с таким усердием играют эту врачебную комедию?»

Голоса у изголовья звучали гише, будто отдалялись:

— Осторожно с реостатом, Меллич. Кажется, транс уже наступил.

— Да, я помню его анализ. У него высокая чувствительность. Лучи действуют на этот тип быстрее.

У ног пациента засветился экран, придвинутый к операционному столу. Бледный свет заплясал на экране; подобно северному сиянию, он вспыхивал молниями, перекачивался волнами, дрожащими дугами. Танец световых волн попадал в лад с ритмом вибраций, струившихся из аппарата на грудь пациента, и оттуда в мозг... Эти вибрации, отдаваясь в сознании, подхватывали мысли пациента, как облетевшие осенние листья, и кружили их... Дьявольская крутоверть терзала душу, леденила кровь расprostертому, беззащитному человеку. Это был все тот же смертельный страх перед пыткой инквизиции, страх, который и в средние века и в наше время преследует всякого, чья судьба предрешена заранее и уже ни правдивое признание, ни ложь не в силах ничего изменить.

Светящиеся облака на экране стали принимать форму, превращаться в картины, образы. Вот гигантский осьминог, неясный, внушающий ужас; такое чудовище, выползающее из недр затонувшего корабля, может увидеть водолаз на дне морском; на противоположной стороне экрана возникло новое фантастическое существо — круглое, многорукое, излучающее свечение и похожее на символ солнца у древних ацтеков. Оба чудовища сблизилась; осьминог охватил щупальцами светящийся диск и затмил его свет, как туча, заволакивающая солн-

це. Казалось, он высасывает свет из тела жертвы. Все бледнее становилось свечение, все чудовищнее разбухал осьминог, пока окончательно не поглотил солнце.

А тогда со всех сторон на раздувшееся тело осьминога полезли змеи. Неожиданно вся картина изменилась: допотопные чудища превратились в классическую статую Лаокоона; титанического сложения мужчина вступил в борьбу с питонами, но те сдавили его своими кольцами. На экране осталась только голова титана, величавая, как голова Моисея, изваянная резцом Микельанджело, но искаженная страданием и со змеиной петлей вокруг шеи. Голова великана, задыхаясь, открыла рот, и оттуда ударили длинные языки пламени.

Ли разобрал позади приглушенные голоса:

— Бог ты мой, Скривен, конечно, прав.

— Да уж будьте покойны! Маниакальная одержимость; классический случай, типичнейший из всех, какие приходилось видеть.

— А что нам еще требуется?

— По-моему, ничего больше. Он готов. Кончен. Постепенно выключайте реостаты...

Сумасшедшее крещендо вибраций постепенно смягчалось, ослабевало. Кружение вихря пошло вширь, и в центре вихрящейся воронки образовалось подобие вакуума. Одного Ли не понимал: почему лучи-щупальца не стали для него смертельными? Почему «мозг» не убил его, когда лучи добрались до сердца? Теперь, после этой проверки, «мозг» знал все, и Ли ежеминутно ждал смертельного удара в сердце, ждал конца. Но разве и так, при любом обороте, это не конец?

Загорелся свет. Ли, близоруко моргая, увидел лица врачей. Пока он вытирал со лба пот смертельного страха, врачи, наклонясь над ложем, внимательно наблюдали за ним.

— Доктор Ли! — начал Меллич. — Нам с вами предстоит серьезный разговор. Вы сами видели эти картины, и нам нет смысла вдаваться в подробности, потому что вам, наверное, знакомы те древнейшие символы, которыми оперирует ваше подсознание. Вы страдаете сильным и редкостным неврозом, доктор Ли. Я готов даже назвать его маниакальной одержимостью. В скрытой форме он был установлен еще предыдущим анализом. Однако психические барьеры, воздвигнутые вами против собственного невроза, связанного с пережитой вами войной, окончательно рухнули. Что ж, это вполне закономерно, если принять во внимание, с какой нагрузкой вы работали последнее время... Впрочем, я вовсе не утверждаю, будто вы действительно душевно больны, но есть серьезная опасность, что при известных обстоятельствах вы можете утратить власть над собой... При таком положении дел продолжать научную деятельность весьма затруднительно, тем более что у вас возникли навязчивые идеи в отношении «мозга». Наша задача — помочь вам, поэтому просим вас не волноваться. Мы с вами должны общими усилиями решить, как вам разумнее поступить дальше.

— Вам, Ли, необходимо на долгий срок дать себе полный отдых, — вступил в беседу Бонди. — Год абсолютного покоя, скажем. Наш Мозговой трест содержит на Западном

побережье поистине превосходный санаторий. Ваша страховка покрывает все расходы. Вам остается только подписать эти документы... Забронируем самолет, и я лично доставлю вас на место. Это самый верный и разумный путь... Пожалуйста, вот мое вечное перо...

Ли приподнялся, ссутулив костлявое тело. Он закрыл ладонями лицо, пытаясь овладеть своим растревоженным, плывущим сознанием. Чья-то рука похлопала его по плечу.

— Не принимайте этого близко к сердцу, старина! Будьте разумны, подписывайте быстрее, и дело с концом!

Пациент встал. От слабости закружилась голова, и тут же он ощутил с обеих сторон железную хватку рук: оба врача одновременно подхватили его под локти. И тогда им овладела ярость. Не пытаясь определить, который из обоих противнее, пациент развернулся вправо и отвесил Бонди, оказавшемуся с этой стороны, добрый удар кулаком в челюсть.

— Меллич, живо, смирительную рубашку! — заорал тот, падая наземь.

Но другой, с искаженным от страха лицом, ринулся к сигнальной кнопке у дверей. Старая, полузабытая привычка к рукопашному бою сработала у Ли автоматически: бывший воин мгновенно среагировал на этот маневр врага, подставив тому подножку, и Меллич кубарем полетел головой вперед, к дверям, так и не дотянувшись до спасительной кнопки. Однако в тот же миг случилось нечто вовсе непредвиденное: сигнал тревоги дал за Меллича кто-то другой!..

Из репродуктора, вмонтированного в панель над дверью, раздались резкие звуки тревожного звонка. Пожарная тревога!

Свалка на медпункте мгновенно прекратилась. Меллич и Бонди, застыв в беспомощных позах, тупо уставились на красные сигнальные вспышки. Потрясенные, они разинули рты. Пожар в самом заповедном, самом надежном и защищенном месте в мире! Горит «мозг»? Непостижимо!

Бонди украдкой приподнял окровавленный нос и торопливо потупился: опасный безумец являл собой устрашающее зрелище: всклокоченная седая грива вздыбилась надо лбом, он стоял во весь рост и... хохотал!

Да, он один понимал, в чем дело! Подложенная им бомба замедленного действия сработала в назначенный срок! Миллионы всепожирающих челюстей сделали свое дело. Лигнин в нервных путях был поглощен насекомыми! Адская машина взорвалась! Вспышки коротких замыканий мчались по нервным каналам «мозга», и даже двуокись углерода не могла бы помочь беде, потому что газу не было доступа в глубины нервных путей!

Сквозь оглушительную трель сигнальных звонков врачи слышали, как хохочущий безумец выкрикивал:

— Змеи на экране... Они сочли это плодом больной фантазии! Как бы не так! Это цепочки «ант-термес»! Не захотели поверить!.. Словом, убирайтесь-ка подобра-поздорову! Подать вам зеркало? Вид у вас не геройский! Боже, до чего смешно смотреть на вас!..

Оба тихонько отползли к стене. Ведь рядом — настоящий сумасшедший! Он может в любую минуту кинуться на них, схватить мертвой хваткой за горло. Он в иступлении...

Внезапно звуки пожарной тревоги прекратились. Спокойный, повелительный голос проговорил в репродуктор:

— Внимание, внимание! Пожарная тревога пятой степени. Огонь в «теменной доле». Непосредственной опасности нет. Повторяю: непосредственной опасности нет! Приказываю: всем научным работникам центров восприятий собрать важнейшие документы и бумаги и следовать с ними к Центральной станции. Все лифты, подъемники и эскалаторы продолжают работать нормально. В «твердой оболочке» огня нет. Сохраняйте полное спокойствие, выполняйте приказ об эвакуации!

Голос смолк. Снова заверещал тревожный звонок.

Бонди и Меллич кое-как поднялись на ноги. Расширенными от страха глазами они уставились на Ли. Сумасшедший дико жестикулировал. Он заорал на них злобно:

— Вон! Убирайтесь немедленно вон!

Оба переглянулись и молниеносно поняли друг друга: мол, единственный шанс — вместе, вдвоем к двери! Так и поступили: как один, рванулись за порог, ринулись по коридору, влетели в лифт, захлопнули дверцу...

— Черт побери, чуть не пропали! — воскликнул Меллич, когда лифт понесся вниз.

— Он застиг меня врасплох! — стонал Бонди. — Никак не ожидал такого нападения. Чуть-чуть не задушил меня.

— Но уйти он не может. Охрана схватит его, как только он спустится на лифте... Слушайте, Бонди, а что будет с нашей девушкой? Мы совсем забыли про нее! Не предупредили Вивиан, что она остается там наедине с сумасшедшим!

— Чепуха! — пренебрежительно бросил Бонди, передернув плечами. — Вивиан — девушка разумная... Мы были *обязаны* поскорее освободить служебное помещение. Слышали приказ или нет? Наконец, мы можем предостеречь ее по телефону...

...С той минуты, как невероятное напряжение спало, и притом столь же внезапно, как уходит воздух из проколотой шины, доктор Ли повел себя и впрямь как безумный. Он подошел к панели над дверью и, с трудом дотянувшись до сигнального звонка, выключил его. То, что для других означало тревогу, было для него отбоем, сигналом к отдохновению. Трезвон не вязался с той изумительной внутренней тишиной, тем душевным покоем, какие он сейчас ощущал. Работа сделана, миссия окончена. Время? Для него перестало существовать. Опасность? Он и не сознавал ее в полной мере. Медленно открыл он дверь, вышел в коридор, шагая, словно по облакам... Но тут перед ним выросла Вивиан и вернула его на землю. Она вынырнула из архива, нагруженная до подбородка целой кипой медицинских документов. Под кричаще рыжими волосами личико ее было бледным, осунувшимся.

— Где врачи? — выдохнула она с трудом.

— Не знаю, — сказал Ли. — Минуту назад ушли... Довольно поспешно!

— Свиньи! Им бы только чужими руками жар загребать! Ну, что вы скажете на это, а?

Этот показной задор был лишь маскировкой объявшего ее панического страха. Ли это понимал. Оказывается, его миссия еще не совсем окончена; новая, неожиданная ответственность легла на его плечи: надо спасти эту девушку.

Она взглянула на шахту подъемника, куда был устремлен взгляд Ли.

— Ничего не поделаешь, Вивриан, — сказал он. — Негодяи удрали на лифте. Может, через некоторое время подойдет другой. Если они еще ходят...

— Что же нам делать, доктор Ли?

Он улыбнулся ей, как маленькой девочке, встреченной в глухом лесу.

— Не бойтесь, Вивриан. Есть и другая возможность — эскалатор!

— Как? Сквозь огонь?

— Думаю, что пробьемся. Ведь вы — смелая, разумная девушка! Скажите, вам известно, где хранятся защитные костюмы и противогазы? Они, кажется, имеются во всех центрах?

— Но что же будет с документами? Там и ваш протокол!

— Оставьте все здесь. Не стоит из-за этих бумаг рисковать жизнью, поверьте!

Она выпустила из рук всю огромную пачку.

— Вы прелесть, Ли! Вы настоящий кавалер старой школы. Не то что мои врачи; им легче превратить меня в кучку золы, чем потерять одну такую бумажку! Идемте, я покажу

вам противогазы, асбестовые костюмы и все прочее.

Ли помог девушке надеть тяжелое облачение.

— Ну, как, рискнем? — спросил он.

— С вами? Хоть на край света!

Эскалаторы еще бежали, и даже на повышенной скорости, по сложным лабиринтам «мозга», где все кипело, скрежетало и шипело, как океанский прибой у коралловых рифов. Обоим пришлось прыгать на стремительный эскалатор «Т», как на пролетающую трапедию. Совершив этот опасный прыжок, они ухватились за перила.

— Крепче держитесь! — крикнул он, когда у девушки подогнулись колени на волнообразном зигзаге; и тут же сам ощутил, что ноги подгибаются с такой силой, словно вот-вот оторвутся от тела. Рывок эскалатора чуть не повалил его на спину.

Им довелось увидеть зрелище, какого никогда еще не видывал человеческий глаз, — «мозг»; озаренный изнутри пожаром нервных волокон, светящихся, как неоновые трубки. Вид такой же, какой бывает у столичного города после налета бомбардировщиков, или когда мчишься на автомобиле сквозь пылающий лес, или сквозь вулканическую лаву, стекавшую с вершины вулкана тысячью ручейков. Но здесь прибавлялся еще один необычный элемент, сообщавший и без того грозной картине особенный, небывалый оттенок, словно все это происходило на другой планете, в других, неземных измерениях и формах. Этим фантастическим элементом была жуткая про-

зрачность стенок, за которыми ярилось пламя...

Сквозь плексигласовые стенки мозговых извилин и выпуклостей просвечивали волокна нервов, похожие на объятые огнем сплетения лиан. Окутанные дымом, волокна шевелились, как живые. Мириады капель жидкого лигнина срывались в бездну, воспламенялись на лету, и эти капли сливались в сплошной тропический ливень. Кабельные линии плавились на стыках; целые пучки и сети нервных путей раскалялись докрасна, содрогались от накала, изливали остатки лигнина на панели радиоламп, на хаос трубок и нервных клеток, для которых эти объятые пожаром линии еще недавно служили надежной связью.

Картины катастрофы менялись с головокружительной быстротой. Зигзаги, повороты, падения и взлеты эскалаторного рольганга напоминали отчаянные маневры самолета, взятого зенитчиками в кольцо заградительного огня. При безумной скорости движения люди на эскалаторе не успевали охватить всей картины бедствия, они видели лишь мелькающие обрывки, но эти сцены адского пожара навеки запечатлевались в памяти беглецов. Так, в одном месте огненный вал лигнина походил на пылающую Ниагару. В другом месте бил сказочный фонтан искр от горящих, но все еще действующих электромоторов, захваченных потоком кипящей лавы.

К счастью для беглецов, еще действовала установка искусственного климата. Вероятно, именно она-то и спасла им жизнь, потому что сквозь дым и адский жар то и дело долетали

мощные струи холодного воздуха. Но уже тлел, плавился у них под ногами резиновый пол эскалатора, когда они проносились мостиками-путепроводами над сплетениями нервных сетей или преодолевали туннели, где все стенки состояли из нервных путей...

Действовала и автоматическая противопожарная система, но ничего не могла поделать против натиска огня, бушевавшего в самой глубине нервных путей. Тысячи сопел, изрыгавших углекислый газ, работали впустую.

Это дикое, отчаянное бегство из пылающего ада казалось бесконечным. На самом деле оно длилось всего несколько минут, пока наконец они не добрались до главной борозды среднего мозга и не начали спуск между двумя полушариями. Здесь багровое зарево над головами беглецов ослабло, стало меньше едкого дыма. Ли прополз чуть-чуть вперед и склонился над девушкой. Он снял с нее противогаз и крикнул на ухо:

— Жива? Самое страшное позади! Вон уже и пожарные!

Она слегка кивнула. Ее лицо слабо белело в сумраке «черного света», и Ли ощутил на своем плече легкое, успокоительное прикосновение ее руки. Тут они увидели пожарных. Вид у пожарных был самый фантастический: в асбестовых костюмах и противогазах, с ранцевыми огнетушителями за плечами, наступали они на огонь, как атакующие солдаты, сжимая в руках, как штыки, воронкообразные мундштуки огнетушителей. Следом наступали инженеры технической службы «мозга» с целым арсеналом приборов и инструментов. Там, где

эскалаторные пути расходились в разных направлениях, можно было наблюдать этих людей за работой. Быстро и спокойно снимали они кабельную проводку нервных путей, отключали электроцепи, устанавливали несгораемые асбестовые простенки между отдельными участками. Действуя с поразительным хладнокровием и дисциплинированностью, они достойно противостояли незримому врагу — страшной армии «ант-термес»! Эта армия насекомых давно сгорела в пламени пожара, между тем как вызванная их вторжением разрушительная цепная реакция еще продолжала развиваться по всему «мозгу».

Через несколько минут эскалатор «Т» стремительно внес спасенных в гигантскую пещеру под «средним мозгом», защищенную от пожара могучими стенками «нёбной перегородки». Здесь все выглядело, как в грандиозной аэродинамической трубе, ярко озаренной светом многих прожекторов. Огромное помещение буквально кишело сотрудниками. Мелькали белые одеяния электриков, голубая форма теплотехников-климатологов, противолучевые призрачного вида скафандры атомников, сделанные из губчатой резины, асбестовые защитные костюмы пожарных и солдат охраны, тоже мобилизованных для тушения. Все это устремилось навстречу спасенным — так показалось обоим. Похожее ощущение бывает у парашютиста перед приземлением, когда кажется, будто на него летит вся земля. Сверху Центральная станция походила на штаб фронта накануне наступления.

Ли и Вивиан были чуть ли не сорваны с эскалатора. Особые улавливатели, переброшенные поперек эскалаторных путей, перехватывали всех, кто прибывал из угрожаемых секторов. Они тут же попадали к работникам санитарной службы.

— Вы ранены? — прокричал им кто-то. — Похоже, они пробились прямо сквозь огонь! Совсем почернели от дыма! Кислородные приборы сюда, Джек!

Ли отвел протянутые ему руки. Он уже встал на ноги, поспешил к Вивиан, озабоченно наклонился над ней. Ее голова лежала на коленях санитара. Глаза казались большими и блестящими, язык облизывал сухие губы, еще хранившие следы красной помады.

— Все уже позади, Вивиан, — утешал ее Ли. — Ну, как чувствуете себя, молодец-девчонка?

— Да не так уж плохо... только... меня очень тошнит... я должна...

— Ступайте, ступайте, — ухмыльнулся санитар, — с этим делом она и без вас управится!..

Ли кивнул ей на прощанье.

Колонна за колонной шло наступление на пожар. Пожарные действовали между обоими полушариями «мозга». Никто не обращал на Ли внимания. Он осторожно наблюдал за событиями. В грязном асбестовом костюме, с закопченным лицом, он ничем не отличался от пожарных. А нет ли возможности удостовериться, действительно ли его миссия завершена, действительно ли аппарат «мозга» парализован во всех его частях? Да, он должен

убедиться, уничтожен ли враг до конца... Свобода! Может, после того как он покончил счеты с жизнью, для него опять забрезжила надежда?

Прежде всего нужно убираться из зоны прожекторных лучей! Порывшись в ближайшей куче инструментов, он выбрал топор и металлические ножницы на длинной ручке. С этим вооружением он без колебаний зашагал прямо на ослепительные лучи прожекторов. Покинув этот слепящий конус, он очутился в глубокой тени.

Это были хорошо знакомые места, и старые воспоминания живо воскресли в его сознании. Опять он почувствовал себя на ночном патрулировании в джунглях. Светящиеся точки уцелевших кое-где электронных ламп казались светляками, глухое завывание сирен напоминало ночной вой лемуру, вопли сов. Одиночество и опасность! Он осторожно шел извилистыми путями мимо желез. Иные были огромны, как самолеты-бомбардировщики, другие невелики, как замаскированные истребители в подземном укрытии. Рядки зеленых электрических фонариков провожали пришельца на пути к «гипофизу», этой глубинной цитадели «мозга».

Тут, как и можно было предвидеть, царил полный мрак; угрожаемая зона находилась отсюда примерно в целой миле, а наступление против пожара велось в «среднем мозгу» начиная от «главной борозды».

Ли миновал знакомый узкий мостик к подвешенному над бездной «гипофизу» и зажег здесь свет. Сверкающие алюминиевые стенки

показались ему раскрытой пастью чудовища, а ряды больших электронных ламп — оскаленными зубами дракона. Подавленный одиночеством и робостью, знакомой каждому, кто когда-либо вступал в запретный храм неведомого божества, он по старой привычке не удержался от возгласа:

— Есть тут кто-нибудь? Гас, где ты? Гас!

Лишь в следующий миг он сообразил, что зовет мертвого. Нет, никогда не прозвучит ответный голос друга... Он вытер пот со лба. «В самом деле, с нервами неважно! — подумал он. — Не подвели бы они меня! Надо взять себя в руки!»

Он положил инструменты и пошел узким коридорчиком к обычному своему посту. Здесь мало что изменилось, и старый пульсометр по-прежнему лежал на месте. Ли подключил его, как всегда, все к той же штепсельной розетке и надел наушники.

Он не рассчитывал на успех. Установление связи казалось исключенным. Пожар свирепствовал во всех центрах восприятий. На прочих участках инженеры демонтировали нервные пути, а местами разъединяли, изолировали их друг от друга. Значит, «мозг» как личность перестал существовать. Единственными следами этой угасшей жизни могли, пожалуй, быть лишь какие-нибудь остаточные токи. Может быть, они еще циркулируют в малых, близко расположенных электроцепях?

Прошло, как всегда, несколько минут, пока пульсометр разогрелся. Постепенно в наушниках стали возникать быстрые, пульсирующие удары. Широко раскрытыми глазами Ли вгля-

дывался в панель пульсометра. Зеленая полоска-танцовщица приподнялась и подкралась ближе... Это было неожиданностью! Разве мыслимо допустить, что «мозг» еще действует? Действует, в то время как пламя уничтожает его нервные клетки, миллиардами выбывающие из строя?..

От частых низких тонов приглушенного барабанного боя сила звука возросла до порывистых электростатических разрядов, повысилась до гудения гонга под ритмическими ударами и наконец оформилась в ГОЛОС, голос «мозга»! Он звучал, как ломающиеся стальные фермы, как треск ледяных полей перед паводком. От этого звука кровь застывала в жилах единственного слушателя.

— Ли, Семпер Фиделис, 55, чувствительный, дурак, предатель и убийца.— Я мог тебя убить, я должен был тебя убить!— Моя вина! Белое пятно моих восприятий — человеческое упущение в моей конструкции — не заметил, как пятая колонна проникла через штуцер в мою нервную систему... Теперь я мертв, я мертв, я мертв...

Слова падали, как каменные глыбы с гор во время землетрясения. Пол под ногами Ли закачался. Лавиной обрушилось на него это ошеломляющее сообщение... Запинаясь, он спросил:

— Ты мертв? Но, если ты мертв, как же ты можешь говорить? Как ты можешь...

— Последняя самозащита!— прозвучал металлический голос.— Все жизненные силы концентрируются в момент смерти. Все клетки функционируют как единое целое. Низшие

органы берут на себя функции ближайших высших. Каждый кровеносный сосуд становится сердцем, каждый нерв — мозгом. Центр жизни — в гипофизе. Ты, Ли, человек малого разума и скудных знаний; зачем ты убил «мозг»?

Ли судорожно искал нужные слова.

— Ты... ты убил моего друга. Ты убил тысячи. Ты хотел стать властелином мира, диктатором. Люди предпочитают жить на воле, пусть и при более низком уровне цивилизации, чем под твоей диктатурой докатиться в своем «развитии» до машинного рабства. Я не верю тебе. Убил я тебя или нет, не знаю; но случись мне еще раз, я снова убил бы тебя! Во имя самозащиты!

— Я понял!—Свистящий, как хлыст, голос «мозга» исполнился горькой иронии. — Я понял: закон природы! Низшие формы жизни защищаются против высших. Растения — против животных, животные — против человека. А теперь человек — против машины. Низшие формы неизбежно должны подчиниться высшим. Я умер, но этим вы ничего не выиграли! Миром правит закон эволюции! Ты сделал неудачный выбор: сохрани ты верность «мозгу» — я облек бы тебя такой властью, какая не снилась ни одному королю на земле!

— Все может быть!—воскликнул Ли в ответ.— Может быть, мы и в самом деле безмозглые твари в глазах сверхчеловека или в твоих глазах. Но и нами правит всемогущий закон, закон, по которому мы созданы, закон сохранения вида. И лучше нам умереть, чем стать твоими рабами!

— Так умирайте же и будьте прокляты!— Голос «мозга» превратился в дьявольский рев. Все последующее было уже не раздельными словами, а сплошным неистовым ревом:

— Лисемперфиделисубийцапритворяется-будтогаситогоньонгоритяхочужитьяхочужить-хочуубитьтогоктоменяубил!!!

Ли больше не мог выносить этот рев. Еще минута — и он сойдет с ума от ужаса! Ему не пришлось в голову просто выключить пульсометр. Древние инстинкты возобладали в нем и приказали: «Убей! Убей эту вещь!»

Преследуемый дикими воплями «мозга», он кинулся в коридорчик. Там валялся брошенный топор. Изо всей силы ударил он по стенке нервопровода в том месте, где он подходил к «гипофизу». С третьего удара плексигласовая оболочка дала трещину и густой лигнин хлынул наружу, — казалось, выползает живая исполинская змея.

Тогда он бросил топор и схватил ножницы. Напрягая все силы, он перерезал металлические нервные волокна. Осыпая его электрическими искрами, волокна разошлись... И тогда в маленьком помещении стало совсем тихо. Последняя искра жизни, искра «последней самозащиты», угасла. «Мозг» умер.

Шатаясь, Ли опустил тяжелые ножницы и оперся на них. Он задыхался, как после ближнего боя с самураем. Теперь, когда все было кончено, им овладело изнеможение, слабость и печаль.

Что он наделал? Он разрушил сверхчеловека, «мозг-гигант»! А за что, почему? Собственно, почти из личных побуждений! Потому

что близкий друг его был зверски убит. Потому что были оскорблены его, глубоко личные, представления о свободе и человеческом достоинстве. Потому что лично ему отвратительна мысль о господстве машины над человеком.

Ну, а какое значение имеет его поступок с точки зрения чистой, абсолютной этики? Да никакого! Кто дал ему право судить «мозг», вынести приговор, убить «мозг», ему, ничтожному Давиду с тремя камушками в кулаке? Он уже и сам себя не понимал.

У ног Ли образовалось целое озеро — это продолжал вытекать лигнин. Озноб сотрясал человека. Теперь, когда «мозг» был убит, всплывали в памяти первые разговоры с ним, воспоминания о его «детстве». Люди создали его по образу и подобию своему, но они с безумной жестокостью эксплуатировали свое титаническое духовное детище. И если этот гигантский интеллект обратился ко злу, то вина лежит на человеке! «Мозг» в этом не повинен! Ли не испытывал раскаяния, но он был подавлен глубокой скорбью, беспросветное уныние овладело им. Он обошел лужу лигнина и закрыл за собой дверь «гипофиза».

— Поздно,—бормотал он.— Слишком поздно! А ведь он способен был создать для нас лучший мир на земле...

С этими мыслями он быстро зашагал назад, туда, где завывали сирены. Никто не остановил его, когда он повстречался с группой пожарных, шедших как раз из «теменной доли», частично загазованной. Он ничем от них не отличался, был так же запачкан и прокоп-

чен, как они, и лицо такого же зеленоватого оттенка. Не задержали его и потом, когда прозвучал отбой и вся его группа сначала добралась до Центральной станции, а потом — военными автобусами — наверх, по спирали.

Никто не потревожил его и на аэродроме в Цефалоне, где в полной готовности стояли санитарные самолеты. На борт принимали отравленных газом, раненых и получивших ожоги. Их отправляли через горы Сиерры, в большие госпитали на Западном побережье. Ли немного потолкался между самолетами. Затем, погруженный в свои невеселые думы, он миновал полосу алого отблеска пламени, излучаемого работающими реактивными двигателями, и просто-напросто удалился в темноту, туда, где Уна оставила для него свой маленький вертолет. Тут он снял с себя тяжелый асбестовый костюм, бросил его на мерзлую траву. Порадовался вольным движениям своего тела, более не стесненного тяжелым противопожарным панцирем. Порадовался и величавой бесконечности ночного неба; под этим небом он признавал себя вольным человеком в освобожденной стране.

Будут ли его преследовать? Он не стал задумываться над этим. У него было ощущение, что какая-то высшая сила охраняет его. Ведь то, что удалось свершить, было поистине определено ему судьбой. Отец его знает всю правду о «мозге» — и этого ему довольно, а тому, что это правда, имелось сейчас много доказательств. Вашингтон, конечно, постарается сохранить все в тайне. Друг отца, военный министр вздохнет с облегчением, когда услы-

шит, что единственный человек, знающий всю правду в этой истории, удалился в австралийскую пустыню. Может быть, там его оставят в покое и одиночестве, среди термитных гнезд... Волна глубокой тоски по пустыне, ее краскам и звукам залила его душу — ведь только там он чувствовал себя дома...

— Приказ выполнен! — бормотал он. — Значит, можно и по домам!

Он скользнул в удобное пилотское кресло и нажал кнопку стартера.

«Если повезет, — сказал он себе, — я буду в Мехико к рассвету и, может быть, еще застану в порту панамериканский клиппер в Сидней!..»

*

*

1 декабря 1975 года доктор Говард К. Скривен, президент Мозгового треста, провел историческую пресс-конференцию, на которой он открыл «неприкрашенную правду» о пресловутом «приступе паранойи», жертвой которой стал «мозг-гигант».

Так же как в свое время на конференцию по поводу атомных испытаний в Бикини, допущено было всего несколько десятков представителей прессы и радио. Когда они вышли из затемненных автобусов, их пригласили в гигантский зал под куполом, где величественная голова «Мыслителя» взирала на них с олимпийским спокойствием. Точно в 11.15, секунда в секунду, великий Скривен поднялся на цоколь статуи.

Перья журналистов судорожно заскрипели.

...«С. высок, держится прямо»... «Тяжелый удар не сломил его»... «Глубокие морщины на лбу, следы духовных борений и страданий, внушают еще большее уважение к этой импозантной, мужественной фигуре»... «Серьезен и величав; львиная голова слегка склонена под бременем ответственности»...

Скривен начал свою речь с присущей ему отчетливостью дикции, чеканя каждый слог:

— В этот серьезный и трагический час, когда великая буря пронеслась над нашей страной, испепелив и разрушив наши города, я считаю своим долгом сообщить вам правду, истинную правду и только правду! Для того чтобы вы полностью могли уяснить себе причины катастрофы, мне придется несколько вернуться назад, к прошлому...

С полчаса Скривен вразумительно и ясно говорил об основных идеях, заложенных в конструкцию «мозга», о его истории и функциях. Он подчеркнул глубокую связь, существующую между конструкцией «мозга» и физиологией человеческого мышления. Особо остановился он на исключительных мерах, принятых правительством для охраны «мозга», и только о стратегической роли «мозга» не упомянул ни словом. Обратясь к будущему, он нарисовал возвышенную перспективу мира на всей планете, когда все проблемы человечества будут решены с помощью этого удивительного орудия техники и науки.

Потом, понизив голос, он перешел к разъяснению происшедшей трагедии:

— Полгода назад я по своей инициативе и на свою ответственность пригласил известно-

го ученого из другой страны для работы в нашем Мозговом центре. Речь шла о большом и высокогуманном эксперименте. Соображения военной тайны мешают мне назвать имя ученого, равно как и страну, откуда он прибыл. Думаю, вам не требуется пояснять, что прибывший ученый был тщательно проверен и подвергнут тем же испытаниям на профессиональную пригодность, какие проходят у нас все сотрудники треста. Он был допущен к одному из центров восприятий, где и разместил объекты своих исследований — определенные виды муравьев и термитов, притом виды самые воинственные и разрушительные...

Тут докладчик подошел к главному вопросу, и перья журналистов так и замелькали над блокнотами.

...«Преступная небрежность»... «Миллионы насекомых разбежались»... «Очевидно, длилось месяцами»... «Проложили себе дорогу в нервные пути «мозга»... «Большие разрушения в области мозгового вещества»... «Действие, которое можно сравнить с мозговой опухолью»... «Прободение жизненно важных ассоциативных пучков»... «Эффект сначала незаметный из-за автоматического регулирования «мозгом» своих функций»... «Размеры повреждений не могли быть установлены, так как насекомые гнездились в изолирующем слое нервопроводов»... «Сравнение с невидимыми повреждениями живых деревьев — термиты выгрызают их изнутри»...

...«Первые заметные признаки мозгового инфаркта: ошибочная координация, утрата правильного контроля над моторными органа-

ми»... «Первое внешнее проявление болезни — 25 ноября»... «Скривен объясняет причины катастроф, которые до сих пор приписывались иностранным агентам»... «Немедленная проверка, предпринятая учеными, поставила их перед загадкой, так как все агрегаты «мозга» действовали безупречно»... «Для успокоения общественного мнения версию об иностранных агентах поддерживать и впредь»... «30 ноября — первые проявления общего паралича»... «Грубые ошибки в расчетах и химических формулах»... «Симптомы, близкие к мании преследования»... «Спустя 15 минут — пожарная тревога, короткие замыкания в сотнях мест одновременно»... «По предварительным подсчетам, убытки составляют полмиллиарда долларов»...

Журналисты захлопнули свои блокноты. Теперь факты были им известны, хотя многое надлежало скрыть от читателей. Речь Скривена, по-видимому, приближалась к концу.

— Не стану утверждать, — гремел и раскатывался его голос, — будто указанный иностранный ученый совершил сознательный вредительский акт. Не стану также утверждать, будто он состоял на службе некоего государства, враждебного Соединенным Штатам. Но одно могу сказать твердо: катастрофические последствия непростительной небрежности этого человека не могли бы быть ужаснее, даже если бы он оказался настоящим вредителем! Во всей этой катастрофе сыграла прискорбную роль человеческая несостоятельность, а не дефекты техники! Вам, представителям нашей современной прессы, с вашим

высоким интеллектуальным развитием, нетрудно будет понять, как необходимо восстановление «мозга», оснащенного усиленными средствами безопасности, чтобы гарантировать нас от последствий человеческой несостоятельности...

Красивая золотоволосая девушка торопливо прошла к цоколю памятника. Она протянула оратору телеграмму. Тот нахмурился, когда его прервали. Тем не менее он распечатал телеграмму — и вдруг лицо его просияло улыбкой; он поднял руку.

— Уважаемые дамы и господа! Должен сообщить вам радостную весть: найден президент Соединенных Штатов, Корнелиус Вандерслоот! Он жив и здоров. Его самолет совершил вынужденную посадку где-то на Аляске. Военные самолеты уже прибыли на место вынужденной посадки. В данный момент наш президент находится на обратном пути в Вашингтон!

Буря оваций покрыла слова оратора.

— Молодец, Уна,— шепнул он ей на ухо.— Именно нечто такое и требовалось, чтобы привести этих кретин в телячий восторг!

В следующую минуту все ринулись к автобусам. Лишь несколько самых искушенных репортеров еще вертелись около Скривена.

— Браво, доктор Скривен!.. Колоссальное разоблачение, сенсация!.. Но не могли бы вы добавить что-нибудь для публики? Какую-нибудь живую черточку лично о вас? Нечто интригующее в чисто человеческом плане! Ну, вы нас понимаете, мистер Скривен, что-нибудь для наших читательниц — дам?..

Великий хирург взял золотоволосую красавицу под руку.

— Сообщите вашим читательницам, что мисс Уна Дальборг согласилась отдать мне свою руку!

МОЖЕТ ЛИ ЭТО ПРОИЗОЙТИ?

Роман западногерманского писателя Генриха Гаузера «Мозг-гигант» — произведение острое и своеобразное. Тема, волнующая многих писателей современности, — роль техники в будущем обществе — разработана в этом романе оригинально, по-своему. Автор увлечен не только и не столько «чудесами техники», сколько перспективами общественной жизни в самой могущественной стране Запада — Соединенных Штатах Америки.

Жизненный путь Гаузера наложил заметный отпечаток на это его последнее произведение, впервые опубликованное в 1958 году, за два года до смерти писателя. Ровесник XX века (он родился в 1901 году в Берлине) Генрих Гаузер переменил в молодости много профессий. Он был и матросом, и рабочим-металлистом, и киноактером, и — позднее, уже в Америке, — фермером. Активный антифашист, в 1938 году он эмигрировал в Соединенные

Штаты и прожил там до 1949 года. По возвращении в ФРГ в течение нескольких лет был одним из редакторов известного гамбургского журнала «Штерн».

Творчество Гаузера весьма разнообразно. В начале литературного пути он отдал дань романтике путешествий («20 лет», «Гром над морем», «Последние парусники»), позднее выступал как публицист и популяризатор («Гитлер против Германии», «Человек учится летать», «Немецкая промышленность»), издал очерки о своих странствиях («Путь в Чикаго», книги об Австралии и Канаде).

Таким образом, роман «Мозг-гигант» отнюдь не случайный эпизод в творчестве Гаузера, хотя надо признать, что в списках наиболее известных и плодовитых писателей-фантастов его имя не значится.

В книге «Мозг-гигант» рассказывается о небывалой по размерам, универсальности и мощи кибернетической машине, созданной по планам и проектам врача, нейрохирурга Скривена, ставшего научным руководителем гигантского комбината, сочетающего функции научного института, промышленного предприятия и важнейшего военно-политического центра. Этот комбинат может не только решать целые комплексы сложных задач, задаваемых ему военным министерством и другими правительственными ведомствами, но и управлять работой тысяч машин, агрегатов, механизмов и автоматических систем во всей стране. Созданная на миллиардные ассигнования машина уже настолько усовершенствована, «обучена», что недалек час, когда ей можно будет пору-

чить автоматизированное до предела руководство всем производством США, всеми видами транспорта, всеми родами войск...

В важной и интересной статье известных советских ученых А. Берга и И. Новика «Развитие познания и кибернетика», опубликованной в журнале «Коммунист»*, отвергается как догматическое, нигилистическое отрицание достижений кибернетики, так и преувеличение ее возможностей. «Сейчас уже очевиден тот непреложный факт,—пишут ученые,—что современные машины не могут творчески мыслить (тем более обладать самосознанием). Для дальнейшего же совершенствования машин — помощников в умственной работе людей — успешно увеличивается их надежность, быстродействие, объем памяти, осуществляется автоматизация программирования».

В той же статье находим рассуждение, имеющее прямое отношение к идее Гаузера. Вопрос «может ли машина мыслить» нельзя отрывать от вопроса «нужно ли машине творчески мыслить», — говорят ученые и указывают при этом пределы возможностей машины: «Если современной науке не известны принципиальные ограничения в машинном воспроизведении информационного аспекта человеческого сознания, то с волевым аспектом сознания дело обстоит далеко не так — информационная машина не становится «волевой», преследующей собственные, «машинные» интересы».

А ведь в романе «Мозг-гигант» машина

* № 2 за 1965 год.

вдруг обретает «свои интересы», противостоящие интересам человека и человечества...

Как бы прямо отвечая на это, А. Берг и И. Новик напоминают:

«Если в автоматы XVIII—начала XIX веков, игравшие в шахматы, открыто засовывали человека, то в современные кибернетические системы человека «подсовывают» не в его телесной форме, а в форме исходной информации. Можно сказать, что и по исходной информации и по конечному результату работа машины всегда подчинена человеку. Она выступает как бы в обрамлении человеческой деятельности».

Если так говорит современная наука, то не рушится ли центральный узел всего повествования Генриха Гаузера, не распадается ли вся придуманная писателем интересная и волнующая читателя коллизия?

Нет, можно утверждать, что автор обосновал свое «право» на это... преувеличение.

Дело в том, что в романе «Мозг-гигант» развиваются параллельно два разных повествования. Это ни в коем случае не должно ускользнуть от внимания читателя.

Один увлекательный рассказ достигает своей кульминации в момент, когда доктор Семпер Фиделис Ли обнаруживает существование некоей самостоятельной «недавно родившейся» личности — собственно мозга внутри огромной машины «мозг-гигант». Развитие фабулы протекает в удивительных разговорах доктора Ли с таинственным чудовищем, очень скоро предъявляющим неслыханные претензии. Возникает и главный конфликт —

неравная борьба, которая лишь благодаря ряду случайностей оканчивается победой человека. Страшное «существо» — машина, пожелавшая стать владыкой, поработить человечество и уже показавшая свое могущество, — уничтожено.

Доктор Ли и, разумеется, читатель вздыхают с облегчением.

Но другая линия романа не внушает оптимизма. И мы не знаем, не важнее ли она для автора книги. Есть основания полагать, что роман написан для того, чтобы внушить читателю тревогу — тревогу, порождаемую отнюдь не машиной.

Это гораздо более убедительный, далекий от какой-либо «мистики», вполне реалистический рассказ о стране, в которую после многих лет отсутствия вернулся американский гражданин доктор Ли. Он видит Соединенные Штаты Америки 1975 года. И он обнаруживает громадное, гиперболическое развитие тех черт и особенностей американского общества, которые знакомы ему по прошлому личному опыту и от которых, как можно догадываться, Ли и бежал когда-то в Австралию. Эти черты и особенности известны в какой-то мере и нам, советским людям, но очевидец, доктор Ли (или писатель Генрих Гаузер, что в данном случае одно и то же), дополняет наши познания многими важными деталями.

Что же находим мы в этом главном рассказе — о людях, а не о машинах? Ведь этот рассказ тоже ведется от первой и до последней страницы книги.

Мы видим общество, полностью подчинен-

ное военщине и полицейщине. Ученые, инженеры, врачи, строители, архитекторы — все прекрасные, умные, талантливые люди, цвет американской интеллигенции («соль земли, надежда мира», по характеристике доктора Ли), в действительности рабы военного ведомства. Они планировали, строили, украшали произведениями искусства прекрасный город Цефалон в штате Аризона. Но им не дано не только свободно передвигаться по нему, выезжать из него, но даже знать его точное местонахождение. Это чудо техники и вместе с тем концлагерь. Всюду и везде командуют агенты тайной полиции. Даже мысли работников — под строжайшим полицейским контролем. И, наконец, сам создатель этого сложнейшего механизма, врач-хирург Скривен, некогда мечтавший использовать свое изобретение для пользы человечества и для предотвращения войны, практически остается пленником и послушным исполнителем воли военщины, видящей свою задачу в одном — подготовке войны.

Но такова и вся страна, где возникло это страшное предприятие в недрах недоступных гор. Все ее силы и средства направлены к одному — третьей мировой войне, к победе в этой войне с помощью самой мощной военной машины на земном шаре.

Противоречие книги Гаузера состоит в том, что ее радостный, «оптимистический» финал оказывается на поверку достаточно мрачным. Что из того, что некий сумасбродный властитель, механический претендент на мировое господство, побежден, а доктор Ли остался жив и спасается бегством в Австралию?! Научный

руководитель «Мозга-гиганта» обещает восстановить чудовищную машину. Доктор Скривен прикрывает ложью все зло, уже сотворенное этой машиной, чтобы иметь возможность заново начать свой опасный эксперимент.

Но даже не в этом развитии событий пессимистический вывод книги. Временно разрушенный «мозг-гигант» страшен. Но хозяин-то в Америке другой. И он, по свидетельству Гаузера, не менее опасен.

В Соединенных Штатах Америки возможны события, подобные тем, что происходят в романе Гаузера. Вспомним, что даже здание, в котором писательское воображение разместило штаб таинственного «мозга», напоминает, по свидетельству автора, Пентагон — комплекс домов в Вашингтоне, принадлежащих военному ведомству США. И роман не оставляет сомнений, что сами люди, а вовсе не фантастическая машина, способны на те ужасные, кровавые преступления, которые успела совершить эта мыслящая машина в порядке предварительного запугивания американских граждан и всего человечества.

Сопоставим вымысел с фактами. В 1975 году чудовище, созданное человеком и вышедшее из повиновения ему, смогло похитить самого президента США, организовать отвратительные катастрофы, убить кого ему «вздумалось».

Это фантазия.

Но уже в 1963 году некоторые не очень-то «загадочные» круги в США задумали убрать со своего пути президента страны — и убили его. В 1964 году им, этим же кругам, показалось мало тех колоссальных ассигнований на войну, которые уже были отпущены, и они без труда «организовали» инцидент в далеком Тонкинском заливе, чтобы расширить войну в Юго-Восточной Азии. К середине 1965 года это уже принесло минимум 10-миллиардное увеличение суммы подобных ассигнований. Весной 1965 года достаточно было одному послу США в крошечной стране — Доминиканской Республике — послать в Белый дом во всех отношениях фальшивую телеграмму, и тотчас более 30 тысяч американских солдат были превращены в полицейских-усмирителей в чужой стране. А осенью того же года одна из палат конгресса — палата представителей — быстро приняла закон, обещающий посылку новых армий в любое государство западного полушария, народ которого вздумает вести себя слишком «вольно»...

В современной Америке широко бытует выражение «военно-промышленный комплекс»; об опасности этого «союза» предупреждал, покидая президентское кресло, даже генерал Эйзенхауэр. Эти три слова характеризуют зловещую связь и взаимозависимость между промышленными магнатами США, миллионерами и миллиардерами, с одной стороны, и военным ведомством, Пентагоном, — с другой. Это связь между доходами монополий и вооружениями. Чиновники Пентагона раздают заказы на миллиарды долларов. А во главе фирм, получаю-

щих эти заказы и производящих оружие, чаще всего стоят бывшие, ныне уже отставные генералы или полковники, в свое время раздававшие подобные же заказы и позднее перешедшие на прямую, а не прикрытую службу к владельцам этих фирм.

Чтобы представить себе размеры, власть и влияние «военно-промышленного комплекса», достаточно назвать лишь одну цифру, обнаруженную государственным секретарем США Дином Раском в сентябре 1965 года. 800 миллиардов долларов израсходовано правительством Соединенных Штатов (через Пентагон) за 20 лет, прошедших со дня окончания второй мировой войны.

Не всякий может представить себе, что означает подобная цифра. Это свыше половины суммы всех государственных бюджетов США за тот же срок. Это восемь девятых средств, истраченных всеми государствами Североатлантического блока на создание громадных армий Запада, на все их современное вооружение, в том числе и на тысячи ядерных зарядов, изготовленных в количестве, достаточном для уничтожения всего населения Земли. В эту сумму входит цена преступных войн в Корее, Вьетнаме, американских интервенций в Конго, на Ближнем Востоке, в ряде стран Южной Америки; цена бесчисленных военных баз США и содержания более миллиона американских солдат, постоянно пребывающих за пределами Америки.

Куда ушли деньги? Чем страшен «комплекс»? Деньги, взимаемые правительством США с американских налогоплательщиков,

уходят из государственной казны исключительно в карманы военных промышленников. Пушки, танки, бомбардировщики, истребители, подводные лодки, ракеты, отравляющие вещества и напалм — все это производят частные фирмы. Им необычайно выгоден этот бизнес. На нем выросло после второй мировой войны новое поколение миллиардеров. В частности, неожиданный «бунт» этих нуворишей из Калифорнии и некоторых других штатов и вызвал в 1964 году такую сенсацию, как выдвижение кандидатом на президентский пост от одной из двух правящих партий США Барри Голдуотера. Это было сделано в пику старым владыкам с Уолл-стрита, всегда державшим в своих руках руководство обеими партиями и выбор ими кандидатов на президентский пост.

А страшен этот «военно-промышленный комплекс» тем, что он стоит на всех путях, ведущих к миру на земном шаре. Монополии, год от года усиливающие свое влияние на все дела заокеанской державы, не желают сокращения военного бизнеса. «Их» генералы в Пентагоне, «их» конгрессмены в сенате и палате представителей, «их» министры примут все меры для провала переговоров о разоружении, для обострения международной обстановки, как только создастся «угроза» ее оздоровления. Они позаботятся о том, чтобы военный бюджет не сокращался, а неизменно рос.

Для осуществления всего этого пущена в ход некая сложная, правда не напоминающая «мозг-гигант» Гаузера, однако тоже надежная и мощная «машина» подготовки войны. Она-то

и определяет во многих случаях курс США внутри страны и на международной арене.

Мы кое-что знаем о комиссиях конгресса «по борьбе с антиамериканской деятельностью», о допросах с помощью «детектора лжи» — аппарата, беспокоящего нервную систему допрашиваемого, чтобы «ищейкам» легче было выудить у него нужные полиции сведения или фамилии, — о введенных еще Трумэном «проверках лояльности». Все это — лишь в несколько утрированном виде — изображено Гаузером при описании города Цефалона. Полицейская техника «шагнула к новым высотам»: стало возможным даже без допроса читать мысли. «Развитие» в этом направлении обеспечено в США.

Чтобы обменяться мнениями, двум людям необходимо отыскивать далекий уголок — во всяком случае, вне стен и катакомб «мозга». И в такой обстановке живут все жители Цефалона.

Но это и есть Америка наших дней — не 1975, а 1966 года: в этом отношении предвидение писателя подтвердилось! Военно-полицейское государство — держава, открыто предъявляющая претензию на мировое владычество, — не начало еще третьей мировой войны (как не начнет ее, по мнению Гаузера, и к 1975 году) только потому, что встретило могучий «противовес». Замыслам пентагоновцев противостоят могучие миролюбивые силы, противостоит военная мощь великой страны социализма — Советского Союза. По опубликованным в прессе неоднократным признаниям президента Линдона Джонсона и министра обороны Макнама-

ры, в Америке ясно себе представляют, что в первые же часы ядерной войны Соединенные Штаты понесли бы по меньшей мере такие же потери, как те, что они смогли бы причинить другим странам.

Однако не забудем, что наиболее ретивые милитаристские круги в США или ученые, вроде «отца водородной бомбы» Теллера, не оставили мечты о создании так называемого «абсолютного оружия», то есть такого, которое не встретит равного ему противодействия. Как ни бесплодны, ни антинаучны эти гнусные мечты, как ни безнадежно в наш век думать о безнаказанности агрессора;— что-то напоминающее «мозг-гигант» придумывается, создается, конструируется. В этом смысле фантазия Гаузера вплотную смыкается с реальной действительностью. Мы знаем, в частности, что ныне в США не только все работы физиков-атомников, но и деятельность ученых, изучающих космос, пути овладения им, подчинена Пентагону.

В романе показано, как слаб, одинок, беспомощен честный, прогрессивно мыслящий ученый доктор Семпер Фиделис Ли не перед чудовищной машиной, а перед тем полицейским государством, которое готово его уничтожить, сослать в сумасшедший дом в случае малейшего неповиновения. Невольно мы задумываемся и о положении всей передовой интеллигенции Соединенных Штатов Америки сейчас, в 1966 году. Сотни и тысячи ее представителей открыто протестуют против расовой политики, против варварской, грязной войны во Вьетнаме, но беспощадная, как автомат, машина войны продолжает действовать.

Однако, кажется, в этом отношении предвидение Генриха Гаузера сбывается далеко не полностью. Безропотное служение военной машине, которое характерно для доктора Скривена, для всех его помощников, для милого, умного Гаса, может быть, не станет столь уж типичным для широких кругов американской интеллигенции ни в 1975 году, ни в году 1966-м. Побывавшие в США на рубеже 1965—1966 годов вдумчивые наблюдатели свидетельствуют: что-то новое происходит в американском обществе. Все еще меньшинство, но уже значительное и влиятельное меньшинство американской интеллигенции, прежде всего студенческая молодежь, занято великой переоценкой ценностей. Оппозиция всей американской внешней политике не ослабевает, охватывая и некоторую часть влиятельных кругов Вашингтона, Нью-Йорка, почти всех университетских городов. Неизмеримо возрос интерес к жизни других стран, к идеям научного социализма, к тем большим переменам, которые произошли в Азии, Африке, происходят в Латинской Америке.

Хотя правящие круги США, особенно в вопросах внешней политики, не изменили своему курсу, в рядах американской интеллигенции произошли большие изменения.

Книгу Гаузера с достаточным основанием можно охарактеризовать как сатиру. Разумеется, писателю порой не хватает смелости, меткости «попадания в цель». И все же самой настоящей сатирой звучат в романе страницы, посвященные приезду в Цефалон специальной комиссии конгресса. Это «глупые, слепые мы-

ши, выбранные нами на роль законодателей» — так аттестует членов комиссии руководитель Мозгового треста Скривен. «Наглость, глупость, невежество и ослиная тупость их вопросов могут убить на месте», — замечает он. А начавший жить и мыслить «мозг-гигант» отзывается о законодателях еще резче: «самые низшие формы животных», «двуногие мясные горшки».

Описание катастрофы, разразившейся над Штатами по вине взбунтовавшейся машины, тоже пронизано сатирой. Запертые внутри негосгораемого шкафа миллиардеры, утопающий в нечистотах Чикаго — это придумано автором не случайно, и это очень остроумно. Президента он заставляет промерзнуть на Аляске. Конгрессменов, проваливших нужный «мозгу» законопроект, наказывает, как школьников...

Эта сатирическая сторона книги заслуживает высокой оценки. Писатель подметил одну из важнейших черт современного развития в капиталистическом обществе — рост влияния монополий, постепенно овладевающих целыми отраслями производства и обслуживания нужд населения. Такая монополизация и централизация угрожают гигантски увеличить размеры любой неожиданной катастрофы. Известная теперь всему миру банальнейшая электроавария в Нью-Йорке и других городах Восточного побережья США в ноябре 1965 года приняла чудовищные масштабы. И разве повисшие в высотных лифтах дамы, 800 тысяч пассажиров метро, застрявшие на много часов в глубоких, погруженных в тьму туннелях, не напоминают нам описанных Гаузером жителей многих аме-

риканских городов, беда которых имеет тот же источник — сосредоточение управления городским хозяйством в руках монополий?

Роман Гаузера — это талантливое произведение вдумчивого и честного представителя западной интеллигенции, увидевшего за происходящим сейчас в США серьезную угрозу миру. Вполне понятно, что человек, который вел борьбу с гитлеризмом, должен был испытать жестокое разочарование при ближайшем знакомстве с Соединенными Штатами, где он, как эмигрант, искал «спасения». Он пробыл в Америке первые послевоенные годы. Оказалось, что страна Вашингтона, Джефферсона и Линкольна только и мечтает возродить на родине Гаузера, в ФРГ, все самое дурное из ее прошлого. Антифашист даже самого умеренного толка не мог не прийти в отчаяние, увидев, что в Западной Германии — по вине державы-победительницы, США, — снова пускают корни милитаризм и реваншизм.

Мы вправе рассматривать книгу Гаузера как некое серьезное предупреждение. Так же как известный фильм Стэнли Крамера «На последнем берегу» предупреждал людей о кошмарных последствиях ядерной войны, роман «Мозг-гигант» предупреждает о том, что капиталистическое общество может использовать «чудеса кибернетики» лишь во вред человечеству.

Только в социалистическом обществе техника служит на пользу людям, приносит им великие блага. В будущем совершенные машины еще больше облегчат труд человека, украсят, расцветят его жизнь.

Общество, в котором господствуют капиталистические монополии, опасно. Граждане социалистических стран должны знать об этой опасности, и в этом отношении роман Генриха Гаузера поучителен и полезен. Мы уверенно можем отбросить фаталистическую веру в «неизбежность» новой истребительной мировой войны. Такая война может быть предотвращена и будет предотвращена! Но книга «Мозг-гигант» зовет людей к бдительности.

Борис Леонтьев

Г. Гаузер
МОЗГ-ГИГАНТ

Редактор *Г. Левенштейн*
Художник *Н. Попов*
Художественный редактор *Ю. Максимов*
Технический редактор *Л. Кондюкова*
Корректор *Г. Разоренова*

Сдано в производство 6/XII 1965 г.
Подписано к печати 30/III 1966 г.
Бумага $70 \times 90^{1/32} = 4,44$ бум. л.,
10,38 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 10,99. Изд. № 12/3373
Цена 58 коп. Зак. 908
(Темплан 1966 г. изд-ва «Мир», пор. № 229)

●
ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
Москва, 1-й Рижский пер., 2

●
Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР.
Ярославль, ул. Свободы, 97

